

ISSN: 2790-7570

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)

№4 (24) - 2025г.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

(НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ)

№4 (24) - 2025г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

<u>РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ</u>	
Главный редактор	Золотухин Алексей Валерьевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, декан юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Зам. главного редактора	Исмоилова Зайнура Исрофиловна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зам. декана по научной работе юридического факультета, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Ответственный секретарь	Аминова Фарида Махмадаминовна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право
Члены редакционного совета:	<p>Имомова Нилуфар Махмайсусовна - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, проректор по воспитательной работе, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право</p> <p>Бельх Владимир Сергеевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право</p> <p>Кузнецова Ольга Анатольевна - Российская Федерация, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зам. декана по научной работе юридического факультета, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право</p> <p>Муртазозода Джамшед Сайдали - Республика Таджикистан, депутат Маджлиси намоёндагои Маджлиси Оли Республики Таджикистан, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право</p> <p>Гаюров Шукрулло Караматуллоевич - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право</p> <p>Васильев Антон Александрович - Российская Федерация, Алтайский государственный университет, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве</p> <p>Дашин Алексей Викторович - Российская Федерация, Кубанский государственный аграрный университет, профессор кафедры международного частного и предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве</p> <p>Сотиводиев Рустам Шарофович - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, профессор кафедры теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве</p> <p>Ипшекков Константин Анатольевич - Российская Федерация, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, доцент кафедры правовых основ управления, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право</p> <p>Диноршох Азиз Мусо - Республика Таджикистан, Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе, первый заместитель, заместитель исполнительного директора по науке, инновациям и международному сотрудничеству, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право</p> <p>Азимзода Назир Бозор - Республика Таджикистан, Таджикский международный университет, зав. кафедрой международных отношений и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право</p> <p>Дьядкин Дмитрий Сергеевич - Российская Федерация, Сургутский государственный университет, директор института государства и права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право</p> <p>Рустемова Гаухар Рустембековна - Республика Казахстан, Казахская Академия труда и социальных отношений, профессор кафедры правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право</p> <p>Сулайманова Назгуль Назарбековна - Республика Киргизия, Кыргызско-Российский Славянский университет, зав. кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право</p> <p>Сафарзода Анвар Ислои - Республика Таджикистан, Исполнительный аппарат Президента Республики Таджикистан, руководитель Управления образования, культуры и информации, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право</p> <p>Гаврилов Борис Яковлевич - Российская Федерация, Академия управления МВД Российской Федерации, профессор кафедры управления органами расследования преступлений, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 – Уголовный процесс</p> <p>Махмудов Изатулло Тешаевич - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой судебного права и прокурорского надзора, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 – Уголовный процесс</p>

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Муродзода Ардашер Алишер - Республика Таджикистан, судья района Шохмансур г. Душанбе, кандидат юридических наук, 12.00.09 – Уголовный процесс

Абашидзе Аслан Хусейнович - Российская Федерация, Российский университет дружбы народов, зав. кафедрой международного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Титова Татьяна Александровна - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, доцент кафедры международного и европейского права, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Идизода Файзали Фузайлло - Республика Таджикистан, Маджлиси Оли Республики Таджикистан, Председатель Комитета по государственному строительству и местному самоуправлению Маджлиси намоияндагон, кандидат юридических наук, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Носиров Хуршед Толибович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой гражданского права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Сулгонова Тахмина Истамовна - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой предпринимательского права, доктор юридических наук, доцент, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Мороз Светлана Павловна - Республика Казахстан, Высшая школа права «Адилет», декан, доктор юридических наук, профессор, 12.00.03. - Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право

Абдуллин Аделъ Ильсиярович - Российская Федерация, Казанский (Приволжский) федеральный университет, зав. кафедрой международного и европейского права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Мансуров Умед Абдуфаттохович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, Международный Комитет Красного Креста, юридический советник Миссии, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Раджабода Махмадёр Носир - Республика Таджикистан, Педагогический институт Таджикистана в Рафтском районе, ректор, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.10 - Международное право; Европейское право

Абдухамитов Валичон Абдухалимович - Республика Таджикистан, Консалтинговая компания «Russell Bedford ААА», старший юрист, доктор юридических наук, доцент, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Назаров Аваз Кувватович - Республика Таджикистан, Таджикский национальный университет, зав. кафедрой криминалистики и судебно-экспертной деятельности, доктор юридических наук, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Козаченко Иван Яковлевич - Российская Федерация, Уральский государственный юридический университет, зав. кафедрой уголовного права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Алимов Суробшо Юсушпоевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный процесс; муниципальное право

Эльназаров Давалатшо Ходжаевич - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой государственно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, доцент, 12.00.01 - Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве

Кондрашев Андрей Александрович - Российская Федерация, Сибирский Федеральный университет, зав. кафедрой конституционного, административного и муниципального права, доктор юридических наук, профессор, 12.00.02 - Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон - Республика Таджикистан, Академия МВД Республики Таджикистан, заместитель начальника по науке, доктор юридических наук, доцент, 12.00.09 – Уголовный процесс

Хамроев Шухратджон Садинович - Республика Таджикистан, Российско-Таджикский (Славянский) университет, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, 12.00.09 – Уголовный процесс

Михайлов Виктор Александрович - Российская Федерация, Российская таможенная Академия, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, доктор юридических наук, профессор, 12.00.09 – Уголовный процесс

Адрес редакции

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
 тел.: (+992 237) 227-67-40; www.rtsu.tj
 e-mail: ismoilova-2016@mail.ru; farida.aminova.2016@mail.ru
 Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан.
 Лицензия №147/ЖР-97 от 27 марта 2020 года.

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора.....9

12.00.02 - КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Полтавец А.В. Конституционные основы экологических прав человека и их виды.....10

Шоисматуллоева Ф.Ш. Современные экологические проблемы России: вопросы конституционно-правового регулирования.....19

12.00.03 - ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров в международном коммерческом арбитраже. Анализ законодательства государств Центральной Азии (Республики Таджикистан и Республики Узбекистан).....25

Рахматова Т.Р. Основания возникновения и способы разрешения коллизий законов в сфере расторжения брака с иностранным элементом.....35

Романенко А.В. Крупные сделки как ограничение принципа свободы договора.....39

Хаутов Г.М. Особенности правового положения заёмщика в договоре потребительского кредита.....44

12.00.08 - УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ; УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Абдуллаев Н.С., Хамроев Ш.С. Уголовно-правовая характеристика полового сношения с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста: теоретические и сравнительно-правовые аспекты.....49

Абдуллаева Р.А., Ахмадзода А.Дж. Личность экстремиста и его изучение в контексте криминологии.....56

Рахмонов И.Д. Интерпретация похищения человека как преступления в зороастрийском и мусульманском праве.....64

Урфонзода Д.С. Роль принципа презумпции невиновности для защиты прав лиц, чьи уголовные дела прекращены по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям.....69

12.00.09 - УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Кармишев Р.З. Особенности расследования коррупционных преступлений: теория и практика.....75

Тохиризода О.Т. О необходимости развития института мировой юстиции в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан.....79

Хамроев Ш.С. Прокурорский надзор в механизме реализации мер уголовно-процессуального принуждения.....86

Холзода А. К вопросу о порядке использования доказательств в уголовном процессе.....91

12.00.10 – МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Аминова Ф.М. Нормативные основы охраны атмосферного воздуха: международные стандарты и национальное законодательство Республики Таджикистан.....	96
Аминова Ф.М., Кудратуллозода Б.К. Сотрудничество по вопросам осуществления практических мер в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ в Республике Таджикистан.....	100
Бодурова Г.Г. К вопросу об определении юридической природы концепции устойчивого развития.....	104
Лютфиллозода Т.Л. Двойное гражданство в международном праве: практика взаимодействия России и Таджикистана.....	109
Мамадамонов У.М. Роль международных экономических организаций в сближении международного и национального права.....	113
Правила для авторов и порядок рецензирования.....	117

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ!

Вышел в свет очередной номер научного журнала «Юридический вестник» юридического факультета Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Выпуск журнала - результат усилий команды молодых докторов, кандидатов наук и соискателей, которые с энтузиазмом воплотили в жизнь свою идею об учреждении нового периодического издания для быстрой, полной и открытой публикации результатов научных исследований учёных-правоведов.

Наш журнал унаследовал устоявшиеся традиции и порядок опубликования научных статей в ведущих журналах Таджикистана и России, в связи с чем требования к их оформлению максимально приближены к требованиям, предъявляемым к рецензируемым научным изданиям, рекомендуемым Высшими аттестационными комиссиями Республики Таджикистан и Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований.

В сегодняшнем мире успех деятельности любого ученого оценивается по востребованности его работ, что подтверждает, в том числе, уровень их цитирования. Поэтому особую актуальность приобретают наукометрические базы учета научных публикаций.

Научный журнал «Юридический вестник» представляет собой пример свободной печатной площадки для опубликования научных достижений ученых-юристов, что позволит каждому автору раскрыть свои научные способности, представить разработанную им научную идею или концепцию, популяризировать свои научные исследования, чтобы использовать юридические знания во благо общества и государства.

При этом следует подчеркнуть, что публикационное поле деятельности нашего журнала будет охвачено не только научными трудами отечественных ученых и специалистов, но также и зарубежных исследователей. Это возможно благодаря нашему тесному сотрудничеству с иностранными коллегами, круг которых, естественно, гораздо шире, чем список учёных, вошедших в состав редакционной коллегии журнала «Юридический вестник». Информировав наших читателей о новейших достижениях зарубежной юридической науки и практики, мы исходим из принципа актуальности интеграции науки и научного познания. Ведь развитие отечественной правовой мысли невозможно без учета современного состояния мировой юридической науки.

Я призываю всех наших коллег активнее участвовать в научной деятельности. Мы приглашаем к сотрудничеству ведущих ученых и специалистов Республики Таджикистан и зарубежных стран. Именно Ваши научные труды являются основой новых направлений исследований для аспирантов и соискателей, начинающих ученых.

Мы верим, что с помощью и при поддержке наших авторов и читателей наш журнал станет одним из лидирующих периодических научных изданий в области юриспруденции как в Республике Таджикистан, так и за его пределами.

Хочу пожелать мира, благополучия и достижения поставленных целей!

**Главный редактор
доктор юридических наук, доцент,
А.В. Золотухин**

УДК 342.7 (575.3)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ИХ ВИДЫ

Полтавец Алексей Витальевич

Старший преподаватель кафедры международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.:(+992) 2273986, E-mail: alex-city@inbox.ru

В статье проводится анализ экологических прав человека как прав «третьего поколения», занимающих межотраслевое значения в системе прав и свобод. В статье рассматриваются конституционные основы экологических прав в Республике Таджикистан и их выражение в действующем законодательстве. В рамках статьи также затрагиваются вопросы обоснования идеи экологической демократии, которая проецирует преимущества в виде доступа к экологической информации, участия общественности в решении экологических вопросов как ключевого принципа демократического государства.

Ключевые слова: Конституция, экологическое право, охрана окружающей среды.

Современная юридическая наука рассматривает экологические права человека как новое поколение прав – так называемые права третьего поколения, отражающие трансформацию правового сознания человечества от антропоцентризма к экосоциальной парадигме. Конституционные основы данных прав представляют собой нормативно-ценностный фундамент, закрепляющий обязанность государства обеспечивать сбалансированное

взаимодействие человека и природы, гарантировать доступ к экологической информации, участие граждан в принятии экологически значимых решений и эффективные средства защиты экологических прав.

Систематизация конституционных положений позволяет выделить несколько ключевых блоков конституционных основ: аксиологический, институционально-правовой и процедурно-гарантийный. Аксиологический блок выражает идеологию экологического гуманизма и устойчивого развития, где природа признаётся не только объектом хозяйствования, но и элементом общего блага, обладающим собственной ценностью. Институционально-правовой блок формирует систему конституционно закреплённых институтов – права на благоприятную окружающую среду, на достоверную экологическую информацию, на возмещение вреда, причинённого экологическими правонарушениями. И наконец процедурно-гарантийный блок, который обеспечивает реализацию

данных прав через механизмы судебной, административной и общественной защиты.

В данном ключе особое значение имеет вопрос места экологических прав в традиционной системе прав человека, так как они занимают интересную позицию, пронизывая все основные категории прав – личные, социально-экономические и коллективные. По мнению ряда исследователей¹, в отличие от классических прав, направленных на защиту автономии личности, экологические права имеют индивидуальный характер, охватывая интересы не только нынешнего, но и будущих поколений. Таким образом, экологические права выполняют интеграционную функцию, соединяя гуманитарные и природоохранные начала, а также придавая системе прав человека цивилизационную направленность.

Конституция РТ закрепляет фундаментальные нормы, которые определяют весь вектор развития экологического законодательства страны. Исходя из этого мы можем констатировать, что в наиболее развёрнутом виде весь

спектр экологических прав человека нашли свое отражение в Законе РФ «Об охране окружающей среды», которая полностью соответствует норме и духу действующей конституции. Статья 12 указанного закона перечисляет следующие экологические права: право обращения в государственные органы для получения полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды; право на участие в собраниях, митингах, шествиях, демонстрациях, посвященных вопросам охраны окружающей среды; право на участие граждан в процессах рассмотрения проектов планов, программ и нормативно-правовых актов, касающихся окружающей среды; право на обращение в государственные органы с жалобами по вопросам охраны окружающей среды; право на судебную защиту нарушенных экологических прав; право на страхование жизни, здоровья и имущества от неблагоприятного воздействия окружающей среды, происходящих в результате хозяйственной или иной деятельности и т.д.

Очевидно, что традиционная концепция прав человека не является статичным конструктом и под давлением существующих тенденций имеет свойство к своей модернизации в различных плоскостях, экологические права в данном смысле не являются исключением. В этой связи К.В. Моисеев отмечает: «В связи с возникающими перед мировым сообществом новыми вызовами, связанными с загрязнением окружающей среды, сокращением биоразнообразия и глобальным быстрым изменением климата, актуальность развития международно-правового статуса личности и защиты прав человека, связанных с окружающей средой,

только повышается. На сегодняшний день уже нет никаких сомнений, что благоприятная окружающая среда имеет ключевое значение для осуществления прав человека и наоборот - осуществление прав человека (включая права на информацию, участие общественности и право на доступ к средствам правовой защиты) имеет решающее значение для охраны окружающей среды»¹. Предложенная автором мысль четко описывает проблему современного международного права: ускорение экологических трансформаций планетарного масштаба ставит под сомнение адекватность существующих правовых конструкций, встроенных вокруг классических основных прав человека. В этом ключе важно подчеркнуть, что речь идет не столько о количественном расширении списка прав, сколько о качественной концептуализации правового статуса личности, т.е. о перераспределении правового объема, субъектности и процедурных возможностей индивида и коллективов в условиях, когда экологические процессы становятся детерминантой осуществления остальных прав. Подобный сдвиг затрагивает сущность субъекта права: от автономного носителя индивидуальных благ к субъекту, чьи базовые права прямо коррелируют с состоянием окружающей среды и функционированием экосистем как социальных предпосылок реализации этих прав.

На наш взгляд, анализ взаимозависимости благоприятной окружающей среды и прав человека требует перехода от риторики «влияния» к теории нормативной взаимности. Иными словами, экологическое состояние не является внешним фактором, а лишь модифицирующим претензии прав, оно представляется

условием возможности реализации права на жизнь, здоровье, жильё и так далее. Соответственно, эффективность правовой защиты в экологической сфере определяется не столько наличием формальных положений, сколько наличием институциональных и процессуальных механизмов, способных трансформировать коллективные экологические интересы в индивидуализированные юридические притязания. Здесь ключевым становится признание процессуальных прав (доступа к экологической информации, к участию в вопросах, касающихся окружающей среды, к судебным механизмам за защитой своих экологических интересов и т.д.) как не просто вспомогательных, а структурообразующих элементов экологического права человека, то есть инструментов, посредством которых права обретают практическую материализацию и превентивный характер.

В то же время анализируемая мысль автора предлагает коррекционный, но одновременно и трансформационный вектор, где речь идет не только о дополнении действующей правовой системы новыми правами и процедурами, но и о переустройстве самой логики правового регулирования в сторону интеграции экологического измерения в сущностные основания прав человека. Такая реконструкция требует комплексного подхода, соединяющего содержательные стандарты, процессуальные гарантии, институциональные механизмы и ценностную легитимацию. Очевидно, что только подобная синергия способна обеспечить реальную, а не номинальную защиту экологических интересов личности и общества в эпоху растущих экологических вызовов.

¹ Моисеев К.В. Современное состояние экологических прав человека // Международное право. 2025. №1. С. 67.

Также интересной представляется мысль Д. Нокса, который пишет: «...деградация окружающей среды может наносить вред всем правам человека, независимо от каких-либо категорий, однако, отдельные права человека оказываются уязвимы перед экологическим ущербом в большей степени, чем другие»¹. С теоретико-правовой точки зрения, экологическая деградация выступает как перекрёстное нарушение, то есть такое, которое не вписывается в узкие рамки отдельной категории прав, а пронизывает их, разрушая системные взаимосвязи между ними. Загрязнения воздуха и воды, разрушение экосистемы, изменение климата и истощения почв представляются явлениями, которые подрывают базовые условия осуществления прав человека, поскольку человек не существует вне природной среды, а само понятие «достойная жизнь» немыслимо без экологической устойчивости. Таким образом, деградация окружающей среды становится своеобразным состоянием, подрывающим не отдельное право, а целостную систему человеческих прав и свобод.

Однако в рамках тезиса о воздействии деградации окружающей среды на права человека действительно можно выделить своеобразную градацию уязвимости прав, где первым страдают те, чья реализация напрямую зависит от природных условий. К таким правам относятся, прежде всего, право на жизнь, право на здоровье и право на достойный жизненный уровень. Загрязнение воздуха и воды, радиационное воздействие, проблемы продовольственной безопасности и климатические угрозы создают прямой риск биологического существования человека, что выво-

дит экологическую проблематику на повестку всего международного сообщества и которые не могут игнорироваться государствами. В данном смысле право на жизнь приобретает экологическое измерение, превращаясь из абстрактного постулата в конкретное требование сохранения жизненно необходимых экологических условий.

Второй уровень уязвимости формируют социально-экономические и культурные права, поскольку экологическая деградация подрывает социальную инфраструктуру, лишает людей средств к существованию, разрушает традиционные формы землепользования. Особенно остро это проявляется в отношении стран, где аграрный сектор имеет чрезвычайно важное значение для достаточно большого количества населения и национальной экономики, Республика Таджикистан в данном смысле не является исключением.

И наконец третий аспект – это усиление неравенства и социальной маргинализация, так как экологическая деградация редко распределяется равномерно, уязвимые группы населения в число которых входят сельские общины, жители промышленных зон, женщины и дети в подобной ситуации находятся в особой зоне риска нарушения их экологических прав. В этой связи закономерным представляется тот факт, что экологически ущерб не просто нарушает конкретные права, но и усугубляет структурное неравенство, превращаясь в фактор социальной дискриминации и правового отчуждения.

Если ранняя система прав строилась по секторам – личные, политические, социально-экономические, культурные, то в эпоху климатических изменений она

все более тяготеет к интегративной модели, где экологический компонент пронизывает все категории прав человека в совокупности, что, в свою очередь, требует отказа от традиционной иерархии прав человека в пользу концепции экологической взаимозависимости прав и свобод, согласно которой защита окружающей среды становится необходимым условием реализации любого права, а не отдельным направлением правовой политики государства.

Несомненно, тезис о различной степени уязвимости прав человека перед экологической деградацией имеет не просто констатирующее, но и нормативное значение, так как она требует дифференцированного подхода к защите прав, с приоритетом охраны тех, чья реализация находится в прямой зависимости от природной среды, что, в свою очередь, предполагает формирование специализированных правовых механизмов, которые учитывают экологические риски, а также разработку процедур превентивной защиты прав человека в экологическом контексте. Мы считаем, что только при подобном подходе возможно выстроить систему, где право на жизнь и здоровье не будет зависеть от географии, экономического статуса или политических возможностей государства, а станет универсальной гарантией, основанной на признании взаимозависимости человека и природы.

Как считают другие теоретики рассматриваемой проблематики: «Корни различий во взглядах относительно экологических прав человека можно найти в мышлениях о природе прав человека в целом. Дискуссия о природе прав человека (в том числе и экологических) сводится к двум

¹ Кнох J. H., Пежан R. (ed.). The human right to a healthy environment. Cambridge University Press, 2018. P.214.

основным позициям. Первая рассматривает права человека как неотъемлемые моральные (естественные) права. Вторая позиция утверждает, что права человека являются продуктом реальных социальных практик и институтов. Этот спор отражает фундаментальное различие во взглядах на источник и природу прав человека: являются ли они универсальными моральными истинами или же результатом исторического развития человеческих обществ и их институтов¹. Следует указать, что данный тезис отражает глубокий методологический и концептуальный контекст дискуссии об экологических правах человека, укореняя их в более широкой проблематике теории прав человека. На наш взгляд, автор корректно указывает, что разнообразие подходов к экологическим правам напрямую связано с различиями в понимании самой природы прав человека, что делает их правовую и философскую интерпретацию предметом интенсивного научного обсуждения. Указанные различия имеют не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку определяют, каким образом государство, международные организации и суды формируют стандарты, интерпретируют права и выстраивают механизмы их защиты в контексте экологических вызов.

Видный российский исследователь экологических правоотношений М.М. Бринчук по поводу данной проблематики пишет: «...экологические права необходимо рассматривать как особую категорию в системе прав человека, связанную с законами природы и обусловленную природой человека как биологического

существа. Он подчеркивает, что право на благоприятную окружающую среду является основным экологическим правом и вытекает из биологической потребности человека в благоприятных природных условиях. Человек не может существовать без доступа к чистой воде, воздуху и другим жизненно важным ресурсам. Если природные условия нарушены – это неминуемо сказывается на здоровье и благополучии человека. Экологические права человека обусловлены тем, что человек является не только социальным, но и природным существом. Государство должно создавать правовые механизмы, которые обеспечат реализацию этих прав и их защиту»². Мы поддерживаем подобную точку зрения, так как экологические права человека действительно представляют собой особую категорию в системе прав человека, имеющие двойственную природу – правовую и биологическую. В отличие от традиционных гражданских и политических прав, основанных преимущественно на социальных отношениях, экологические права коренятся в естественных законах бытия, выражая неразрывную связь человека с окружающей средой. Следует отметить, что они отражают онтологическую зависимость человека от природы, поскольку его существование невозможно без доступа к чистому воздуху, воде, плодородной почве и сбалансированным экосистемам. Таким образом, право на благоприятную окружающую среду выступает не только юридической, но и биосоциальной необходимостью, вытекающей из самой сущности человека к природному существованию.

Другой видный теоретик экологического права М.Н. Копылов по этому поводу писал: «...право на благоприятную окружающую среду является субъективным правом, которое включает в себя три компонента: возможность определенного поведения обладателя права, возможность требовать соответствующего поведения от других лиц, и возможность обращения к государству для обеспечения этого права. Отсутствие любого из этих компонентов делает право неполноценным. В контексте охраны окружающей среды важно обеспечить баланс между правами и обязанностями человека в национальном законодательстве, так как активность в исполнении обязанностей зависит от системы соответствующих прав и степени их обеспеченности»³. Мы поддерживаем данную мысль и считаем уместным добавить, что применительно к праву на благоприятную окружающую среду, указанные три компонента проявляются следующим образом. Во-первых, индивид обладает возможностью осуществлять экологически осознанное поведение – участвовать в охране природы, рационально использовать ресурсы, контролировать воздействие на окружающую среду. Во-вторых, он имеет право требовать от других субъектов т.е. физических или юридических лиц соблюдать экологические нормы, в целях предотвращения загрязнений, разрушения экосистемы, нанесения вреда окружающей среде. Наконец, в-третьих, гражданин может требовать от государства выполнения его обязанностей по охране окружающей среды, включая принятие природоохранных нормативно-

¹ Hayward T. Constitutional environmental rights. - OUP Oxford, 2004. p.37.

² Бринчук М.М. Естественные права человека как проявление законов природы // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2019. Т. 29. № 1. С. 64.

³ Копылов М.Н. Право на благоприятную окружающую среду: процесс становления юридического содержания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2003. № 1. С.51.

правовых актов, проведение мониторинга и привлечение к ответственности нарушителей экологического законодательства.

В Республике Таджикистан данное право вытекает из конституционных положений, согласно которым каждый имеет право на благоприятную окружающую среду и обязан сохранять её. В национальной системе права установлено единство прав и обязанностей человека в сфере экологии, что отражает современную тенденцию к формированию экологического правосознания. Однако, несмотря на наличие правовых гарантий, проблема реализации субъективного права на благоприятную среду остаётся актуальной, так как наблюдается недостаточная эффективность экологического контроля, ограниченным доступом граждан к экологической информации и слабым развитием судебных механизмов защиты.

В современной правовой доктрине также существует иной подход, определяющий экологические права человека, который именуется рядом учёных институциональным. К примеру, институциональный подход используется К.В. Медведевым при определении экологических прав человека следующим образом: «солидарные (коллективные), принадлежащие как всему человечеству, так и отдельному человеку, который принадлежит к определённому сообществу, являющиеся достижением компромисса между экологическими и экономическими интересами с целью сохранения жизни человечества на Земле, опосредующие гарантированную обществом и государством правовую возможность удовлетворения человеком собственных биологических, эстетических и производственных

потребностей в процессе его взаимодействия с окружающей средой»¹. Подобного подхода придерживаются довольно большое количество современных учёных, так как он является более комплексным направлением осмысления природы экологических прав человека, который выходит за рамки традиционного индивидуалистического восприятия прав человека. Институциональный подход рассматривает экологические права не только как личные субъективные возможности индивида, но и как социально-институциональное явление, отражающее взаимосвязанность интересов личности, общества и государства в сфере охраны окружающей среды.

Как отмечает отечественный исследователь М.М. Сохибзода: «...экологические права человека состоят из двух основных элементов: экологических прав и свобод человека и экологических обязанностей человека»². Согласно рассматриваемой точке зрения, экологические права человека состоят из двух взаимосвязанных элементов: экологических прав и свобод личности и экологических обязанностей человека. Подобный дуализм отражает более зрелое системное понимание сущности экологических отношений, в которых права неразрывно сопряжены с ответственностью за состоянием природной среды.

Отличие этого подхода от традиционной, преимущественно западной доктрины, состоит в том, что он придаёт особое значение обязанностям человека в контексте экологического права. Если в зарубежных концепциях акцент делается преимущественно на правах личности, то отечественный теоретик, в частности в контексте конститу-

ционного права Республики Таджикистан, исходит из необходимости установления равновесия между правом и долгом, что отражают глубокую философскую идею о том, что право на благоприятную окружающую среду невозможно реализовать без активного участия самого человека в её сохранении.

Действительно, в Конституции Республики Таджикистан отсутствует прямая норма, формулирующая экологические права явном виде, однако в статье 44 закреплена экологическая обязанность каждого сохранять природу. Указанная норма имеет не только формальное, но и регулятивно-мотивационное значение, выступая руководством к совершению определённых действий, например, к рациональному использованию природных ресурсов, участию в экологических мероприятиях, соблюдению норм природоохранного законодательства. Одновременно она содержит и запретительное начало, выражающееся в недопустимости деяний, наносящих ущерб окружающей среде.

Таким образом, включение экологических обязанностей структуру экологических прав человека формирует интегральную модель экологической ответственности, характерную для отечественной правовой системы. На наш взгляд, данный подход позволяет рассматривать экологические права не как пассивную гарантию, а как активное правовое состояние, требующее сознательного участия гражданского общества в обеспечении экологического благополучия государства.

В условиях формирования демократического правового государства экологические права приобретают системное значение, так как они обеспечивают не

¹ Медведев К.В. Екологічні права громадян України: гарантії їх судового захисту: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 2012. С.16.

² Сохибзода М.М. Экологическое право Республики Таджикистан: первое издание. Душанбе: «ЭР-граф», 2021. С. 89.

только правовую защиту человека от экологических угроз, но и его активное участие в принятии экологически значимых решений. Именно активное участие гражданского общества в данных правоотношениях составляет основу экологической демократии, как особая форма проявления народовластия в экологической сфере. Через такие механизмы граждане становятся не пассивными наблюдателями, а полноценными субъектами экологического управления, что усиливает доверие к институтам государства и способствует развитию всех государственных институтов.

Признание государством экологических прав человека не является простой декларацией, а наоборот, это глубокое политико-правовое обязательство, которое предполагает институциональное закрепление принципов прозрачности, ответственности и участия граждан в экологических правоотношениях. В этом смысле экологические права становятся чрезвычайно значимым критерием современного демократического государства, так как без их эффективного обеспечения невозможно построение подлинно правового и социально справедливого общества.

Сторонники теории «экологической демократии» подчёркивают неспособность традиционно выделяемых форм решить существующие экологические проблемы, указывают на необходимость переосмысления возможностей общественного участия, значение прозрачности, подотчётности и легитимности, взаимосвязи экологических и демократических ценностей, институционализации экологических прав и практик эффективного экологического управления¹. Мы считаем вышеуказан-

ную мысль вполне обоснованной, так как классическая модель демократии, сосредоточенная преимущественно на политических и экономических свободах, зачастую игнорирует экологическое измерение прав человека и не обеспечивает реального участия граждан в управлении природными ресурсами и экологической безопасностью. В связи с этим экологическая демократия выступает как новый, и в некотором смысле, революционный этап эволюции демократической теории, где акцент смещается на взаимосвязь экологической ответственности и общественного участия.

Основная идея данного тезиса, на наш взгляд, заключается в том, что подлинная демократия невозможна без экологического измерения, так как права человека и состояние окружающей среды взаимосвязаны по своей сути. Демократическая модель, основанная на учёте экологической проблематики, является не периферийной сферой политики государства, а выступает в качестве его структурного ядра, обеспечивая долгосрочное выживание общества в достойных условиях. Сторонники рассматриваемой концепции подчёркивают необходимость институционализации экологических прав, их закрепления на уровне конституционного и административного права, а также включения экологических приоритетов в процесс принятия государственных решений.

Следует подчеркнуть, что ключевыми принципами экологической демократии являются прозрачность, подотчётность и легитимность. Прозрачность обеспечивает доступ граждан к достоверной экологической информации, подотчётность пред-

полагает ответственность государственных органов и субъектов хозяйственной деятельности за экологические решения их последствия, а легитимность формируется через участие общественности, которое придаёт экологической политике доверительный и справедливый характер. Именно ряд таких элементов делают экологическую демократию не просто теоретическим конструктом, а реальной практикой экологического управления, основанной на сотрудничестве государства и общества.

Исходя из этого, экологическая демократия формирует новое понимание социальной справедливости, в рамках которого экология становится неотъемлемой частью прав человека и общественного контроля над властью. В условиях Республики Таджикистан данная концепция приобретает особую актуальность, поскольку отвечает стратегическим задачам устойчивого развития, закреплённого в национальных и международных обязательствах страны, включая участие в Орхусской конвенции, имеющей целью поддержку защиты экологических прав человека и инициацию процесса построения модели экологической демократии в участвующих в ней государствах.

Исследуя особенности проявления экологической демократии на практике, А.В. Тетерин приводит опыт Бразилии в данном вопросе: «Конституционная реформа 1988 года в Бразилии привела к закреплению права граждан участвовать в управлении делами государства и последующей децентрализации, муниципальные власти получили возможность участвовать в решении вопросов здравоохранения, охраны природной среды и т.д. В Порту-Алегри впервые в мире

¹ Baber W. F. A rights foundation for ecological democracy // Journal of Environmental Policy and Planning. 2020. № 22. P. 78.

был применён такой механизм как «бюджет народного участия». Граждане могут самостоятельно распределить 5-25% средств местного бюджета. Приоритеты и цели расходования денежных средств определяются на тематических форумах для дискуссии самими гражданами, проживающими на территории соответствующих округов города. После подготовки проект бюджета выносится на публичное обсуждение консультативного совета, и лишь после его одобрения может быть одобрен представительным органом города¹. Несомненно, законодательные нормы и механизмы, разработанные в Бразилии и в ряде других латиноамериканских государствах, к примеру, в Эквадоре (Конституционное положение, провозглашающую концепцию «Мать-Земля», о которой мы писали в начале данного параграфа), носят в большей степени новаторский характер и в сравнительно-правовом аспекте в настоящее время выступают скорее в качестве исключения из правил. Большинство государств мира в части законодательного регулирования экологических вопросов опираются на нормы общего характера без конкретизации тех или иных процедур общественного участия граждан. Тем не менее, столь прогрессивная норма показывает, что экологическая демократия наиболее эффективно реализуется на локальном уровне, где граждане непосредственно ощущают последствия экологических решений и могут оперативно влиять на их принятие.

Другой интересной мыслью является идея о том, что экологическая демократия предполагает

построения новых демократических институтов. По этому поводу украинский исследователь и экологический активист В. Борейко приводит тезис, согласно которому: «К таким демократическим институтам прежде всего относится судебная система. Мы видим, как слабы в экологическом законодательстве рядовые судьи. Они просто его не знают. Для действенной защиты природы при экологической демократии должны быть созданы специальные суды по правам природы². В этом утверждении есть определённая логика, так как учреждение экологических судов позволит не только повысить уровень профессионализма при рассмотрении дел данной категории, но и укрепить принципы прозрачности и подотчётности, что непосредственно соотносится с концепцией экологической демократии. Ведь последняя предполагает не просто участие граждан в принятии решений, но и наличие действенных институтов, обеспечивающих реализацию экологических прав на практике.

Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что признание значения экологических прав человека неразрывно связано с основополагающими принципами государственного устройства, закреплёнными в статье 1 Конституции Республики Таджикистан, согласно которой Таджикистан провозглашается демократическим государством. Подобное конституционное положение задаёт стратегический вектор развития страны, в котором демократия рассматривается не только как форма политической организации общества, но и

как качественная характеристика всей государственной и общественной жизни, включая экологическую политику.

В подобном контексте признание и обеспечение экологических прав граждан выступает обязательным элементом реализации демократического принципа, так как демократия немыслима без участия граждан в решении вопросов, затрагивающих их жизненные интересы, в том числе экологические. Реализация права на благоприятную окружающую среду, доступ к экологической информации, участие в принятии и решении и право на судебную защиту в совокупности являются проявлением демократии в экологическом измерении, отражающим тесную связь между конституционным статусом личности и экологической ответственностью государства.

Следовательно, обращение к статье 1 Конституции Республики Таджикистан позволяет сделать важный вывод: экологическая демократия – это конкретное воплощение принципов демократического и правового государства, закреплённых в основном в законе страны. Если демократия в политическом смысле означает участие народа в управлении государством, то экологическая демократия выражает участие граждан в управлении природной средой, в контроле за экологической безопасностью и рациональным использованием природных ресурсов. Тем самым она придаёт реальное содержание идее народовластия, распространяя её не только на политическую, но и на экологическую сферу правоотношений.

¹ Тетерин А.В. Реализация концепции «экологической демократии» (опыт Порту-Алегри) // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества: сборник материалов международной научно-практической конференции (23 декабря 2020 г.) / Белорусский

государственный экономический университет; редкол.: Н. Ю. Веремеев (гл. ред.) [и др.]. Минск: Колорград, 2021. С. 153.

² Борейко В. Экологическая демократия невозможна без соблюдения прав природы // Вестник экологического образования в России. 2011. № 2(60). С.27.

В этой связи, можно утверждать, что провозглашённые в Конституции Республики Таджикистан принципы демократизма получают свою конкретное развитие через институт экологических прав человека, кото-

рые выступают практическим инструментом реализации конституционного идеала, т.е. построения демократического, социально-ориентированного и экологически ответственного государства. Уместным будет подчеркнуть, что именно по этой

причине признание, защита и развитие экологических прав неразрывно связано с укреплением демократических основ таджикской государственности.

Библиографический список

1. Анисимов А.П. Право человека и гражданина на благоприятную окружающую среду // Гражданин и право. – 2009. – № 2. – С. 72-80.
2. Борейко В. Экологическая демократия невозможна без соблюдения прав природы // Вестник экологического образования в России. – 2011. – № 2(60). – С. 26-27.
3. Бринчук М. М. Естественные права человека как проявление законов природы // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. - 2019. - Т. 29, № 1. - С. 62-69.
4. Копылов М. Н. Право на благоприятную окружающую среду: процесс становления юридического содержания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2003. - № 1. - С. 48-54.
5. Медведєв К.В. Екологічні права громадян України: гарантії їх судового захисту: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.06 / К.В. Медведєв. – К., 2012. – 17 с.
6. Моисеев К.В. Современное состояние экологических прав человека // Международное право. – 2025. – №1.– С. 66-83.
7. Тетерин А.В. Реализация концепции «экологической демократии» (опыт Порту-Алегри) // Современная политическая наука о траекториях развития государства, бизнеса и гражданского общества: сборник материалов международной научно-практической конференции (23 декабря 2020 г.) / Белорусский государственный экономический университет; редкол.: Н. Ю. Веремеев (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Колорград, 2021. – 388 с.
8. Сохибзода М.М. Экологическое право Республики Таджикистан: первое издание. – Душанбе: «ЭР-граф», 2021. – 180с.
9. Baber W. F. A rights foundation for ecological democracy // Journal of Environmental Policy and Planning. – 2020. – № 22. – P. 72– 83.
10. Hayward T. Constitutional environmental rights. - OUP Oxford, 2004. – 248 p.
11. Knox J. H., Pejan R. (ed.). The human right to a healthy environment. - Cambridge University Press, 2018 – 306 p.

ON THE CLASSIFICATION OF ENVIRONMENTAL HUMAN RIGHTS

Poltavets Alexey Vitalievich

Senior Lecturer, Department of International Law and Comparative Law Russian-Tajik (Slavic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 30 M. Tursunzade Street
tel.:(+992) 2273986, alex-city@inbox.ru

The article analyzes environmental human rights as “third generation” rights that have cross-sectoral significance in the system of rights and freedoms. The article examines the constitutional foundations of environmental rights in the Republic of Tajikistan and their expression in current legislation. The article also touches upon the justification of the idea of environmental democracy, which projects advantages in the form of access to environmental information and public participation in the resolution of environmental issues as a key principle of a democratic state.

Keywords: *Constitution, environmental law, environmental protection.*

ДАР БОРАИ ТАСНИФИ ҲУҚУҚҶОИ ИНСОН ДАР СОҶАИ МУҲИТИ ЗИСТ

Полтавец Алексей Виталиевич

Муаллими калони кафедраи ҳуқуқи байналхалқӣ ва ҳуқуқи муқоисавӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. М.Турсунзода, 30
тел.: (+992) 2273986, alex-city@inbox.ru

Мақола ҳуқуқҳои инсон дар соҳаи муҳити зистро ҳамчун ҳуқуқҳои «насли сеюм» таҳлил мекунад, ки дар низоми ҳуқуқҳо ва озодиҳо аҳамияти байнисоҳавӣ доранд. Мақола асосҳои конституционии ҳуқуқҳои экологӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ва таҷассуми онҳоро дар қонунгузори амалӣ баррасӣ мекунад. Ҳамчунин дар мақола асосноккунии идеяи демократияи экологӣ баррасӣ мешавад, ки бартарихоро дар шакли дастрасӣ ба иттилооти экологӣ ва иштироки ҷамъиятӣ дар ҳалли масъалаҳои экологӣ ҳамчун принципи асосии давлати демократӣ пешбинӣ мекунад.

Калидвожаҳо: *Конститутсия, ҳуқуқи муҳити зист, ҳифзи муҳити зист.*

УДК 342.7:502/504 (470)

**СОВРЕМЕННЫЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ:
ВОПРОСЫ КОНСТИТУЦИОННО -ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

Шоисматуллоева Фируза Шо Назаровна

старший преподаватель кафедры государственно – правовых дисциплин
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде 30
Тел: 227 86 48, e-mail: fra.sho@mail.ru

Статья посвящена анализу современного состояния экологической ситуации в Российской Федерации и конституционно- правового регулирования в сфере охраны окружающей среды. Автор рассматривает ключевые экологические вызовы, стоящие перед страной, включая загрязнение воздуха, вод и почвы, проблему отходов и уничтожение природных территорий. Особое внимание уделяется роли правовых норм в обеспечении экологической безопасности и устойчивого развития.

В работе исследуются основные источники экологического законодательства. Автор отмечает, что несмотря на наличие широкой законодательной базы, правовое регулирование страдает от недостаточной системности, слабого контроля и низкой экологической культуры населения.

Ключевые слова: экологическое право, экологическая безопасность, охрана окружающей среды, правовое регулирование, устойчивое развитие, природопользование, экологическая культура, законодательство Российской Федерации, экологическая политика, кодификация экологических норм.

не только природоохранные аспекты, но и социальные, экономические и правовые основы развития общества. В условиях возрастающей антропогенной нагрузки и роста числа экологических рисков вопросы совершенствования правового регулирования приобретают ключевое значение.

В Российской Федерации на современном этапе экологическая обстановка характеризуется наличием целого комплекса проблем, которые оказывают негативное воздействие на состояние окружающей среды, здоровье населения и устойчивое развитие страны. Существовавшие экологические проблемы, такие как загрязнения атмосферного воздуха в крупных промышленных центрах, неправильная утилизация производственных и бытовых отходов, загрязнение водных и земельных ресурсов,

разрушение природных заповедников и массовая вырубка лесов тормозят социально-экономическое развитие страны и представляют серьёзную угрозу экологической безопасности страны.

Угроза, исходящая от нарастающих мировых экологических кризисов, ставит под сомнение возможность устойчивого развития человечества, выявляя противоречие между природными ограничениями и социально-экономическими потребностями. Продуктивная охрана окружающей среды становится ключевым условием поддержания достойного уровня жизни и стабильного развития общества и здоровья граждан. Признание неразрывной связи между обществом и природой требует оперативного и комплексного правового реагирования, в частности, посредством разработки и внедрения строгих экологиче-

ских стандартов в законодательство. Также, «развитие научно-технического прогресса способствует возрастанию нагрузки на природную среду, с которой взаимодействует человек. В связи с этим появляется необходимость в регулировании этих отношений, чтобы минимизировать вред природе сейчас и в долгосрочной перспективе. Требуются последовательные и целенаправленные меры, устанавливающие основные экологические нормы в правовом и законодательном поле».¹

Роль правовых норм в сфере экологии заключается в формировании и юридическом закреплении модели ответственного взаимодействия с природой. Таким образом, нормативно-правовая база должна быть направлена на построение эффективного механизма защиты природных ресурсов и достижения экологической устойчивости.

В Российской Федерации основным источником всех отраслей прав выступает Конституция РФ. Данный нормативно – правовой акт закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду. В частности, в статье 42 указывается: «Каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением».² Положение данной нормы образует правовую основу для развития национального экологического законодательства.

Специфическим законодательством в сфере

экологии следует считать Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10. 01. 2002г. №7 – ФЗ. Этот закон четко раскрывает все понятия, как окружающая среда, охрана окружающей среды, экологическая безопасность и т.д. Согласно этому федеральному закону: «Экологическая безопасность - состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий».³

Помимо Конституции Российской Федерации и Федерального закона «Об охране окружающей среды», действует обширная система федеральных нормативно-правовых актов, направленных на регулирование вопросов охраны природы, рационального использования природных ресурсов и укрепления экологической безопасности. Эти законы образуют основу современной системы экологического законодательства России и направлены на конкретизацию конституционных положений в различных отраслях природопользования.

К числу таких актов применяется:

– Федеральный закон от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», который устанавливает порядок проведения государственной и общественной экспертизы проектов, влияющих на окружающую среду;

– Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления», регулирующий обращение с отходами, предотвращение их негативного воздействия на природу и здоровье человека;

– Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ, определяющий основы использования и охраны водных объектов;

– Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ, устанавливающий правовые механизмы рационального использования земельных ресурсов;

– Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ, регулирующий охрану, использование, воспроизводство и защиту лесов;

– Закон Российской Федерации «О недрах» от 21 февраля 1992 г. № 2395-1, который определяет основы рационального использования и охраны недр;

– Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях», гарантирующий правовую охрану заповедников, национальных парков и иных природных территорий, обладающих особой экологической ценностью.

Таким образом, Российское экологическое законодательство, базирующееся на Конституции, представляет собой комплексную систему норм, направленных на достижение баланса между экономическим развитием и охраной окружающей среды, учитывающую различные аспекты взаимодействия человека и природы.

¹ Авиллов В. Правовое регулирование экологических проблем в Российской Федерации // Инновационная наука. 2018. №6. С. 161.

² Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. [Электронный ресурс]. Режим

доступа:

<http://duma.gov.ru/legislative/documents/> (дата обращения: 04.10.2025г.).

³ Федеральный закон от 10.01.2002 №7 ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об охране окружающей среды». [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/ (дата обращения: 04.10.2025г.).

Невзирая на приведённый список законодательных и нормативных актов, экологические вопросы в России по-прежнему представляют собой существенную проблему, требующую эффективного правового решения.

Одной из ключевых причин экологических проблем является недостаточная эффективность контрольно-надзорных органов и механизмов. Часто наблюдается формальный подход к проверкам предприятий, а штрафы за нарушения оказываются несоизмеримо малыми по сравнению с прибылью, получаемой от несоблюдения экологических норм.

Кроме того, важным фактором является слабая экологическая культура населения и бизнеса. Отсутствие осознания личной ответственности за состояние окружающей среды приводит к повсеместному загрязнению территорий, несанкционированным свалкам и браконьерству. Недостаточная экологическая грамотность также является препятствием для эффективного общественного контроля за соблюдением природоохранного законодательства. Изучая проблемы экологической культуры населения, Аббасов П.Р. устанавливает: «Проблема экологической безопасности тесно связана с формированием эколого-правовой культуры. На современном этапе развития общества эффективное решение вопросов охраны окружающей среды, защиты экологических прав человека и гражданина, рационального использования природных ресурсов невозможно без формирования в обществе эколого-правовой культуры».¹

С точки зрения Е.И. Захаров: «Законодательные акты предусматривают меры организационно-правового обеспечения охраны окружающей среды и природопользования, включая в себя систему государственных органов общего управления - Президент РФ, Правительство РФ, администрация субъектов РФ и органы местного самоуправления; государственных органов комплексного управления, например, Министерство природных ресурсов РФ, которое включает в себя Федеральную службу по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Федеральное агентство водных ресурсов и др.».² Проведённый анализ российских нормативных актов в области обеспечения экологической безопасности позволяет заключить, что на данный момент отсутствует единый правовой документ, который бы комплексно охватывал и систематизировал все нормы, регулирующие общественные отношения в данной сфере.

По мнению И. О. Краснова: «Предлагается восстановить существовавшую в советское время и используемую в зарубежном законодательстве практику включения в тексты законов положения о целях и задачах правового регулирования. Документы стратегического планирования характеризуются слабой согласованностью и разрозненностью, не ясным соотношением по юридической силе и сферам регулирования. Предлагается не только придать системность работе органов государственной власти по выработке экологической политики, но и

провести кодификацию подзаконных политико – правовых актов».³ Несмотря на значимость существующих политико-правовых документов, в том числе стратегий и программ планирования, страдают от недостатка системности и внутренней согласованности. Часто в них сложно проследить ясную логику, и бывает много неопределённостей относительно их юридической силы и сфер действия, особенно по отношению к аналогичным документам. Такие недостатки в стратегическом планировании снижают эффективность правового управления и затрудняют реализацию государственной политики в данных сферах.

Для решения этих проблем необходимо прежде всего обеспечить согласованность, преемственность и гармоничное взаимодействие стратегических документов. Данное положение закреплено в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации». На основе данного принципа целесообразно осуществить систематизацию и кодификацию стратегических актов, регулирующих государственную экологическую политику на уровне подзаконных нормативных документов, что поможет повысить их согласованность и юридическую ясность.

А.И. Харьков считает, что для достижения устойчивого развития необходимо сохранить текущий уровень жизни и экологическую ситуацию. Он определяет это как ключевой показатель, который показывает, насколько эффективно мы используем природные ресурсы,

¹ Аббасов П.Р. Формирование эколого – правовой культуры студентов гуманитарных ВУЗов как инструмент экологической безопасности региона // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. 2017. №1. С. 251.

² Захаров Е.И. Проблемы правового регулирования обеспечения экологической безопасности // Молодой учёный. 2021. №40(382). С. 103.

³ Краснова И.О. Правовая природа и система актов государственной экологической политики // Актуальные проблемы российского права. 2022. №1. С. 164.

учитывая интересы общества и окружающей среды. Он в своей работе указывает, что «... в таком контексте поддержание достигнутого и обеспечение повышения уровня благосостояния и экологического благополучия рассматривается как один из критериев устойчивого развития и определяется как социально – экологическая эффективность природопользования».¹ Данное заключение соответствует с принципами, закрепленными в Конституции Российской Федерации и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. Подчеркивается важность поддержания природно-ресурсной базы страны путем разумного и продуктивного применения и охраны богатств природы. Вышеуказанная позиция подкрепляется частью 4 статьи 15 Конституции РФ и статьей 11 упомянутого Международного пакта. В них утверждается право граждан на повышение уровня жизни и акцентируется необходимость рациональной эксплуатации природных ресурсов.

Е.А. Галиновская, проводя анализ действующей нормативно-правовой основы Российской Федерации, указывает на ограниченность законодательного инструментария в областях стратегического планирования, градостроительства и земельных отношений, что свидетельствует об определенных пробелах. По мнению автора, эти недостатки мешают полноценному решению специализированных задач, связанных с пространственным развитием особо охраняемых природных территорий

(ООПТ). Иными словами, действующая законодательная база не обеспечивает полноценное правовое регулирование вопросов, касающихся развития и использования заповедных зон. По мнению Е.А. Галиновская: «... приходится признать, что ни законодательство о стратегическом планировании, отвечающее за комплексное пространственное развитие регионов и государства в целом, ни градостроительное законодательство, отвечающее за градостроительное развитие территорий, ни земельное законодательство, предметом которого являются только земельные отношения, в полной мере специальные вопросы пространственного развития системы ООПТ (природно – заповедного фонда) решить не могут».²

Исследование, проведенное Галиновской Е.А., показывает, что в областях стратегического планирования, землепользования и градостроительства для решения задач пространственного развития ООПТ наблюдается недостаточно развитых правовых механизмов.

Для решения экологических проблем в России необходимо комплексное правовое решение, включающее усиление ответственности за экологические правонарушения, повышение эффективности контрольно-надзорной деятельности и активное внедрение экономических стимулов для экологически ответственного поведения. Важным шагом является совершенствование системы экологического мониторинга и доступности информации о состоянии

окружающей среды для населения.

Наконец, необходимо уделять больше внимания экологическому образованию и просвещению, формированию экологической культуры и повышению уровня экологической ответственности у граждан и бизнеса. Только совместными усилиями государства, бизнеса и общества можно добиться реального улучшения экологической ситуации в России и обеспечить устойчивое развитие страны.

Обеспечение экологической безопасности и устойчивого развития выступает ключевым условием осуществлении конституционных прав граждан на чистую окружающую среду и высокий уровень жизни. Рациональное управление природными ресурсами, основанное на принципах устойчивого развития, позволяет не только удовлетворять текущие потребности общества, но и сохранять природный капитал для будущих поколений.

Для преодоления указанных недостатков необходимо инициировать процесс систематизации и кодификации экологических норм. Такой документ мог бы объединить существующие положения, устранить противоречия и создать единую основу для регулирования общественных отношений в сфере экологической безопасности. Реализация этой задачи потребует межведомственного взаимодействия, привлечения экспертов-экологов и юристов, а также общественного обсуждения, что позволит сформировать сбалансированную и эффективную правовую основу для охраны чистой природы в России.

Библиографический список

¹ Харьков В.Н. Правовые проблемы обеспечения экологического благополучия и охраны природных ресурсов Российской Федерации. // Экологическое право. 2022. №4. С.16.

² Галиновская Е.А. Проблемы модернизации законодательства об особо охраняемых природных территориях // Экологическое право. 2022. №5. С.20.

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (Официальный текст Конституции РФ с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01. 07. 2020г.) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/>. (дата обращения: 04.10.2025г.).
2. Федеральный закон от 10.01.2002 №7 – ФЗ (ред. от 26.12.2024) «Об охране окружающей среды». [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW/. (дата обращения: 04.10.2025г.).
3. Авилов В. Правовое регулирование экологических проблем в Российской Федерации // Инновационная наука. – 2018. - №6. С.161-163.
4. Аббасов П.Р. Формирование эколого – правовой культуры студентов гуманитарных ВУЗов как инструмент экологической безопасности региона // Научный ежегодник Центра анализа и прогнозирования. – 2017. - №1. – С. 250-253.
5. Галиновская Е.А. Проблемы модернизации законодательства об особо охраняемых природных территориях // Экологическое право. – 2022. - №5. – С. 18-25.
6. Захаров Е.И. Проблемы правового регулирования обеспечения экологической безопасности // Молодой учёный. – 2021. - №40 (382). – С. 102-103.
7. Краснова И.О. Правовая природа и система актов государственной экологической политики // Актуальные проблемы российского права. – 2022. - №1. - С. 164 – 177.
8. Харьков В.Н. Правовые проблемы обеспечения экологического благополучия и охраны природных ресурсов Российской Федерации. // Экологическое право. – 2022. - №4. – С. 15 – 18.

CONTEMPORARY ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF RUSSIA: ISSUES OF LEGAL REGULATION

Firuz Shonazarovna Shoismatulloeva

Senior Lecturer, Department of Public and Legal Disciplines

Russian-Tajik (Slavic) University

30 M. Tursunzade Street, Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan

Tel.: 227-86-48, e-mail: fira.sho@mail.ru

This article analyzes the current environmental situation in the Russian Federation and legal regulation in the area of environmental protection. The author examines the key environmental challenges facing the country, including air, water, and soil pollution, waste management, and the destruction of natural areas. Particular attention is paid to the role of legal norms in ensuring environmental safety and sustainable development.

The paper examines the main sources of environmental legislation. The author notes that despite the existence of a broad legislative framework, legal regulation suffers from a lack of consistency, weak oversight, and a low level of environmental awareness among the population.

Key words: *environmental law, environmental safety, environmental protection, legal regulation, sustainable development, nature management, environmental culture, legislation of the Russian Federation, environmental policy, codification of environmental standards.*

ПРОБЛЕМАҲОИ МУОСИРИ ЭКОЛОГИЯИ РУСИЯ: МАСЪАЛАҲОИ ТАНЗИМИ ҲУҚУҚӢ

Шоисматуллоева Фируза Шоназаровна

муаллими калони кафедраи фанҳои давлатӣ- ҳуқуқӣ

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон.

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, кӯчаи М. Турсунзода, 30

Тел.: 227-86-48, e-mail: fira.sho@mail.ru

Мақола ба таҳлили вазъи кунунии вазъи экологӣ дар Федератсияи Россия ва танзими ҳуқуқӣ дар соҳаи ҳифзи муҳити зист бахшида шудааст. Муаллиф мушкилоти асосии экологиро, ки дар назди кишвар истодаанд, аз ҷумла ифлосшавии ҳаво, об ва хок, коркарди партовҳо ва харобшавии

минтақаҳои табииро баррасӣ мекунад. Ба нақши меъёрҳои ҳуқуқӣ дар таъмини амнияти экологӣ ва рушди устувор диққати махсус дода мешавад.

Дар мақола сарчашмаҳои асосии қонунгузориҳои экологӣ баррасӣ карда мешаванд. Муаллиф қайд мекунад, ки бо вучуди мавҷудияти заминаи васеи қонунгузорӣ, танзими ҳуқуқӣ аз набудани пайвастагӣ, сусти назорат ва сатҳи пасти маърифати экологӣ дар байни аҳоли зарар дидааст.

Калидвожаҳо: қонуни экологӣ, амнияти экологӣ, ҳифзи муҳити зист, танзими ҳуқуқӣ, рушди устувор, идоракунии табиат, фарҳанги экологӣ, қонунгузориҳои Федератсияи Россия, сиёсати экологӣ, кодификацияи стандартҳои экологӣ.

УДК. 341.63:347.9 (575.3+575.1)

**ВОПРОСЫ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ СПОРОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ
КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ. АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
И РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН)**

Гавриленко Владимир Александрович

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, 196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149.

Доцент кафедры гражданского права и процесса Юридического факультета

Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого,

173003, Российская Федерация, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41

Тел.: 79218785148; e-mail: gv22@mail.ru

Автор исследовал вопросы юрисдикции и подведомственности споров субъектов предпринимательской деятельности и иных экономических правоотношений третейскому разбирательству. Также подробно рассматривается регулирование вопросов компетенции постоянно действующих арбитражных учреждений на разбирательство определенных споров.

Настоящая статья продолжает цикл исследований законодательного регулирования вопросов арбитрабельности споров в различных государствах и правовых системах.

В продолжение исследования настоящей темы автор рассматривает действующее законодательство и правоприменительную практику государств бывшего СССР, расположенных в Центральной Азии. Проводится исследование правовых систем Республики Таджикистан и Республики Узбекистан, которые были сформированы под влиянием советского и российского права, а также международных правовых традиций

Государства ближнего зарубежья, расположенные в Центральной Азии, характеризуются в целом сформировавшейся рыночной экономикой, но разным уровнем ее развития. Институт коммерческого арбитража, как средство негосударственного разрешения экономических споров, успешно действует в указанных государствах, поскольку востребован в рамках современной экономики и предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: *коммерческий арбитраж, арбитражное разбирательство споров, третейский суд, подведомственность, арбитрабельность споров, компетенция, Республика Таджикистан, Республика Узбекистан.*

Представленная статья продолжает серию публикаций в предыдущих номерах настоящего журнала, где автор исследовал вопросы арбитрабельности споров в правовых системах различных государств.

Рассмотрим сейчас институт коммерческого арбитража и его законодательное регулирование в Республике Казахстан и Республике Узбекистан, которые являются странами, ранее входившими в СССР. В данных государ-

ствах сформирована полноценная рыночная экономика, но различаются уровни ее развития.

В Узбекистане достаточно развит экономический оборот. Как следует из аналитического доклада Всемирного банка, страна вошла в первую тройку лидеров по наибольшему росту ВВП среди более чем 20 стран с формирующимся рынком и развивающейся экономикой региона Европы и Центральной Азии¹.

Таджикистан характеризуется более скромными экономическими показателями. Тем не менее, «экономические преобразования, которые наблюдаются в последние десятилетия в Республике Таджикистан, указывают на активное развитие внешнеэкономической деятельности»¹.

Вышеизложенное подтверждает актуальность вопросов дальнейшего развития и функционирования института коммерческого арбитража в данных странах и их правовых системах, как эффективного средства разрешения споров и конфликтов в экономических правоотношениях. Также в отдельных случаях, заинтересованные лица, испытывающие потребность в защите, имеют возможность разрешения конфликтной ситуации, вне использования громоздкой процедуры судебного рассмотрения и такую возможность им дает соответствующие нормативно правовые акты.

В течение долгого времени, Таджикистан и Узбекистан входили в состав СССР и, соответственно, там действовало советское право, влияние которого, как и современного российского, имеет место в национальных правовых системах. Взаимоотношения, как экономические так и политические, с Китаем и странами Европейского Союза обусловили влияние их национальных

правовых систем и международного экономического права на правотворчество таджикских и узбекских законодателей.

Соответственно, правовое регулирование коммерческого арбитража обусловлено влиянием вышеуказанных обстоятельств и взаимоотношений.

Основные понятия и термины в сфере коммерческого арбитража были подробно изложены в предыдущих статьях настоящего цикла, такие как понятие арбитража и третейского разбирательства споров², арбитрабельности споров³ и исключительной государственной юрисдикции⁴.

Рекомендую ознакомиться вышеуказанными публикациями.

Планируется к рассмотрению четыре основных вопроса, аналогично с предыдущими публикациями цикла:

- понятие и принципы арбитража в законодательных актах,
- юридические свойства арбитражного соглашения,
- арбитрабельность видов споров и компетенция арбитражных учреждений,
- процедура исполнения арбитражного решения, а также его оспаривания и отмены в связи с нарушением правил арбитрабельности.

Переходим к основным результатам настоящего исследова-

ния. Рассмотрим сначала законодательство Республики Таджикистан.

В государстве действует Закон Республики Таджикистан «О Третейских судах» № 344 от 01.01.2008 года, вступивший в действие с 01.04.2008 года (далее Закон РТ о ТС). В него вносились изменения законодательным актом № 862 от 03.07.2012 года.

Отметим, что «при разработке комментируемого Закона использовался опыт и наработки российского законодательства и юридической науки. Правовое регулирование Законом ряда вопросов третейского разбирательства споров, осуществляется аналогично с российским законодательством»⁵.

Ранее применялось «Положение о третейском суде для разрешения экономических споров в Республике Таджикистан» от 15.05.1997 года, которое предусматривало деятельность исключительно разовых третейских судов (ad hoc).

Также действует Закон Республики Таджикистан «О международном коммерческом арбитраже» № 1183 от 18.03.2015 года (далее Закон РТ об МКА)⁶. Вышеуказанный Закон прямо прописывает (п.4, ст. 1), что его действия не распространяются на «внутренние» третейские суды.

<https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/de0e4883-4e00-4081-9da1-4b1bab4ec82b/content> (дата обращения: 01.07.2025).

¹ См.: Менглиев Ш.М. Арбитражное регулирование внешнеэкономических споров. // Научный журнал «Юридическая наука: история и современность». 2013. № 12. С. 99.

² См.: Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Балтийских государств (Латвийской Республики и Эстонской Республики). // Научный журнал «Актуальные проблемы государства и права» Тамбов. 2024. Т.8. № 1. С. 119.

³ См.: Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законо-

дательства Литовской Республики. // Научный журнал «Актуальные проблемы государства и права» Тамбов. 2023. Т.7. № 4. С. 630.

⁴ См.: Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств БРИКС. // Научный журнал «Актуальные проблемы государства и права» Тамбов. 2023 Т.7. № 1. С. 129.

⁵ См.: Гавриленко В.А. Комментарий общих положений законодательства о третейском разбирательстве споров Республики Таджикистан и Кыргызской Республики. // Научно – аналитический журнал «Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации». 2019. № 1 (42). С. 14.

⁶ Официальные тексты законов Республики Таджикистан. URL: <https://ncz.tj/legislation> (дата обращения: 01.07.2025).

Следовательно, имеет место дуализм правового регулирования института коммерческого арбитража, когда международный и внутренний арбитраж регламентированы различными правовыми актами.

Отметим, что помимо правового опыта Российской Федерации при разработке вышеуказанных правовых актов также использовался международный опыт, сформулированный в Модельном законе 1985 года «О международном коммерческом арбитраже», разработанным Комиссией ООН по праву международной торговли (UNCITRAL)¹.

В Законе РТ о ТС (ст. 2) третейское разбирательство определяется как процесс разрешения спора и принятия решения в третейском суде, который в свою очередь может быть постоянно действующим или разовым (*ad hoc*) для разбирательства конкретного спора.

Закон РТ об МКА (ст. 2) определяет арбитраж, как международный коммерческий арбитраж, действующий на постоянной основе или разовый (*ad hoc*). То есть термины арбитраж и третейский суд по сути тождественны. Арбитражное разбирательство понимается как процесс рассмотрения спора в арбитраже с вынесением арбитражного решения. Стандартные формулировки.

Согласно Закону РТ о ТС (ст. 3), закреплено положение, что третейские суды организуются некоммерческими организациями – юридическими лицами. Данными организациями могут быть торгово-промышленные палаты и иные объединения субъектов предпринимательской деятельности. Прописан запрет на образование третейских судов

при органах государственной власти и местного самоуправления. Закон РТ об МКА (ст. 5) определяет арбитраж как некоммерческую организацию, действующую на возмездной основе. Также предусмотрен единственное постоянно действующее арбитражное учреждение при Торгово-промышленной палате Республики Таджикистан (ст. 6).

Рассмотрим далее принципы коммерческого арбитража.

Закон РТ о ТС (ст. 21) предусматривает следующие принципы – законности; добровольности; конфиденциальности; независимости и беспристрастности третейских судей; диспозитивности; состязательности и равноправия сторон.

Закон РТ об МКА (ст. 5) более подробно расписывает принципы и содержит большее их количество. Перечислим данные принципы – равноправие сторон; свобода выбора сторонами состава арбитража, применимого права, процедуры и языка арбитражного производства; договорная подсудность всех рассматриваемых дел; приоритет общепризнанных принципов международного права; независимость арбитража и арбитров; конфиденциальность рассмотрения дел; содействие окончанию спора посредством заключения сторонами мирового соглашения; окончательность выносимых арбитражем решений.

Автор подробно рассмотрел принципы коммерческого арбитража в одной из предыдущих статей². Рекомендую читателям с ней ознакомиться для более подробного изучения принципов арбитража.

Следует отметить, что Закон РТ об МКА особо обращает внимание на следование нормам международного права и вопросам примирения, как одного из эффективных способов урегулирования споров, что сформулировано в качестве основных принципов.

Арбитражное соглашение.

Общее правило гласит, что необходимым основанием для третейского разбирательства споров является арбитражное соглашение.

Вопросы арбитражного соглашения достаточно подробно рассмотрены в Законе РТ о ТС (ст. 4). Правовым основанием передачи спора на рассмотрение третейского суда является третейское соглашение, которое может заключаться как в виде третейской оговорки к основному договору, так и в виде отдельного договора.

Третейская оговорка может быть предусмотрена в любом гражданско-правовом договоре. Она представляет собой существенную и самостоятельную часть договора, заключаемую в письменной форме. Кроме того, основанием для разрешения возникшего или возникающего, т.е. уже имеющего место спора является третейское соглашение, заключаемое в виде отдельного письменного договора. Не разрешается изменение основного договора сторонами, с целью добавления в него третейской оговорки по поводу возникшего спора.

Предписывается заключение третейского соглашения в письменной форме в порядке, установленном законодательством. Оно может представлять собой документ, подписанный сторо-

¹ UNCITRAL "Model Law on International Commercial Arbitration" of June 21, 1985 (with changes of July 7, 2006) adopted by United Nations General Assembly resolutions of December 11, 1985 No 40/72 and of December 4, 2006 No 61/33. 45. //

<https://uncitral.un.org/en/texts/arbitration> (дата обращения: 01.07.2025).

² См.: Гавриленко В.А. Принципы третейского судопроизводства. // Научный журнал «Исполнительное право». 2007. № 1. С. 42.

нами, либо обмен письмами, сообщениями с использованием средств телефонной, электронной или иной связи, обеспечивающих фиксацию такого соглашения (п. 1, ст. 6 Закона РТ о ТС; ст. 11 Закона РТ об МКА). Также Закон об МКА (ст. 11) дополнительно признает полноценным арбитражным соглашением ссылку в договоре на документ, содержащий арбитражную оговорку.

Отметим также положение, указывающее прямо (п. 6, ст. 6 Закона РТ о ТС) или более обтекаемо (ст. 12 Закона РТ об МКА), что при передаче спора в постоянно действующее арбитражное учреждение стороны априори признают его регламент, в отсутствии договоренности об ином. Справедливо, что если стороны доверяют рассмотрение спора определенному третейскому суду, то они согласны с его правилами и регламентом.

Если Закон РТ об МКА не регулирует более вопросы арбитражного соглашения, то Закон РТ о ТС (п. 2, ст. 6) содержит подробные требования к содержанию арбитражного соглашения, что помогает потенциальным сторонам третейского разбирательства споров избежать юридических ошибок. Кроме этого, сторонам дается право предусмотреть в соглашении и иные требования по взаимному согласию.

Определение арбитрабельных споров в законодательстве Таджикистана в целом стандартное. Закон РТ о ТС (ст. 1) указывает, что на рассмотрение третейского суда могут передаваться споры, вытекающие из гражданских и иных экономических правоотношений внутри страны. Закон РТ об МКА (ст. 1) также указывает о возможности арбитражного разбирательства споров, возникающих из договорных отношений и иных гражданских отношений между субъектами

при осуществлении внешнеторговых и иных международных экономических связей, если одна из сторон находится за пределами страны.

Применяются общие формулировки, но конкретно разграничивается «внутренний» и международный коммерческий арбитраж.

Вопросы определения неарбитрабельных споров достаточно подробно урегулированы поправками 2012 года в Закон РТ о ТС.

Предусмотрено, что при выявлении в процессе разбирательства спора правоотношений, регулируемых публично-правовыми методами, рассмотрение спора прекращается, и сторонам рекомендуется обратиться в государственный суд (п. 5, ст. 4 Закона РТ о ТС). Общий принцип об исключительной государственной подведомственности публично – правовых вопросов отдельно прописан в правовом акте, что, на мой взгляд, позитивно с точки зрения юридической техники.

Также в Законе РТ о ТС (ст. 4.1) имеется указания на неарбитрабельные виды споров. Перечислим данные споры: об установлении фактов, имеющих юридическое значение; о защите чести, достоинства и деловой репутации; по жалобам на постановления органов, рассматривающих административные споры; о банкротстве; о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина; возникающие из наследственных правоотношений; возникающие при записи актов гражданского состояния; касающиеся порядка и условий вступления в брак и расторжения брака; касающиеся имущественных и личных неимущественных отношений, возникающих в семье между супругами, между родителями и детьми, между другими членами семьи; возникающие в связи с

усыновлением, опекой и попечительством, принятием детей на воспитание; о признании договоров заключенными; жилищные споры; об интеллектуальной собственности; споры по отношению которых законодательством Республики Таджикистан или соглашением сторон установлен иной порядок рассмотрения.

Автор полагает целесообразным подробное указание в законодательстве видов неарбитрабельных споров, чтобы данные вопросы были полностью понятны субъектам правоотношений при заключении арбитражного соглашения и обращении в третейский суд. Обращаю внимание, что Закон РТ об МКА не содержит указаний на неарбитрабельные виды споров, что следует считать пробелом и упущением законодателей.

Компетенция третейского суда на разбирательство конкретного спора определяется по принципу «компетенции – компетенции». То есть состав арбитража самостоятельно принимает решение о наличии или отсутствии собственной компетенции на разбирательство конкретного спора, учитывая мнения и возражения сторон (ст. 20 Закона РТ о ТС, ст. 21 Закона РТ об МКА).

Вопросы исполнения арбитражного решения.

Представляется, что можно утверждать о презумпции добровольного исполнения решения третейского суда всеми сторонами спора, даже в ситуации, когда решение вынесено не в их пользу. Добровольное заключение арбитражного соглашения подразумевает согласие сторон с процедурой арбитражного разбирательства их спора и добровольное подчинение любому решению третейского суда. Данная обязанность прямо прописана в ст. 44 Закона РТ о ТС. Тем не менее, при недобросовестном поведении одной из сторон спора, возможно использование проце-

дур принудительного исполнения арбитражных решений (ст. 46 Закона РТ о ТС, ст. 53 Закона РТ об МКА).

Закон РТ о ТС (ст. 47) содержит положения об основаниях для отказа в выдаче исполнительного листа, но прямо не указаны конкретные основания. Норма является отсылочной и направляет к процессуальному законодательству, а именно ст. 410 ГПК Республики Таджикистан и ст. 216 КоЭС Республики Таджикистан, которые устанавливают исчерпывающий перечень оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Один вид оснований представляет собой нарушения процессуального порядка, такие как: признание третейского соглашения недействительным по основаниям, предусмотренным законом; сторона не была должным образом извещена об избрании третейских судей или о месте, времени третейского разбирательства или по другим уважительным причинам не могла представить третейскому суду свои объяснения; решение третейского суда принято по спору, не предусмотренному третейским соглашением, или не подпадающему под его условия, либо выходит за пределы третейского соглашения; состав третейского суда или третейское разбирательство не соответствует соглашению сторон или Закону; решение суда не стало обязательным для сторон третейского разбирательства или было отменено, или его исполнение было приостановлено компетентным экономическим судом.

Другой вид оснований представляет собой нарушения материально-правовых норм, таких

как: признание третейского соглашения недействительным и нарушение решением третейского суда основополагающих принципов права (ст. 216 КоЭС) или о противоречие решения третейского суда закону (ст. 410 ГПК).

Закон РТ об МКА (ст. 54), напротив, не содержит отсылочных норм, а напрямую указывает основания для отказа в исполнении решения арбитража, которые также делятся на два вида.

Нарушения процессуального порядка, такие как: недееспособность одной из сторон; недействительность арбитражного соглашения по закону; неуведомление стороны должным образом о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве или отсутствие возможности по другим представить свои объяснения; решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением, или не подпадающему под его условия или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного соглашения; состав арбитража или арбитражная процедура не соответствовали соглашению сторон; отмена или приостановление исполнения решения национальным судом страны, в соответствии с законом которой оно было вынесено.

Нарушения материального права такие как: отсутствие подведомственности объекта спора арбитражному разбирательству в соответствии с законодательством; противоречие признания и исполнения арбитражного решения публичному порядку страны.

Можно утверждать о прямом указании, что нарушения вопросов подведомственности споров арбитражному разбирательству и нарушение правил компетенции

арбитража являются основанием для отказа в принудительном исполнении арбитражного решения.

Рассмотрим также вопрос об окончательности арбитражного решения, которое прописано в законодательстве (ст. 40 Закона РТ о ТС; ст. 4, п. 2 ст. 47, п. 3 ст. 49 Закона РТ об МКА).

Особо обращаем внимание на принцип окончательности решений, который выделен в ст. 4 Закона РТ об МКА. Тем не менее, вышеуказанный закон, несмотря на настоящий принцип, содержит перечень оснований, дающих право на обжалование арбитражных решений (ст. 51), которые тождественны рассмотренным ранее основаниям для отказа в принудительном исполнении¹.

Во «внутреннем» арбитраже данный вопрос более противоречив. Закон РТ о ТС (ст. 41) содержит отсылочную норму к гражданскому – процессуальному законодательству, позволяющую оспаривать арбитражные решения. «Однако в ст. 40 Закона РТ «О третейских судах», допускается оспаривание решения третейского суда только в том случае, если в третейском соглашении не предусмотрено, что решение третейского суда является окончательным»², что вряд ли соответствует интересам сторон.

Представляется, что даже если стороны зафиксировали признание арбитражного решения окончательным в третейском соглашении, то возможен отказ в его принудительном исполнении по основаниям, рассмотренным выше. Соответственно, принцип окончательности не является бесспорным.

Полагаю обоснованным, что «количество оснований для оспаривания третейских решений

¹ См.: Шарипова Г.Х. Роль приказного и упрощённого производства в регулировании гражданских правоотношений между хозяйствующими субъектами //

Юридический вестник (научный журнал). №3 (15), 2023. С. 75.

² См.: Менглиев Ш.М. Арбитражное рассмотрение внешнеэкономических споров. Душанбе, 2009. С. 260.

намного меньше, чем в отношении решений государственных судов, но, тем не менее, окончательность решения третейских судов весьма относительна¹.

Далее рассмотрим законодательство Республики Узбекистан. Закон Республики Узбекистан «О третейских судах» № ЗРУ-64, от 16.10.2006 года, вступивший в силу с 1.01.2007 года (далее Закон РУ о ТС) регулирует деятельность института «внутреннего» коммерческого арбитража в государстве. В настоящий Закон внесли изменения и дополнения, последние из которых в 2024 году.

Международный коммерческий арбитраж регулирует Закон Республики Узбекистан «О Международном Коммерческом Арбитраже» № ЗРУ-674 от 16.02.2021 года (далее Закон РУ об МКА)².

Также отмечаем дуализм правового регулирования института коммерческого арбитража.

Рассмотрим основные определения. Третейское разбирательство понимается как процесс разрешения спора в третейском суде, который (постоянно действующий или ad hoc), представляет собой негосударственный орган, разрешающий споры, вытекающие из гражданских правоотношений (ст. 3 Закона РУ о ТС). Арбитраж понимается как процедура разрешения спора, осуществляемая постоянным арбитражным учреждением или арбитражным судом ad hoc, создаваемым для разрешения конкретного спора (ст. 5 Закона РУ об МКА). Особо отметим, что предусматриваются четкие критерии определения арбитража международным, связанные с принадлежностью субъектов правоотношений к различным странам и правовым системам, а

также зарубежной локацией места арбитражного разбирательства, нахождения предмета спора, исполнения обязательств (ст. 4 Закона РУ об МКА).

Принципы арбитража прописаны в ст. 4 Закона РУ о ТС, такие как: законности, независимости, конфиденциальности, беспристрастности третейских судей, диспозитивности, состязательности и равноправия сторон. По сути, стандартный набор принципов. Кроме того отдельной статьей 28 Закона РУ о ТС прописан принцип конфиденциальности третейского разбирательства и предусмотрен свидетельский иммунитет арбитров.

В Законе РУ об МКА принципы не указаны в отдельной статье. Но, прописан принцип независимости и самостоятельности арбитражей (ст. 7) и принцип конфиденциальности (ст. 53), иммунитет арбитров (ст. 6) и равное отношение к сторонам (ст. 33).

Арбитражное соглашение признается главным и единственным основанием для разбирательства спора третейским судом (ст. 11 Закона РУ о ТС, ст. 12 Закона РУ об МКА). Возможность заключения третейского соглашения субъектами экономического оборота отражает международно признанные принципы диспозитивности и автономии воли сторон.

Условия, предъявляемые к указанному соглашению также стандартные. Возможно заключение отдельного арбитражного соглашения или арбитражной оговорки в договоре. Обязательна письменная форма соглашения, причем она фиксируется различными средствами коммуникации, такими как: письма, телеграммы, электронные сообщения, исковое заявление и отзыв

на него (ст. 12 Закона РУ о ТС, ст. 12 Закона РУ об МКА).

Кроме того, Закон РУ о ТС (ст. 13) устанавливает требования к содержанию арбитражного соглашения (наименование спора, третейского учреждения, место и язык разбирательства, применимое право). Закон РУ об МКА требования к соглашению не содержит, видимо, подразумевая их очевидность.

Законодательство содержит указание на арбитрабельные споры. Во «внутреннем» арбитраже рассматриваются споры, вытекающие из гражданских правоотношений, в том числе экономические споры, возникающие между субъектами предпринимательства (ст. 9 Закона РУ о ТС).

В международном коммерческом арбитраже более общая формулировка о подведомственности споров, возникающих из всех отношений коммерческого характера, как договорных, так и не договорных (ст. 4 Закона РУ об МКА).

Неарбитрабельные виды споров не указываются в Законе РУ об МКА, а в законе РУ о ТС (ст. 9) имеется достаточно общая формулировка. Не разбираются третейскими судами споры, вытекающие из административных, семейных и трудовых правоотношений, а также иные споры, предусмотренные законом. Понятие иных споров может толковаться по-разному и практикующим юристам необходимо тщательно исследовать материальное и процессуальное законодательство страны для понимания рассматриваемого вопроса.

Обратимся к интересной работе ученых юристов Узбекистана, где был дан подробный

¹ См.: Гавриленко В.А. Судебное решение в третейском разбирательстве споров (Монография). Великий Новгород, 2008. С. 15

² Официальные тексты законов Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/ru/> (дата обращения: 01.07.2025).

анализ арбитрабельных и неарбитрабельных видов споров¹. Перечислим данные виды.

Арбитрабельные споры включают в себя: споры, связанные с правоотношениями по гражданским и хозяйственным договорам; споры, вытекающие из обязательств, вследствие причинения вреда; споры, связанные с защитой прав на интеллектуальную собственность; споры, связанные с защитой нематериальных благ.

Неарбитрабельные споры включают в себя: споры об административных правонарушениях; трудовые споры; таможенные споры; налоговые споры; споры, возникающие из семейных правоотношений; дела о банкротстве; дела особого производства об установлении фактов имеющих юридическое значение (установление отцовства, признание умершим, безвестно отсутствующим, признание права собственности и т.д.); споры о признании недействительными актов государственных органов; споры об обжаловании отказа в государственной регистрации; споры о взыскании с организаций и граждан штрафов государственными и иными органами; споры о возврате из бюджета денежных средств, списанных с нарушением требований законодательства.

Отметим, что перечень достаточно объемный, но он содержится в различных статьях различных законодательных актов, что неудобно для использования и применения с точки зрения правил юридической техники.

Наличие или отсутствие компетенции состава третейского суда на рассмотрение конкрет-

ного спора определяется им самим. Стороны спора имеют право заявить об отсутствии или превышении пределов компетенции. Данный вопрос также рассматривается составом арбитров (ст. 24 Закона РУ о ТС, ст. 21 Закона РУ об МКА).

Презумпция добровольности исполнения арбитражных решений прописана в Законе РУ о ТС (ст. 49), но не упомянута в Законе РУ об МКА. Согласимся, что по общим правилам и юридической логике «подлежит добровольному исполнению в порядке и сроки, установленные в этом решении»².

Тем не менее, предусмотрена возможность принудительного исполнения арбитражного решения с помощью государственных судов и органов исполнительной системы. Существует ограниченный перечень оснований для отказа в выдаче исполнительного листа на решение третейского суда. Рассмотрим подробнее данный вопрос.

Закон РУ об МКА содержит данный перечень в отдельной статье (ст. 52), а Закон РУ о ТС содержит отсылочную норму (ст. 53) к основаниям для отмены третейского решения (ст. 47), которые тождественны основаниям для отказа в принудительном исполнении.

Вышеуказанные основания во многом совпадают для национального и международного коммерческого арбитража. Это недействительность арбитражного соглашения; нарушение правил уведомления сторон о процедурных вопросах, повлекшее препятствия для представления арбитражу своей позиции; нарушение правил подведомственности

спора арбитражному разбирательству; отсутствие компетенции состава арбитража на разбирательство спора или его части; несоответствие процедуры формирования состава арбитража и процессу разбирательства спора требованиям законодательства или соглашения сторон.

Кроме того, Закон РУ об МКА предусматривает, что противоречие арбитражного решения публичному порядку страны служит основанием для его отмены (ст. 50) или отказа в его принудительном исполнении (ст. 52). Стандартная оговорка о публичном порядке для обеспечения приоритета национального права над иностранным, актуальная касательно решений иностранных и международных арбитражей. Но также имеет место законодательный пробел, свойственный многим правовым системам, когда содержание публичного порядка государства не конкретизировано и определяется непосредственно государственными судами для каждого конкретного разбирательства.

В заключении настоящей публикации возможно сформулировать следующие выводы и положения.

Сравнительное правоведение в виде анализа правовых систем различных государств дает понимание многих научных вопросов. Несмотря на унификацию законодательства в сфере коммерческого арбитража, разные страны демонстрируют собственный подход к правотворчеству и правоприменению. Некоторые национальные правовые системы характеризуются «правилами, выработанными многовековой практикой судов»³. Другие,

¹ См.: Клименко А.В., Гафарова С.Ф. Руководство по Третейскому разбирательству для практикующих юристов и спорящих сторон. // Под ред. А. В. Клименко. Ташкент: NORMA, 2008. С. 14-15.

² См.: Клименко А.В., Гафарова С.Ф. Указан. работ. С.28.

³ См.: Ковалева Н.В., Кузнецов Е.Е. Назначение экспертизы в гражданском процессе по законодательству Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 1 (58). С. 43.

напротив, формируют коммерческий арбитраж сравнительно недавно, используя зарекомендовавшие себя наработки зарубежного и международного законодательства.

Отметим, что современное положение коммерческого арбитража, говорит о его действительных перспективах в будущем¹.

Согласимся, что субъекты экономических правоотношений и предпринимательской деятельности должны понимать особенности правового регулирования коммерческого арбитража при использовании данного способа урегулирования споров. Вопросы подведомственности определяют саму возможность третейского разбирательства споров. Объективно, «субъекты правоотношений должны иметь четкое представление об арбитрабельности видов споров, поскольку не все споры возможно урегулировать в рамках арбитражной процедуры»².

Законодательство Республики Таджикистан и Республики

Узбекистан, регулирующие коммерческий арбитраж, в какой-то степени содержит сведения об арбитрабельных и неарбитрабельных видах споров.

Отметим различие Закона РТ о ТС и Закона РТ об МКА. Первый закон содержит достаточно подробное указание неарбитрабельных споров подведомственных органам государственной судебной системы. Второй закон данные вопросы обходит молчанием, что, на мой взгляд, является упущением законодателя. Полагаю причиной то, что Закон РТ о ТС разрабатывался на основе российских юридических стандартов, которые были даже усовершенствованы в области регулирования вопросов арбитрабельности. Закон РТ об МКА разрабатывался на основе Модельного закона UNCITRAL, недостатки которого в области регулирования арбитрабельности споров не были исправлены и преодолены.

Законодательство Узбекистана о коммерческом арбитраже разрабатывалось под влиянием

Модельного закона UNCITRAL (в большей степени Закон РУ об МКА) и правовых традиций сопредельных государств, в том числе России. Соответственно, третейское разбирательство споров регулируется на должном уровне, но имеются общие проблемы и недостатки. В частности, в определении неарбитрабельных видов споров, о чем было указано в настоящей статье.

Представляется, что в законодательстве целесообразно «ясно прописывать признаки арбитрабельности споров»³[14, с. 13], а также прямо и недвусмысленно указывать виды споров подведомственных исключительно государственной юстиции. Кроме того, вышеуказанные положения должны быть прописаны в одном правовом акте. Возможна отдельная статья в национальных законах, регулирующих коммерческий арбитраж, либо отсылка к соответствующей статье процессуального кодекса.

Библиографический список

1. Доклад об экономике региона Европы и Центральной Азии // Международный банк реконструкции и развития, Всемирный банк, 2024.
2. Менглиев Ш.М. Арбитражное регулирование внешнеэкономических споров // Научный журнал «Юридическая наука: история и современность». 2013. № 12. С. 98-103.
3. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Балтийских государств (Латвийской Республики и Эстонской Республики) // Научный журнал «Актуальные проблемы государства и права» Тамбов. 2024. Т.8. № 1. С. 117 – 129.
4. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства Литовской Республики // Актуальные проблемы государства и права. – Тамбов. – 2023. – Т.7. – № 4. – С. 629 – 636.
5. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Сравнительный анализ законодательства государств БРИКС // Актуальные проблемы государства и права. – Тамбов. – 2023. – Т.7. – № 1. – С. 120 – 131.
6. Гавриленко В.А. Комментарий общих положений законодательства о третейском разбирательстве споров Республики Таджикистан и Кыргызской Республики // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2019. – № 1 (42). – С. 13 – 18.

¹ См.: Schinazi M. The Three Ages of International Commercial Arbitration. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. С. 2.

² См.: Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства государств Центральной Азии (Республики Казахстан и Кыргызской Республики) // Научный

журнал Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 431.

³ См.: Гавриленко В.А. Вопросы арбитражного разбирательства споров о возмещении ущерба от чрезвычайных ситуаций в странах Арктического региона. // Научно – аналитический журнал «Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации». 2021. № 2 (51). С. 13.

7. Гавриленко В.А. Принципы третейского судопроизводства // Исполнительное право. – 2007. – № 1. – С. 42 – 48.
8. Менглиев Ш.М. Арбитражное рассмотрение внешнеэкономических споров. Душанбе, 2009. – 412 с.
9. Гавриленко В.А. Судебное решение в третейском разбирательстве споров (Монография). Великий Новгород, 2008. – 79 с.
10. Клименко А.В., Гафарова С.Ф. Руководство по Третейскому разбирательству для практикующих юристов и спорящих сторон. // Под ред. А. В. Клименко. – Ташкент: NORMA, 2008. – 160 с.
11. Ковалева Н.В., Кузнецов Е.Е. Назначение экспертизы в гражданском процессе по законодательству Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 1 (58). С. 42 – 49.
12. Schinazi M. The Three Ages of International Commercial Arbitration. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 386 с.
13. Гавриленко В.А. Вопросы подведомственности споров третейскому разбирательству. Анализ законодательства государств Центральной Азии (Республики Казахстан и Кыргызской Республики) // Научный журнал Актуальные проблемы государства и права. – 2024. – Т. 8. – № 3. – С. 420-434.
14. Шарипова Г.Х. Роль приказного и упрощённого производства в регулировании гражданских правоотношений между хозяйствующими субъектами // Юридический вестник. – №3 (15) – 2023. – С. 75-79.

ISSUES OF JURISDICTION OF DISPUTES IN INTERNATIONAL COMMERCIAL ARBITRATION. ANALYSIS OF THE LEGISLATION OF CENTRAL ASIAN STATES (THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN)

Gavrilenko Vladimir Aleksandrovich

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint Petersburg University of State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 196105, St. Petersburg, Moskovsky Ave., 149.

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Faculty of Law, Yaroslav the Wise Novgorod State University,

173003, Russian Federation, Veliky Novgorod, Bolshaya Sankt-Peterburgskaya St., 41

Tel: +79218785148; e-mail: gv22@mail.ru

The author examines the issues of jurisdiction and competence of entrepreneurial and other economic disputes submitted to arbitration. The article also provides a detailed analysis of the regulation of matters related to the authority of permanent arbitration institutions to consider specific categories of disputes.

This publication continues a series of studies devoted to the legislative regulation of the arbitrability of disputes in different states and legal systems.

In continuation of the research on this topic, the author analyzes the current legislation and law enforcement practice of the post-Soviet states of Central Asia. The study focuses on the legal systems of the Republic of Tajikistan and the Republic of Uzbekistan, which have been formed under the influence of Soviet and Russian law, as well as international legal traditions.

The Central Asian countries of the post-Soviet space are characterized by a generally established market economy, though with different levels of development. The institution of commercial arbitration, as a mechanism for non-state resolution of economic disputes, functions successfully in these countries, being in demand within modern economic turnover and entrepreneurial activity

Keywords: *commercial arbitration, arbitration proceedings, arbitral tribunal, jurisdiction, arbitrability of disputes, competence, Republic of Tajikistan, Republic of Uzbekistan.*

**МАСЪАЛАҲОИ ТОБЕИЯТИ БАҲСҲО БА МУҲОКИМАИ ҲАКАМӢ. ТАҲЛИЛИ ҚОНУНГУЗОРИИ
ДАВЛАТҲОИ ОСИЁИ МАРКАЗӢ (ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН ВА ҶУМҲУРИИ ЎЗБЕКИСТОН)**

Гавриленко Владимир Александрович

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент, дотсенти кафедраи назария ва таърихи давлат ва ҳуқуқи
Донишгоҳи Санкт-Петербурги ҲДО ВХФ Россия,
196105, Санкт-Петербург, х. Москва 149;
дотсенти кафедраи ҳуқуқи маданӣ ва мурофиавии Факултети ҳуқуқшиносӣ
Донишгоҳи давлатии Новгород ба номи Ярослав Мудрий,
173003, Федератсияи Россия, Великий Новгород, кучаи Большая Санкт-Петербург, 41.
Тел. 79218785148; e-mail: gv22@mail.rue-mail: gv22@mail.ru

***Аннотатсия.** Муаллиф масъалаҳои юрисдиксия ва тобеияти баҳсҳои субъектҳои фаъолияти соҳибкорӣ ва дигар муносибатҳои ҳуқуқии иқтисодиро ба муҳокимаи ҳакамӣ таҳқиқ кардааст. Ҳамчунин танзими масъалаҳои ваколатҳои муассасаҳои арбитражи доимо амалкунанда оид ба муҳокимаи баҳсҳои муайян муфассал баррасӣ шудааст.*

Мақолаи мазкур силсилаи таҳқиқотҳоро оид ба танзими қонунгузори масъалаҳои арбитражи баҳсҳо дар давлатҳои гуногун ва низомҳои ҳуқуқӣ идома медиҳад.

Муаллиф дар идомаи таҳқиқоти худ дар ин мавзӯ қонунгузори амалкунанда ва амалияи ҳуқуқтатбиқкунии давлатҳои собиқ ИҶШС, ки дар Осиеи Марказӣ ҷойгиранд, баррасӣ мекунад. Таҳқиқи низомҳои ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Ҷумҳурии Ўзбекистонро, ки зери таъсири ҳуқуқи шӯравӣ ва россия, ва анъанаҳои ҳуқуқии байналмилалӣ ташаккул ёфтаанд гузаронида шудааст.

Кишварҳои хориҷи наздик, ки дар Осиеи Марказӣ ҷойгиранд, дар умум бо иқтисоди бозоргонии ташаккулёфта, вале сатҳҳои гуногуни рушди он тавсиф карда мешавад. Институти арбитражи тичоратӣ ҳамчун воситаи ҳалли ғайридавлатии баҳсҳои иқтисодӣ дар кишварҳои зикршуда бомуваффақият амал мекунад, зеро он дар доираи иқтисодиёти муосир ва фаъолияти соҳибкорӣ талабот дорад.

Калидвожаҳо: *арбитражи тичоратӣ, муҳокимаи арбитражи баҳсҳо, суди ҳакамӣ, тобеият, ҳакамии баҳсҳо, салоҳият, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ҷумҳурии Ўзбекистон.*

УДК 347.113

ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Рахматова Тахмина Рахимбековна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзода, 30
тел.: 2278583, e-mail: amir3009@mail.ru

В статье рассматриваются основания возникновения и способы разрешения коллизий законов при расторжении брака с иностранным элементом. Анализируются нормы международного частного права, регулирующие брачно-семейные отношения, а также практика их применения в странах СНГ. Особое внимание уделено законодательству Республики Таджикистан, проблемам правоприменения и судебным коллизиям, возникающим при определении применимого права и признании решений иностранных судов. Сформулированы предложения по совершенствованию семейного законодательства в условиях глобализации и миграции населения. Дополнительно отмечается актуальность исследования для органов ЗАГС, судебной системы и консульских учреждений, участвующих в рассмотрении трансграничных брачных споров.

Ключевые слова: *расторжение брака, иностранный элемент, коллизия законов, коллизионные нормы.*

Современные международные брачно-семейные отношения всё чаще включают так называемый *иностраный элемент* - когда один или оба супруга являются иностранными гражданами, постоянно проживают за границей или заключают брак за пределами своего государства. По данным Министерства юстиции

Республики Таджикистан, в последние годы растёт количество случаев регистрации и расторжения браков, в которых один из супругов является гражданином другого государства. Это порождает множество правовых вопросов, связанных с применением различных национальных систем права.

Коллизии законов при расторжении брака обусловлены различиями в национальных правовых порядках. Как отмечал Л. А. Лунц, «коллизионное право - это система норм, определяющих право, какого государства должно быть применено к отношению, осложнённое иностранным элементом»¹. В семейных отношениях коллизии приобретают особую социальную значимость, поскольку затрагивают права личности, судьбы детей и вопросы гражданства.

Проблема коллизий законов в семейных делах традиционно рассматривается в рамках между-

народного частного права. Учёные - классики данной области - Л. А. Лунц, А. Н. Макаров, Н. И. Марышева, - подчёркивали, что при столкновении различных правовых порядков задача юриста заключается не в выборе более «справедливого» закона, а в определении компетентного правового порядка².

В юридической литературе выделяются три основных подхода к разрешению коллизий в семейных делах:

1. применение закона гражданства (*lex patriae*);
2. применение закона места жительства (*lex domicilii*);
3. применение закона суда (*lex fori*).

Согласно Семейному кодексу Республики Таджикистан (далее - СК РТ), вопросы расторжения брака, если один из супругов является иностранным гражданином, регулируются законодательством РТ, если брак расторгается на территории страны³. Однако

© Рахматова Т.Р., 2025

¹ Лунц Л. А. Курс международного частного права В 3 т. Л. А. Лунц; [Вступ. ст. Н. И. Марышевой, А. И. Минакова]. - М.: Спарк, 2002. С. 113-117.

² Макаров А. Н. Коллизионные нормы в семейном праве. - СПб.: ЮрИнфоР, 2010. С. 58-62.

³ Семейный кодекс Республики Таджикистан от 24.02.2017г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:

при этом допускается возможность признания решений иностранных судов, если они не противоречат основам правопорядка Республики Таджикистан (ст. 158 СК РТ).

Таким образом, законодатель исходит из приоритета национальной юрисдикции, что соответствует принципам суверенитета и защиты национальных интересов.

Коллизии законов возникают в результате различий правовых систем государств, участвующих в семейных отношениях. Эти различия проявляются:

1. в порядке заключения и расторжения брака, например, в одних странах требуется судебное решение, в других - достаточно нотариального оформления;

2. в основаниях развода - в некоторых государствах расторжение возможно лишь по вине одного из супругов, тогда как в других - по взаимному согласию;

3. в признании браков, заключённых за границей - вопрос о действительности иностранного брака определяется по закону места его заключения (*lex loci celebrationis*).

Как отмечает Н.И. Марышева, коллизии в брачно-разводных отношениях часто возникают «в связи с переменой гражданства или места жительства супругов, что влечёт изменение применимого права»¹.

Для Республики Таджикистан это особенно актуально: зна-

чительная часть граждан работает за рубежом (в странах СНГ, Турции, ОАЭ и др.), где вступает в брак, а затем расторгает его, обращаясь в таджикские органы ЗАГС или суды.

Существует несколько универсальных способов разрешения коллизий при расторжении брака:

1. Применение коллизионных привязок:

- *lex patriae* - закон гражданства супругов;

- *lex domicilii* - закон места их совместного проживания;

- *lex fori* - закон суда, рассматривающего дело.

Эти принципы закреплены в международных конвенциях и в национальном законодательстве.

2. Признание решений иностранных судов. Гагская конвенция 1970 г. о признании разводов и раздельного проживания устанавливает, что расторжение брака, произведённое компетентным органом одного государства, признаётся в другом, если один из супругов был гражданином или имел место жительства в этом государстве².

3. Двусторонние и многосторонние соглашения. Таджикистан участвует в Конвенции СНГ 2002 г. о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, согласно которой решения судов одной стороны признаются на территории другой без повторного рассмотрения, при условии, что они не противоречат публичному порядку³.

4. Принцип взаимности.

Если иностранное государство признаёт решения таджикских судов, Республика Таджикистан применяет тот же подход к решениям данного государства. Как отмечает А. В. Наумов, «современное международное частное право должно учитывать мобильность личных прав, обеспечивая гибкие коллизионные нормы»⁴.

Практика судов Республики Таджикистан показывает, что основной проблемой при рассмотрении дел о расторжении браков с иностранным элементом является определение применимого права и признание иностранных решений.

Так, по данным Верховного суда РТ, в 2020–2023 гг. рассматривались десятки дел, где один из супругов проживал за границей и требовал признания решения иностранного суда о разводе. Суд исходил из ст. 159 СК РТ, которая предусматривает возможность признания иностранных решений при наличии международного договора либо принципа взаимности.

Подобный подход применяется и в России. Верховный суд РФ в Определении от 15.04.2019 г. № 5-КГ18-238 отметил, что «признание иностранного решения о разводе возможно, если оно вынесено компетентным органом и не нарушает публичный порядок государства»⁵.

Таким образом, судебная практика СНГ демонстрирует сходство в подходах к признанию и исполнению решений

<https://sud.tj/upload/iblock/894/> (дата обращения: 25.06.2025).

¹ Международное частное право: учебник для академического бакалавриата / под редакцией Н. И. Марышевой. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2019. С. 76-81.

² Гагская конвенция о признании разводов и юридических разводов была заключена 1 июня 1970 года и вступила в силу 24 августа 1975 года. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 15.07.2025).

³ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам

(Кишинев, 7 октября 2002 года). Режим доступа: https://www.ombudsmankk.ru/media/Konvencija_o_pravovoj_pomoschi_i_pravovyx_otnoshenijax_po_grazhdan.pdf (дата обращения: 30.06.2025).

⁴ Наумов А. В. Коллизионные принципы в современном международном частном праве // Журнал российского права. - 2020. - № 8. С. 112–118.

⁵ Верховный Суд РФ. Определение от 15.04.2019 г. № 5-КГ18-238 // Бюллетень ВС РФ. - 2019. - № 9. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoikollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii>. (дата обращения: 10.07.2025).

иностранных судов по брачно-разводным делам.

Для повышения эффективности регулирования отношений с иностранным элементом представляется целесообразным:

1. Внести изменения в СК РТ, конкретизировав коллизионные нормы о расторжении брака, включая порядок признания решений иностранных судов.

2. Создать единый электронный реестр браков и разводов с иностранным элементом для предотвращения повторных регистраций и фиктивных браков.

3. Установить обязательство консульских учреждений РТ уведомлять органы ЗАГС о расторжении браков таджикских граждан за рубежом.

4. Активизировать международное сотрудничество в рамках СНГ, ШОС и других региональных структур по унификации семейного права.

5. Повысить квалификацию судей и работников органов ЗАГС в вопросах международного частного права.

Как подчёркивает Р.А. Абдуллаева, «адаптация международных правовых норм в национальное законодательство способствует укреплению правовой базы государства и защите прав его граждан»¹.

Проблема коллизий законов в сфере расторжения брака с иностранным элементом представляет собой одну из наиболее сложных областей международного частного и семейного права.

Различия между правовыми системами государств неизбежно порождают коллизии, требующие системного подхода и правового согласования.

Для Республики Таджикистан, активно взаимодействующей с другими странами СНГ и дальнего зарубежья, вопрос унификации и модернизации коллизионных норм семейного законодательства имеет первостепенное значение.

Внедрение предложенных мер позволит обеспечить правовую определённость, защиту прав граждан и укрепление международного правового сотрудничества.

Библиографический список

1. Семейный кодекс Республики Таджикистан от 24.02.2017г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sud.tj/upload/iblock/894/> (дата обращения: 25.06.2025).
2. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинев, 7 октября 2002 года). Режим доступа: https://www.ombudsmankk.ru/media/Konvencija_o_pravovoj_pomoschi_i_pravovyx_otnoshenijax_po_grazhdan.pdf (дата обращения: 30.06.2025).
3. Гаагская конвенция о признании разводов и юридических разводов была заключена 1 июня 1970 года и вступила в силу 24 августа 1975 года. Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online>. (дата обращения: 15.07.2025).
4. Верховный Суд РФ. Определение от 15.04.2019 г. № 5-КГ18-238 // Бюллетень ВС РФ. – 2019. – № 9. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossijskoi-federatsii>. (дата обращения: 10.07.2025).
5. Абдуллаева Р. А. Профилактика преступлений, совершаемых в сфере медицины // Юридический вестник РТСУ. - 2024. - № 3(7). - С. 45–53.
6. Лунц Л. А. Курс международного частного права В 3 т. / Л. А. Лунц; [Вступ. ст. Н. И. Марышевой, А. И. Минакова]. - М.: Спарк, 2002. - 1007 с.
7. Макаров А. Н. Коллизионные нормы в семейном праве. - СПб.: ЮрИнфоР, 2010. - С. 58–62.
8. Марышева Н. И. Международное частное право: учебник для академического бакалавриата / под редакцией Н. И. Марышевой. - 5-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2019. - 376 с.
9. Наумов А. В. Коллизионные принципы в современном международном частном праве // Журнал российского права. - 2020. - № 8. - С. 112–118.

THE REASONS FOR THE OCCURRENCE AND WAYS OF RESOLVING CONFLICTS OF LAWS IN THE FIELD OF DIVORCE WITH A FOREIGN ELEMENT

Rakhmatova Takhmina Rakhimbekovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzoda Street, 30

¹ Абдуллаева Р. А. Профилактика преступлений, совершаемых в сфере медицины // Юридический вестник РТСУ. - 2024. - № 3(7). - С. 45–53.

тел.: 22753, e-mail: amir3009@mail.ru

The article discusses the grounds for the emergence and ways of resolving conflicts of laws in the context of the dissolution of a marriage with a foreign element. The norms of international private law regulating marriage and family relations, as well as the practice of their application in the CIS countries, are analyzed. Special attention is paid to the legislation of the Republic of Tajikistan, the problems of law enforcement and judicial conflicts that arise when determining the applicable law and recognizing the decisions of foreign courts. Proposals are formulated for improving family legislation in the context of globalization and population migration.

Keywords: *divorce, foreign element, conflict of laws, conflict of laws rules.*

**АСОСҶОИ ПАЙДОИШ ВА РОҶҶОИ ҲАЛЛИ БАРҲҶРДҶОИ ҚОНУНҶО ДАР СОҶАИ
БЕКОР КАРДАНИ ИЗДИВОҶ БО УНСУРИ ХОРИҶӢ**

Раҳматова Таҳмина Раҳимбековна

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии
Донишгоҳи (Славянии) Руссия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Шаҳри Душанбе, Кӯчаи М. Турсундзода, 30
тел.: 22753, e-mail: amir3009@mail.ru

Дар мақола асосҳои пайдоиш ва роҷҳои ҳалли барҳӯрдҳои қонунҳо ҳангоми бекор кардани издивоҷ бо унсури хориҷӣ баррасӣ карда мешаванд. Меъёрҳои ҳуқуқи хусусии байналмилалӣ, ки муносибатҳои издивоҷ ва оиларо танзим мекунанд, инчунин амалияи истифодаи онҳо дар кишварҳои ИДМ таҳлил карда мешаванд. Ба қонунгузориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон, мушкилоти татбиқи ҳуқуқ ва барҳӯрдҳои судӣ, ки ҳангоми муайян кардани ҳуқуқи татбиқшаванда ва эътирофи қарорҳои судҳои хориҷӣ ба миён меоянд, диққати махсус дода шудааст. Пешниҳодҳо оид ба такмили қонунгузориҳои оила дар шароити ҷаҳонишавӣ ва муҳочирати аҳоли таҳия карда шуданд.

Калидвожаҳо: *талоқ, унсури хориҷӣ, коллизияи қонунҳо, меъёрҳои коллизсионӣ.*

УДК 347.44:347.72

КРУПНЫЕ СДЕЛКИ КАК ОГРАНИЧЕНИЕ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА

Романенко Андрей Викторович

Аспирант 2-го года обучения

по специальности 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Российско-Таджикский (Славянский) университет

Тел.: + (992 37) 2278583

В статье рассматривается институт крупной сделки как отдельная форма проявления ограничения принципа свободы договора. Автор раскрывает сущность принципа свободы договора и указывает причины, оправдывающие ограничения свободы договора применительно к крупным сделкам. В статье демонстрируется, что ограничения, установленные корпоративным законодательством в отношении заключения крупных сделок, направлены не на отрицание свободы договора, а на защиту интересов корпорации, её участников и предотвращение злоупотребления правом со стороны исполнительных органов. Императивные нормы, устанавливающие специальные требования к процедуре заключения крупных сделок вовсе не упраздняют принцип свободы договора, а реализуют эту свободу в пределах, установленных корпоративным законодательством.

Ключевые слова: крупные сделки, свобода договора, ограничение свободы договора, корпоративное законодательство, одобрение сделок, коллективное волеобразование.

Принцип свободы договора является одним из фундаментальных принципов гражданского права. В нём заложена идея добровольного принятия решения сторонами по вопросу того, заключать договор или нет, а также самостоятельного формирования договорных условий.

Данный принцип означает возможность участников договорных отношений самостоятельно включать в договор все те условия, которые они посчитают приемлемыми, и самостоятельно определять объём принимаемых на себя обязательств¹. Будучи многоаспектным понятием, свобода договора включает в себя такие элементы, как право свободно выбирать вида договора, право свободно определять предмет, цели и условия договора, а также право заключать смешанные договоры².

Данный принцип находит своё нормативное воплощение в диспозитивных нормах Гражданского кодекса Республики Таджикистан и других законодательных актов. Суть диспозитивного метода правового регулирования состоит в том, что субъект гражданского права может по

своему усмотрению распоряжаться субъективными гражданскими правами и моделировать варианты поведения в допустимых законом пределах³. Главным результатом регулирующего воздействия диспозитивного метода является не закрепление запретительных предписаний и установление обязанностей, а наделение субъектов правами⁴.

По справедливому замечанию Т.И. Султоновой, Гражданский кодекс РТ провозглашает диспозитивности гражданско-правовых норм в качестве правовой презумпции. На это юридическая техника абз. 2 ч. 4 Гражданского кодекса РТ, построенная по принципу «разрешено

© Романенко А.В., 2025

¹ См.: Дубинчин А.А. Английское контрактное право: практическое пособие для российского юриста: заключение договора. М., 2010. С. 45.

² См.: Осаке К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность, и ограничения // Журнал российского права. 2006. N8(116). С. 133.

³ См.: Красавчиков О.А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании // Советское государство и право. 1970. № 1. С. 42.

⁴ См.: Романец Ю.В. Свобода договора (нравственно-юридический аспект) // Гражданское право. 2013. № 3. С. 30.

всё, что не запрещено»¹. В частности, в этой норме сформулировано, что «условия договора определяются по усмотрению сторон, за исключением случаев, когда содержание соответствующего условия предписано законом или иными правовыми актами»².

Рассуждая о значимости этого принципа И.А. Покровский писал, что «всякий договор является осуществлением частной автономии, которая составляет необходимую предпосылку самого гражданского права. Вместе с началом частной собственности этот принцип служит краеугольным камнем всего современного гражданского строя»³.

Особое значение принцип свободы договора приобретает для договорных отношений, складывающихся в предпринимательской деятельности, ибо как верно подметил В.Ф. Яковлев, «рыночная экономика децентрализована по самой своей сути... Множественность участников со своими интересами создают основу не только для гармонизации интересов, но и для их противоречий и конфликтов... Частный интерес раскрывает свои достоинства лишь постольку, поскольку не представляет собой угрозы для интересов других лиц»⁴.

Несмотря на такую значимость принципа свободы договора для современных договорных отношений, при этом

нельзя не учитывать, что свобода договора и диспозитивность регулирования договорных отношений не являются абсолютными категориями. В противном случае она превратилась бы в свою противоположность – «господство одних над другими»⁵. Именно поэтому, как справедливо пишет Т.И. Султонова, «законодатель понимает свободу договора в том же значении, в каком её определяет философия, то есть как производную от ограничений»⁶.

Свобода гражданско-правового договора имеет «выверенные пределы и цивилизованные ограничения»⁷, потому что свободе одной стороны договора всегда противостоит свобода его контрагента, а также общественные интересы. Руководствуясь указанными соображениями, Гражданский кодекс Республики Таджикистан, закрепляя диспозитивный характер договорного регулирования, в то же время определяет границы договорного поведения субъектов гражданского права. Об этих границах говорится в ч.1 ст. 483 Гражданского кодекса РТ. «Физические и юридические лица свободны в заключении договора, - говорится в данной норме, за исключением случаев, предусмотренных Гражданским кодексом и иными законами»⁸. По мнению многих учёных, нормы об ограничении свободы договора преследуют одну из трёх целей, а именно защита слабой стороны

договора, защита интересов кредиторов либо защита публичных интересов»⁹.

Нормы об ограничении свободы договора особо актуальны для договорных отношений, складывающихся в предпринимательской деятельности. Это связано с тем, что предпринимательских отношениях участвуют разные по «экономической силе» субъекты и чрезмерная свобода может привести к злоупотреблениям со стороны «экономически сильного» субъекта. Ограничение свободы договора здесь необходимо для защиты имущественных прав участников договорных отношений и обеспечения баланса между их интересами. Одним из наглядных проявлений ограничения свободы договора в предпринимательской деятельности является область регулирования крупных сделок.

В соответствии с действующим законодательством, крупной признаётся сделка или несколько взаимосвязанных сделок, связанных с приобретением, отчуждением или возможностью отчуждения обществом имущества, стоимость которого превышает установленный законом или уставом порог относительно общей стоимости имущества или активов общества, и которая потенциально способна повлиять на финансово-экономическое положение юридического лица и, как следствие, требует предварительного согласования

¹ См.: Султонова Т.И. Свобода договора и пределы императивности гражданско-правовых норм в законодательстве Республики Таджикистан // Правовая жизнь. 2020. №2 (30). С. 161.

² Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года № 1918 // <https://mmih.adlia.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=143955> (дата обращения: 12.11.2025).

³ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. С. 249 - 250.

⁴ Яковлев В.Ф. Гражданский кодекс РФ: развитие общих положений гражданского права // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. М.: Статут, 2008. С. 51.

⁵ Рогова Ю.В. К вопросу о моделях ограничения свободы договорного регулирования в гражданском законодательстве // Вестник арбитражной практики. 2013. № 1. С. 5 - 12.

⁶ Султонова Т.И. Свобода договора и пределы императивности гражданско-правовых норм в законодательстве Республики Таджикистан // Правовая жизнь. 2020. №2 (30). С. 161.

⁷ Осаке К. Указ.соч. С. 133.

⁸ Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года № 1918 // <https://mmih.adlia.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=143955> (дата обращения: 12.11.2025).

⁹ См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. М.: Статут, 2011. С. 159.

с участниками (акционерами) общества. Такое нормативное определение крупной сделки формулируется в Законе РТ «Об акционерных обществах» от 5 марта 2007 года №237 (ст. 80) и Законе РТ «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 10 мая 2002 года №53 (ст. 53).

Применительно к крупным сделкам ограничение свободы договора проявляется в том, что их совершение требует соблюдения специальной процедуры одобрения. Крупная сделка, говорится в ч.1 ст. 81 Закона РТ «Об акционерных обществах», должна быть одобрена Общим собранием акционеров. Решение о совершении крупной сделки в обществах с ограниченной ответственностью принимается общим собранием участников общества (ч. 3 ст. 81 закона РТ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). Нарушение этих требований имеет своим правовым последствием признание такой сделки в судебном порядке недействительной.

Такие законодательные требования обусловлены тем, что направлены на защиту интересов как самого общества, так и его участников, в особенности миноритарных акционеров, от возможных злоупотреблений со стороны исполнительных органов корпорации. Ведь, как справедливо отмечается в юридической литературе, «с помощью заключения крупных сделок можно отчуждать существенную часть активов и нанести большой имущественный вред»¹. Так как крупные сделки оказывают особое влияние, на законодательном уровне установлен усиленный контроль за их совершением. Дело в том, что крупные сделки затрагивают значитель-

ную часть активов юридического лица². По этой причине исполнение по ним может иметь своим результатом рост или снижение ликвидности имущества корпорации, увеличение её долговой нагрузки или иным образом влиять на её финансовое положение и платежеспособность. В этой связи крупные сделки затрагивают интересы всех участников общества, как имеющих достаточную долю, чтобы оказывать влияние на корпоративное управление обществом, так и не имеющих такой силы. Из этого можно сделать вывод, что ограничение свободы договора при заключении крупных сделок обусловлено экономическими и корпоративными соображениями, направленными на защиту интересов самого общества и его участников и обеспечение устойчивости экономической деятельности корпорации

Исследуя нормы корпоративного законодательства о крупных сделках, становится очевидным, что механизм их регулирования представляет собой не случайный набор запретов, а продуманную систему внутреннего корпоративного контроля, легитимирующую ограничение свободы договора через несколько взаимосвязанных правовых инструментов. В первую очередь, речь идёт о процедуре обязательного одобрения, которая исключает возможность единоличного принятия решения исполнительным органом. Этот правовой инструмент придаёт крупной сделке характер результата коллективного волеизъявления, потому что принятие решения заключать сделку или нет, является не компетенцией исполнительного органа, как это имеет место быть при заключении обычных договоров, а становится прерогативой органов

корпоративного управления, представляющих интересы участников корпорации, - Совета директоров и Общего собрания акционеров (участников).

Другим правовым инструментом, используемым законодателем для легитимации ограничения свободы договора в крупных сделках, является установление порога стоимости сделки, выводящего её из сферы обычной хозяйственной деятельности, и переводящей её в категорию крупных сделок. Речь идёт о количественном (стоимостном) критерии, который представляет собой основной юридически измеримый показатель, на основании которого осуществляется формальная квалификация сделки как крупной. Его суть заключается в установлении стоимостного соотношения предмета сделки к общей стоимости имущества или активов общества. Если стоимость имущества, являющегося предметом сделки, превышает установленный законом (или уставом) порог, такая сделка приобретает статус крупной и подлежит специальному порядку одобрения. Его правовое значение для механизма правового контроля в корпоративных отношениях состоит в том, что он служит инструментом обеспечения баланса между интересами самого общества и его участников, ограничивая возможность заключения сделок, способных повлиять на имущественное положение общества, без их согласия.

Количественный критерий крупной сделки в акционерном обществе установлен в ст. 80 Закона РТ «Об акционерных обществах». В соответствии с этой нормой, крупной считается сделка, стоимость которой составляет 30 процентов и более

¹ Степанюк Н.В., Анисимов А.В. Оспаривание сделок с заинтересованностью и крупных сделок в рамках корпоративных споров // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10. С. 63.

² См.: Блэк Б.С., Крэкман Р., Тарасова А. Комментарий Федерального закона «Об акционерных обществах». М., 1999. С. 443.

балансовой стоимости активов акционерного общества, которая определяется по данным бухгалтерской отчетности на последнюю отчетную дату. Применительно к обществам с ограниченной ответственностью такой показатель составляет более 25 процентов стоимости имущества общества. Законодатель этому критерию придает характер договорной гибкости, так как уставом общества может быть установлен более высокий стоимостной порог (ст. 53 Закона РТ «Об

обществах с ограниченной ответственностью»). Однако несмотря на то, что законодательно установленные пороговые значения количественных показателей в этих двух законах различаются, суть количественного критерия остается единой – предмет сделки должен достигать значительного стоимостного значения относительно всех активов общества, что обуславливает необходимость участия высшего органа управления в принятии решения.

На основании изложенного в настоящей статье можно сделать вывод, что право на заключение крупной сделки сочетается с обязанностью соблюдать законодательные требования. Императивные нормы, устанавливающие специальные требования к процедуре заключения крупных сделок вовсе не упраздняют принцип свободы договора, а реализуют эту свободу в пределах, установленных корпоративным законодательством.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Республики Таджикистан от 24 декабря 2022 года № 1918 // <https://mmih.adlia.tj/SEARCH/DocumentView?DocumentId=143955> (дата обращения: 12.11.2025).
2. Блэк Б.С., Крэкман Р., Тарасова А. Комментарий Федерального закона «Об акционерных обществах». – М.: COLPI: Лабиринт, 1999. – 720 с.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: общие положения. - М.: Статут, 2011. – 847 с.
4. Дубинчин А.А. Английское контрактное право: практическое пособие для российского юриста: заключение договора. - М.: Инфотропик Медиа, 2010. – 268 с.
5. Красавчиков О.А. Диспозитивность в гражданско-правовом регулировании // Советское государство и право. - 1970. - № 1. - С. 41-49.
6. Осакве К. Свобода договора в англо-американском праве: понятие, сущность, и ограничения // Журнал российского права. - 2006. - N8(116). – С.131-143.
7. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. 3-е изд., стер. – М.: Статут, 2001. – 352 с.
8. Рогова Ю.В. К вопросу о моделях ограничения свободы договорного регулирования в гражданском законодательстве // Вестник арбитражной практики. – 2013. – № 1. – С. 5 - 12.
9. Романец Ю.В. Свобода договора (нравственно-юридический аспект) // Гражданское право. - 2013. - № 3. – С. 30 - 35.
10. Степанюк Н.В., Анисимов А.В. Оспаривание сделок с заинтересованностью и крупных сделок в рамках корпоративных споров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2011. – № 10. – С. 62-67.
11. Султонова Т.И. Свобода договора и пределы императивности гражданско-правовых норм в законодательстве Республики Таджикистан // Правовая жизнь. – 2020. – №2 (30). –С. 160-167.
12. Яковлев В.Ф. Гражданский кодекс РФ: развитие общих положений гражданского права // Кодификация российского частного права / под ред. Д.А. Медведева. - М.: Статут, 2008. – 334 с.

LARGE TRANSACTIONS AS A LIMITATION OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONTRACT

Romanenko Andrey Viktorovich

Postgraduate student of the 2nd year
of study in the specialty 5.1.3. Private law (civilistic) sciences
Russian-Tajik Slavonic University

This article examines the institution of major transactions as a distinct form of limiting the principle of freedom of contract. The author explores the essence of the principle of freedom of contract and identifies the reasons justifying restrictions on freedom of contract as it applies to major transactions. The article demonstrates that the restrictions established by corporate legislation regarding major transactions are not aimed at denying freedom of contract, but rather at protecting the interests of the corporation and its participants and preventing abuse of rights by executive bodies. Mandatory regulations establishing special requirements for the procedure for concluding major transactions do not abolish the principle of freedom of contract, but rather implement this freedom within the limits established by corporate legislation.

Key words: *major transactions, freedom of contract, restriction of freedom of contract, corporate legislation, approval of transactions, collective will-formation.*

АҲДҲОИ КАЛОН ҲАМЧУН МАҲДУДИЯТИ ПРИНСИПИ ОЗОДИИ ШАРТНОМА

Романенко Андрей Викторович

Аспиранти курси 2-юм аз рӯи ихтисоси 5.1.3. Илмҳои ҳуқуқи хусусӣ (ҳуқуқи шахрвандӣ)

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон

Дар мақола инстиуту амалиети калон ҳамчун шакли алоҳидаи маҳдуд кардани принсипи озодии шартнома баррасӣ карда мешавад. Муаллиф моҳияти принсипи озодии шартномаро ошкор мекунад ва сабабҳои асоснок кардани маҳдудиятҳои озодии шартномаро нисбати аҳдҳои калон нишон медиҳад. Дар мақола нишон дода шудааст, ки маҳдудиятҳои муқаррарнамудаи қонунгузори корпоративӣ оид ба бастании аҳдҳои калон на ба рад кардани озодии шартнома, балки ба ҷимояи манфиатҳои корпоратсия, иштирокчиени он ва пешгирии сӯиистифода аз ҳуқуқ аз ҷониби мақомоти иҷроия равона карда шудаанд. Меъёрҳои императивӣ, ки талаботи махсусро ба тартиби бастании аҳдҳои калон муқаррар мекунад, принсипи озодии шартномаро тамоман бекор намекунад, балки ин озодиро дар доираи муқаррарнамудаи қонунгузори корпоративӣ амалӣ мекунад.

Калидвожаҳо: *аҳдҳои калон, озодии шартнома, маҳдуд кардани озодии шартнома, қонунгузори корпоративӣ, тасдиқи аҳдҳо, иродаи коллективӣ.*

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЗАЁМЩИКА В ДОГОВОРЕ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КРЕДИТА

Хаутов Георгий Муратович

преподаватель кафедры предпринимательского права
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, Ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992)555595553, e-mail: g.khautov@mail.ru

В статье рассматривается правовое положение заёмщика в договоре потребительского кредита. Обсуждается некорректность отнесение в Законе Республике Таджикистан «О защите прав потребителей» юридических лиц к категории потребителей. Обосновывается, что интересы юридического лица всегда предопределены уставными целями, поэтому они имеют экономический, общественный, организационный и иной характер, но никак не личный, семейный и бытовой, в виду чего правовое положение потребителя не применимо к конструкции юридического лица. В ходе исследования правового статуса заёмщика в договоре потребительского кредита выявляется, что банковская практика выработала подход к вопросу гражданства заёмщика в договоре потребительского кредита и в качестве обязательных условий предоставления потребительского кредита определила два условия, касающихся правового положения заёмщика: гражданство Республики Таджикистан и статус налогового резидента. Обосновывается, что для обеспечения баланса интересов и кредитной организации и заёмщика, целесообразно отказаться от привязки правового положения заёмщика к гражданству Республики Таджикистан, ограничившись привязкой к статусу налогового резидента.

Ключевые слова: *потребительский кредит, потребительское кредитование, заёмщик, кредитная организация, потребитель, гражданство, налоговый резидент.*

Как вытекает из правовой природы договора потребительского кредита, на стороне заёмщика может выступать лицо, имеющее правовой статус потребителя. На первый взгляд,

данный вопрос кажется очевидным, ведь традиционно потребителем признаётся физическое лицо, приобретающее товар, работу, услугу для своих личных нужд, не связанных с предпринимательской деятельностью. Однако при более детальном его рассмотрении выявляются определённые сложности, вытекающие из содержания легального определения понятия потребителя, сформулированного в ст. 1 Закона РТ «О защите прав потребителей». В соответствии с этим определением, в число потребителей, наряду с физическими лицами, также включаются юридические лица. В этом отношении данная норма вступает в противоречие с природой потребительского кредита, кото-

рая определяется тем, что заёмщиком может выступать только физическое лицо.

Конечно, данный вопрос следует признать дискуссионным, так как в правовой доктрине существует подход, относящий юридических лиц к числу потребителей наряду с физическими лицами. Его сторонники аргументируют это тем, что экономический процесс потребления является характерным и для юридических лиц¹. К тому же юридическое лицо, также как и физическое лицо, может быть слабой стороной в договорных отношениях, особенно, когда речь идёт о непрофильных рынках. В таких случаях, полагает Л.В. Санникова у юридических лиц отсутствуют специальные знания о предмете и других условиях заключаемого договора².

© Хаутов Г.М., 2025.

¹ См.: Защита прав потребителей финансовых услуг / отв. ред. Ю.Б. Фогельсон. М.: Норма, Инфра-М, 2010. С. 155.

² См.: Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 83.

Признавая возможность существования данного подхода, мы не можем с ним согласиться, поскольку юридическое лицо априори не может иметь потребительские цели в силу своей природы юридической фикции. Такая его искусственная природа обуславливает факт, что его воля не может существовать в действительности¹, а интересы всегда предопределены уставными целями. В свою очередь, эти цели имеют экономический, общественный, организационный и иной характер, но никак не личный, семейный, бытовой. Можно, конечно, возразить тем, что за фикцией юридического лица всегда стоит человек, который, в конечном итоге, пользуется офисной мебелью, офисной техникой, канцелярскими принадлежностями. Но покупка со стороны юридического лица и использование его сотрудниками всего этого имущества не является бытовой покупкой и бытовым потреблением, а квалифицируется как приобретаемое и используемое для обеспечения деятельности юридического лица и его уставных целей.

Что касается вероятности признания юридического лица слабой стороной в договоре, то на этот счёт мы согласны с точкой зрения М.И. Брагинского и В.В. Витрянского о том, что юридические лица, в отличие от граждан, имеют достаточный финансовый, бухгалтерский и юридический потенциал, чтобы защитить себя, и не нуждаются в дополнительных средствах защиты, предоставляемых законом слабой стороне².

Исходя из вышеизложенного, мы считаем, что правовое положение потребителя не применимо к конструкции юридического лица, а расширительное

определение понятия потребителя со стороны законодателя является недостаточно логичным и продуманным. В этой связи мы предлагаем исключить из легального определения понятия потребителя, предусмотренного в ст. 1 Закона РТ «О защите прав потребителей», упоминание о юридических лицах.

Что касается сферы потребительского кредитования, то здесь на стороне заёмщика-потребителя могут быть только физические лица. И хотя действующее законодательство в силу известной незавершённости правового регулирования данной группы отношений не содержит прямого указания на это, правоприменительная практика показывает, что заключение данного договора с юридическими лицами не допускается.

Но физические лица – понятие широкое. В соответствии с ч.1 ст. 17 Гражданского кодекса РТ, в состав данного понятия законодатель относит граждан Республики Таджикистан, иностранных граждан, а также лиц без гражданства. Исходя из этого, возникает вопрос, о каких категориях физических лиц может идти речь применительно к фигуре заёмщика в договоре потребительского кредита? Законодатель прямого ответа на этот вопрос не даёт. Его можно выявить лишь косвенным образом посредством анализа действующего законодательства. Основным нормативным правовым актом, регламентирующим механизм предоставления кредитов, является Инструкция Национального банка Таджикистана №255 «О порядке выдачи кредита и начисления процента в кредитных организациях». Данная Инструкция устанавливает пакет запрашиваемых документов от заёмщика-физического

лица при рассмотрении его заявки на получение кредита и включает в число необходимых документов копию паспорта заёмщика и копию документа, подтверждающего его идентификационный номер налогоплательщика (п. 22 Инструкции). Такое правило позволяет сделать вывод, что заёмщиком в договоре потребительского кредита может быть только гражданин.

Такое требование обусловлено тем, что для банка, как субъекта, несущего финансовые риски, очень важно оценить персональные качества заёмщика. А принадлежность заёмщика к гражданству определённого государства в известной степени снижает кредитные риски. Однако категория «гражданин» имеет двойное значение. Данное понятие может быть применимо как в случаях, когда речь идёт о гражданах Республики Таджикистан, так и в случаях, когда имеются в виду иностранные граждане. Поэтому вопрос, может ли иностранный гражданин выступать в роли заёмщика в договоре потребительского кредита, остаётся открытым. В отсутствие законодательного регулирования этого вопроса, банковская практика выработала собственные правила на этот счёт и установила ограничения по признаку гражданства, согласно которым заёмщиком по договору потребительского кредита может быть только гражданин Республики Таджикистан. Помимо этого, банки устанавливают также возрастные и иные ограничения. Так, в Международном Банке Таджикистана (ИВТ) к заёмщикам по потребительскому кредиту предъявляются следующие требования: 1) гражданство Республики Таджикистан; 2) возрастные ограничения от 18 до 70 лет;

¹ См.: Богданов Е.В. Правовое положение органа юридического лица // Журнал российского права. 2001. № 3. С. 108.

² См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2. Договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2006. С. 76.

3) стаж работы на последнем месте работы должен составлять не менее 6 месяцев¹. Для отдельных видов потребительских кредитов (например, кредита для учителей и врачей) установлены специальные требования к возрасту заёмщика – от 24 до 63 лет (для женщин до 58)².

В Душанбе Сити Банк в числе необходимых документов при выдаче потребительских кредитов называются паспорт гражданина Республики Таджикистан, идентификационный номер налогоплательщика и документ, подтверждающий доход за последние 6 месяцев³. В Ориёнбанке в перечень необходимых документов относятся оригинал паспорта гражданина Республики Таджикистан и информация о заработной плате с места работы заёмщика минимум за последние 6 месяцев или другие документы, подтверждающие доход клиента или финансовый анализ клиента⁴. В Спитамен Банке заёмщик по потребительским кредитам должен иметь гражданство Республики Таджикистан и соответствовать возрасту не менее 18 и не старше 65 лет⁵.

Как видим, в отсутствие законодательного регулирования банковская практика выработала собственный подход к вопросу гражданства заёмщика в договоре потребительского кредита и в качестве обязательных условий предоставления потребительского кредита определила два условия, касающихся правового положения заёмщика:

1) гражданство Республики Таджикистан;

2) статус налогового резидента.

На второе условие указывает требование банков к продолжительности стажа работы заёмщика на последнем месте работы, который должен составлять не менее 6 месяцев. Критерий «182 и более дня в любом 12-месячном периоде» закреплён как критерий определения статуса резидента Республики Таджикистан в ч.2 ст. 14 Налогового кодекса РТ.

Говоря об этих критериях, следует отметить, что одни кредитные организации выставляют оба их одновременно как условия получения потребительского кредита. Для других достаточным является только наличие гражданства Республики Таджикистан.

С одной стороны, такая практика выглядит обоснованной и логичной, ибо присущий кредитной деятельности повышенный финансовый риск невозврата кредита заставляет кредитные организации искать эффективные инструменты управления риском с целью его минимизации. Привязка заёмщика к гражданству Республики Таджикистан и его экономическая связь с территорией государства выступают определённой гарантией возврата кредита и снижают кредитные риски кредитной организации. Однако, с другой стороны, такое ограничение фактически делает невозможным получение потребительского кредита тем и иностранным гражданам,

которые, хотя и являются резидентами Республики Таджикистан, но не являются её гражданами. Некоторые авторы обосновано подмечают в этом определённую несправедливость, потому что законодательство о защите прав потребителей распространяет свои гарантии, как на граждан, так и на иностранных граждан⁶.

На наш взгляд, чтобы при потребительском кредитовании в равной мере учитывались интересы и кредитной организации, и заёмщика, целесообразно отказаться от привязки правового положения заёмщика к гражданству Республики Таджикистан, ограничившись привязкой к статусу налогового резидента. Привязка к гражданству Республики Таджикистан приводит к неоправданному неравенству правового положения потребителей, которые могут иметь правовую и политическую связь с различными государствами, но при этом оставаться потребителями. В данном случае мы имеем в виду тех иностранных граждан, которые по тем или иным причинам длительное время фактически проживают на территории Республики Таджикистан, имеют работу, платят налоги, но, несмотря на такое экономическое положение, ограничены в получении потребительского кредита. Если проанализировать эти два статуса, то, думается, для целей кредитования наибольшее значение имеет статус налогового резидента, потому что финансовая и юридическая ответственность заёмщика в большей

¹ ИВТ Международный Банк Таджикистана. Потребительский кредит. Условия кредита. Требования к заёмщику [Электронный ресурс]. – Режим доступа // <https://www.ibt.tj/credits/kredit-na-neobkhodimye-nuzhdy/> (дата обращения: 12.09.2025).

² Там же.

³ Душанбе Сити Банк. Потребительский кредит // <https://credit.dc.tj/consumer/> (дата обращения: 12.09.2025).

⁴ Ориёнбанк. Кредиты [Электронный ресурс]. Режим доступа //

<https://oriyonbank.tj/ru/individuals/loans/consumer> (дата обращения: 12.09.2025).

⁵ Спитамен Банк. Потребительские кредиты. [Электронный ресурс]. Режим доступа <https://www.spitamenbank.tj/ru/personal/products/credits/potrebitelskiy-kredit> (дата обращения: 12.09.2025).

⁶ См.: Гафарова Г.Р. Защита прав потребителей: учебное пособие / под ред. З.М. Фаткудинова. М.: Юстицинформ, 2010. С. 26.

степени связана именно с этим статусом. Не паспорт, а фактическое место жительства и место осуществления деятельности представляют наибольший интерес для объективной оценки вероятности того, что предоставленные в кредит деньги будут возвращены. Ведь для кредитной организации, по сути, важно не

то, какое у заёмщика гражданство, а стабильный и подтверждённый источник его дохода на территории Таджикистана. Взыскание долга с резидента-иностранного гражданина, у которого есть источник дохода в Таджикистане, представляет меньший финансовый риск для кредитной организации, по

сравнению с взысканием долга с гражданина Республики Таджикистан, но имеющего статус нерезидента. В свете изложенного предлагаем в качестве основного условия предоставления потребительского кредита установить наличие у заёмщика статуса налогового резидента.

Библиографический список

1. ИВТ Международный Банк Таджикистана. Потребительский кредит. Условия кредита. Требования к заёмщику [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://www.ibt.tj/credits/kredit-na-neobkhodimye-puzhdy/> (дата обращения: 12.09.2025).
2. Богданов Е.В. Правовое положение органа юридического лица // Журнал российского права. – 2001. – № 3. – С. 108 – 113.
3. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 2. Договоры о передаче имущества. – М.: Статут, 2006. – 795 с.
4. Гафарова Г.Р. Защита прав потребителей: учебное пособие / под ред. З.М. Фаткудинова. – М.: Юстицинформ, 2010. – 408 с.
5. Душанбе Сити Банк. Потребительский кредит // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://credit.dc.tj/consumer/> (дата обращения: 12.09.2025).
6. Защита прав потребителей финансовых услуг / отв. ред. Ю.Б. Фогельсон. - М.: Норма, Инфра-М, 2010. – 368 с.
7. Ориёнбанк. Кредиты // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oriyonbank.tj/ru/individuals/loans/consumer> (дата обращения: 12.09.2025).
8. Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России – М.: Волтерс Клавер, 2006. – 150 с.
9. Спитамен Банк. Потребительские кредиты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.spitamenbank.tj/ru/personal/products/credits/potrebitelskiy-kredit> (дата обращения: 12.09.2025).

FEATURES OF THE BORROWER'S LEGAL STATUS IN A CONSUMER LOAN AGREEMENT

Khautov Georgii Muratovich

lecturer at the department of business law

Russian-Tajik Slavonic University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30

Tel.: (+992) 555595553, e-mail: g.khautov@mail.ru

The article examines the legal status of the borrower in a consumer loan agreement. It discusses the incorrect classification of legal entities as consumers in the Law of the Republic of Tajikistan on Consumer Rights Protection. It is argued that the interests of a legal entity are always predetermined by its statutory objectives, which are economic, social, organizational, and other in nature, rather than personal, family, or household. Therefore, the legal status of a consumer does not apply to the concept of a legal entity. The study of the legal status of the borrower in a consumer loan agreement reveals that banking practice has developed an approach to the issue of the borrower's citizenship in a consumer loan agreement and has identified two conditions related to the borrower's legal status as mandatory requirements for granting a consumer loan: citizenship of the Republic of Tajikistan and tax residency status. It is substantiated that in order to ensure a balance of interests between the lending institution and the borrower, it is advisable to abandon the link between the borrower's legal status and the citizenship of the Republic of Tajikistan, limiting it to the status of a tax resident.

Key words: *consumer loan, consumer lending, borrower, credit institution, consumer, citizenship, tax resident.*

ХУСУСИЯТҲОИ ВАЪЪИ ҲУҚУҚИИ ҚАРЗГИР ДАР ШАРТНОМАИ ҚАРЗИ ИСТЕЪМОЛӢ

Хаутов Георгий Муратович

муаллими кафедраи ҳуқуқи соҳибкорӣ

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992)555595553, e-mail: g.khautov@mail.ru

Дар мақола вазъи ҳуқуқии қарзгир дар шартномаи қарзи истеъмоли баррасӣ карда мешавад. Дар Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон "дар бораи ҳимояи ҳуқуқи истеъмолкунандагон" ба категорияи истеъмолкунандагон дохил кардани шахсони ҳуқуқӣ нодуруст муҳокима карда мешавад. Асоснок карда мешавад, ки манфиатҳои шахси ҳуқуқӣ ҳамеша бо мақсадҳои оинномавӣ муайян карда мешаванд, аз ин рӯ онҳо хусусияти иқтисодӣ, ҷамъиятӣ, ташкилӣ ва дигар доранд, аммо на шахсӣ, оилавӣ ва маишӣ, аз ин рӯ вазъи ҳуқуқии истеъмолкунанда ба сохтори шахси ҳуқуқӣ дахл надорад. Дар рафти таҳқиқи мақоми ҳуқуқии қарзгиранда дар шартномаи қарзи истеъмоли маълум мегардад, ки амалияи бонкӣ муносибати шаҳрвандии қарзгирандаро дар шартномаи қарзи истеъмоли таҳия намуда, ҳамчун шартҳои ҳатмии додани қарзи истеъмоли ду шартро вобаста ба вазъи ҳуқуқии қарзгиранда муайян намуд: шаҳрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва мақоми резиденти андоз. Асоснок карда мешавад, ки барои таъмини тавозуни манфиатҳо ва ташкилоти қарзӣ ва қарзгиранда, тавсия дода мешавад, ки аз бастанӣ вазъи ҳуқуқии қарзгиранда ба шаҳрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистон даст кашавад, ба мақоми резиденти андоз маҳдуд карда шавад.

Калидвожаҳо: қарзи истеъмоли, қарздиҳии истеъмоли, қарзгиранда, ташкилоти қарзӣ, истеъмолкунанда, шаҳрвандӣ, резиденти андоз.

УДК 343.541.4

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОЛОВОГО СНОШЕНИЯ С ЛИЦОМ,
НЕ ДОСТИГШИМ ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНЕГО ВОЗРАСТА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ
И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ**

Абдуллаев Нозим Саодулович

кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права юридического факультета
Российско-Таджикский (Славянский) университет 734025,
Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+992) 918-25-01-00, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

Хамроев Шухрат Садирович

доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета
Российско-Таджикского (Славянского) университета
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

Настоящая статья посвящена комплексному анализу проблемы уголовно-правовой квалификации полового сношения и иные действия сексуального характера, совершенных в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста.

В статье исследуется нормативная неопределенность, возникающая при конкуренции статей 138 «Изнасилование» и 141 «Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее-УКРТ) в случаях отсутствия признаков физического насилия.

Сохранить действующую норму в качестве части 1, установив ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, достигшим четырнадцатилетнего, но не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Республики Таджикистан, половая неприкосновенность, возраст согласия, квалификация преступлений, статья 138 УК РТ, статья 141 УК РТ, беспомощное состояние, сравнительное правоведение, законодательство России, законодательство Казахстана.

Абдуллаев Н.С.

права и свободы являются высшей социальной ценностью¹. Положения Конституции базируются на признании приоритета человека, его основных прав и свобод, и в первую очередь на положениях Всеобщей декларации прав человека 1948 г. В ней провозглашаются незыблемыми личные права человека и предлагаются эффективные механизмы их реализации.

Защита прав и свобод человека и гражданина, защита национальных интересов являются первостепенными задачами правовой политики суверенного

Хамроев Ш.С.

В ст. 2 Конституции страны предусмотрено, что человек, его

© Абдуллаев Н.С., Хамроев Ш.С., 2025

¹ Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994г. (в ред. референдума от 26.09.1999 г., от

22.06.2003г., от 22.05.2016 г.) [Электронный ресурс].

URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fvwx?rgn=2213 (дата обращения: 20.05.2025).

Таджикистана¹. Одной из задач уголовного законодательства является охрана жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина². Она по существу представляется основной его миссией.

Охрана прав и свобод человека и гражданина, в особенности защита наиболее уязвимых членов общества, является первоочередной задачей любого правового государства. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 в статье 2 прямо закрепляет в качестве своих задач охрану прав и свобод личности, здоровья населения, общественной нравственности и иных важнейших социальных ценностей от преступных посягательств.

Особое место в системе уголовно-правовой охраны занимает защита половой неприкосновенности несовершеннолетних, что обусловлено их физической, психической и социальной незрелостью, неспособностью в полной мере осознавать характер и значение совершаемых с ними действий и оказывать полноценное сопротивление.

Несмотря на наличие в УК РТ целого ряда норм, направленных на противодействие сексуальному насилию в отношении несовершеннолетних, правоприменительная практика и общественный дискурс свидетельствуют о наличии серьезных проблем в вопросах квалификации таких деяний. Особую остроту приобретает ситуация, связанная с совершением полового сношения с лицом, не достигшим четырнадцатилетнего возраста. Как показывают публикации в средствах массовой информации, в обществе нарастает

недовольство и недоумение относительно того, почему деяния, интуитивно воспринимаемые как тягчайшее преступление, нередко квалифицируются правоохранительными органами не по статье 138 УК РТ (Изнасилование), а по значительно более мягкой статье 141 УК РТ (Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста).

Данная проблема не является сугубо технической или казуистической; она затрагивает фундаментальные основы уголовной политики и принципы справедливости, вызывая общественный резонанс и подрывая доверие к правосудию³.

Центральная правовая дилемма, лежащая в основе указанной проблемы, заключается в законодательном разрыве между двумя ключевыми составами преступлений. С одной стороны, статья 138 УК РТ, предусматривающая ответственность за изнасилование, содержит особо квалифицирующий признак - совершение деяния в отношении лица, не достигшего четырнадцати лет, что влечет за собой исключительно суровое наказание, вплоть до пожизненного лишения свободы. Однако обязательным элементом объективной стороны данного состава является применение насилия, угрозы его применения либо использование беспомощного состояния потерпевшей. С другой стороны, статья 141 УК РТ криминализирует половое сношение с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, при отсутствии насильственного элемента, то есть, как принято считать, при наличии

«согласия» потерпевшей стороны. Санкция по данной статье значительно мягче (согласно различным источникам, до 5, а после ужесточения - до 10 лет лишения свободы) и, что критически важно, она не содержит дифференциации ответственности в зависимости от возраста потерпевшего лица в пределах до 16 лет.

Таким образом, правоприменитель оказывается перед бинарным выбором: либо квалифицировать деяние по статье 138 УК РТ, что требует доказывания насилия или беспомощного состояния, либо, при отсутствии очевидных доказательств физического принуждения, применять к статье 141 УК РТ. Это создает «квалификационный вакуум» или пробел в законодательстве для ситуаций, когда половой акт с ребенком, например, 13-летнего возраста, совершается без явного физического насилия, но в условиях, когда его «согласие» в силу возраста является юридически ничтожным. Квалификация такого деяния по статье 141 УК РТ приводит к назначению наказания, которое очевидно не соответствует степени его общественной опасности, что вступает в прямое противоречие с принципом справедливости, закрепленным в статье 8 УК РТ.

Таким образом, действующая редакция Особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан создает опасную правовую неопределенность в квалификации половых посягательств в отношении лиц, не достигших 14-летнего возраста, что может приводить к необоснованному смягчению ответственности виновных и, как следствие, к

¹ Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы. Утвержден Указом Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 №1005. [Электронный ресурс] – Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.05.2025).

² Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с изменениями и дополнениями по

состоянию на 20.04.2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.05.2025).

³ Бимбинов А.А. Ненасильственные половые преступления: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2015. – С.3-4.

неполной реализации охранительной функции уголовного закона.

Для корректной квалификации преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности первостепенное значение имеет четкое разграничение понятий, определяющих объект уголовно-правовой охраны¹. В теории уголовного права и в законодательстве многих стран, включая Республику Таджикистан, традиционно выделяются два смежных, но не тождественных объекта: половая свобода и половая неприкосновенность. Сама структура главы 18 Особенной части УК РТ, озаглавленной «Преступления против половой свободы или половой неприкосновенности», указывает на то, что законодатель признает существование этих двух самостоятельных правовых благ.

Следует отметить, что среди ученых бытуют разные мнения относительно исследованию объекта составов преступлений в сфере охраны половой неприкосновенности.

Так, одни авторы, к непосредственному объекту преступлений против половой неприкосновенности относят половую свободу². Другие авторы к дополнительному непосредственному объекту выделяют жизнь и здоровье потерпевшего, его честь и достоинство, а в некоторых случаях и нормальное развитие несовершеннолетнего³. Третьи авторы, основным объектом такого преступления как изнасилования

называют половую свободу и половую неприкосновенность. Мы солидарны с такой точкой зрения, т.к. при изнасиловании женщины основным объектом выступает половая свобода, а при изнасиловании несовершеннолетней, половая неприкосновенность.

Под половой свободой (*половая свобода*) понимается право зрелой и дееспособной личности самостоятельно, без какого-либо принуждения, выбирать полового партнера и формы сексуальных отношений. Это аспект личной автономии, предполагающий наличие у субъекта способности к осознанному волеизъявлению. Соответственно, преступления против половой свободы (например, изнасилование взрослой дееспособной женщины) посягают именно на эту способность принимать свободные решения в интимной сфере.

В отличие от этого, половая неприкосновенность (*половая неприкосновенность*) представляет собой охраняемое государством состояние, обеспечивающее нормальное психосексуальное развитие и физическую целостность лиц, которые в силу возраста или психического состояния не способны к формированию юридически значимого согласия на вступление в половые отношения. Как справедливо отмечается в доктрине, в частности, при анализе российского законодательства, если речь идет о несовершеннолетних, объектом преступления выступает именно их половая неприкосновенность⁴.

Общественная опасность этого преступления выражается в

посягательстве на половую неприкосновенность лиц⁵

Потерпевшими в данном случае являются дети и подростки, чья воля еще не сформирована до уровня, необходимого для принятия ответственных решений в сексуальной сфере.

Исходя из этого разграничения, следует сделать фундаментальный вывод: в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, объектом посягательства может быть *исключительно* половая неприкосновенность. Половая свобода как объект охраны для данной возрастной категории отсутствует, поскольку закон не признает за ребенком способность к осознанному и добровольному согласию на половой акт. Любое «согласие», полученное от ребенка, является юридически ничтожным, фиктивным. Это означает, что сам факт вступления взрослого лица в половую связь с ребенком, не достигшим определенного возраста (возраста сексуального согласия), должен рассматриваться как посягательство на его неприкосновенность, независимо от формы выражения воли потерпевшего лица.

Таким образом, тот факт, что законодатель Таджикистана в названии главы 18 УК РТ упоминает оба понятия, свидетельствует о теоретическом признании данного разграничения. Однако, как будет показано далее, содержание конкретных статей Особенной части не всегда последовательно реализует этот принцип. Проблема квалификации, описанная во введении, во многом проистекает из того, что

¹ Скрипова И.И. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: сравнительное исследование: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2021. С.3-4.

² Хайрутдинова Л.Р. К вопросу о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 8 (35). С. 423.

³ Обухова С.А. К вопросу о систематизации уголовно-правовых норм о преступлениях, затрагивающих половую неприкосновенность и половую свободу несо-

вершеннолетних // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2022. № 8-1. С. 77.

⁴ Мотин А.В. Квалификация преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2021. С.3-4.

⁵ Абдуллаев Н.С. Некоторые проблемы квалификации понуждения к действиям сексуального характера // Законодательство. 2024. №3 (55) С. 10-17.

правоприменительная практика, сталкиваясь с отсутствием физического насилия, ошибочно начинает оперировать категорией «согласия» там, где ее быть не может, - в отношениях с ребенком, не достигшим 14 лет. Это приводит к фундаментальному смешению объектов охраны и, как следствие, к неверной юридической оценке содеянного.

Концепция «беспомощного состояния» (*беспомощное состояние*) является одним из ключевых конструктивных признаков состава изнасилования в уголовном праве постсоветских государств. Так, диспозиции соответствующих статей уголовных кодексов Российской Федерации (ст. 131 УК РФ), Казахстана (ст. 120 УК РК) и Узбекистана (ст. 118 УК РУз) наряду с применением насилия или угрозой его применения указывают на использование беспомощного состояния потерпевшей как на один из способов совершения преступления.

Под беспомощным состоянием традиционно понимается такое состояние лица, при котором оно не способно понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказывать сопротивление виновному (например, ввиду малолетнего возраста, психического расстройства, сна, сильного опьянения, физических недостатков и т.д.).

В контексте рассматриваемой проблемы центральным является вопрос: является ли возраст потерпевшего лица, не достигшего 14 лет, *сам по себе* (*per se*) обстоятельством, свидетельствующим о его беспомощном состоянии? С точки зрения психологии разви-

тия, медицины и педагогики, ответ однозначно утвердительный. Ребенок в возрасте до 14 лет в подавляющем большинстве случаев не обладает достаточной психофизиологической и социальной зрелостью для того, чтобы в полной мере осознать природу, социальные и медицинские последствия сексуальных отношений. Его согласие, даже если оно выражено вербально, не является результатом свободного и информированного выбора, а зачастую становится следствием обмана, уговоров, злоупотребления доверием, авторитетом или психологической манипуляции со стороны взрослого.

Следовательно, с материальной точки зрения, состояние ребенка до 14 лет должно презюмироваться как беспомощное в контексте сексуальных отношений. Любой половой акт с таким ребенком по своей сути является использованием его беспомощного состояния. Это означает, что такие действия должны квалифицироваться как изнасилование (*statutory rape*), независимо от наличия или отсутствия признаков физического сопротивления и его преодоления. При этом необходимо учитывать не только показания самого подсудимого, но и тщательно проверить их соответствие с другими обстоятельствами дела¹.

Общественное возмущение, о котором говорится в таджикских СМИ, отражает именно это интуитивное понимание справедливости. Когда общество слышит о «половом сношении по согласию» с 13-летним ребенком, оно реагирует на юридический нонсенс, на фикцию. Общественное сознание отказывается

признавать такое «согласие» действительным и справедливо требует рассматривать подобные деяния как насильственные по своей природе, поскольку они представляют собой эксплуатацию уязвимости ребенка.

Таким образом, существующий разрыв между правовой квалификацией и общественным правосознанием коренится в формалистическом подходе правоприменителя к понятию «насилия». Вместо того чтобы трактовать использование возрастного недопонимания как форму психологического принуждения и использования беспомощного состояния, практика идет по пути наименьшего сопротивления, требуя доказательств физической борьбы - ссадин, синяков и т.п. Это происходит потому, что законодательство Таджикистана, в отличие от некоторых других, не содержит прямого указания или разъяснения Пленума Верховного Суда о том, что не достижение 14-летнего возраста автоматически образует состав «использования беспомощного состояния».

Во-первых, действующая система уголовно-правовых норм, представленная статьями 138 и 141 УК РТ, содержит существенный структурный пробел. Она не предусматривает специальной нормы, адекватно отражающей степень общественной опасности ненасильственных сексуальных посягательств на детей в возрасте до 14 лет. Это приводит к возникновению неразрешимой квалификационной дилеммы для правоприменительных органов, вынуждая их либо прибегать к спорному расширительному толкованию понятия «беспомощное

¹ Постановление Пленума Верховного суда Республики Таджикистан «О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы или половой неприкосновенности» от 25 июня 2004 №4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.05.2025).

состояние» для применения статьи 138 УК РТ, либо квалифицировать деяние по неадекватно мягкой и недифференцированной статье 141 УК РТ.

Во-вторых, сложившаяся практика квалификации таких деяний по статье 141 УК РТ вступает в прямое противоречие с фундаментальными принципами уголовного права, прежде всего с принципом справедливости (ст. 8 УК РТ). Назначение наказания, не соответствующего тяжести содеянного, не только несправедливо по отношению к жертве, но и подрывает превентивную функцию уголовного закона и вызывает закономерное недоверие и возмущение в обществе.

Внести изменения в статью 141 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, изложив ее в новой редакции, предусматривающей многоуровневую структуру. По аналогии со статьей 134 УК РФ, предлагается:

1. Сохранить действующую норму в качестве части 1, установив ответственность за половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, достигшим четырнадцатилетнего, но не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

2. Дополнить статью новой частью (например, частью 2), устанавливающей повышенную уголовную ответственность за те

же деяния, совершенные в отношении лица, достигшего двенадцатилетнего, но не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Санкция данной нормы должна быть значительно строже, чем в части 1, и предусматривать наказание в виде лишения свободы на длительный срок (например, от 5 до 12 лет), что будет адекватно отражать повышенную общественную опасность деяния.

Такое изменение позволит напрямую закрыть существующий пробел, предоставит правоприменителям ясный и однозначный инструмент для квалификации и обеспечит соразмерность наказания тяжести преступления.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.04.2021 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.05.2025).
2. Абдуллаев Н.С. Некоторые проблемы квалификации понуждение к действиям сексуального характера // Законодательство. – Душанбе. – 2024. – №3 (55) – С. 10-17.
3. Алексеев С.В. Групповое преступление как квалифицирующий признак конкретного состава преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – М., – 2011. – № 1. – С. 14-19.
4. Бимбинов А.А. Ненасильственные половые преступления: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2015. – 30 с.
5. [Электронный ресурс]. URL: <https://your.tj/v-tadzhikistane-deti-podvergajutsja-nasiliju-chashhe-sostorony-blizkih-im-ljudej/> (дата обращения: 26.05.2025).
6. [Электронный ресурс]. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/incidents/20220203/v-tadzhikistane-za-2021-god-bilo-zaregistrovano-16-sluchaev-iznasilovaniya-nesovershennoletnih> (дата обращения: 26.05.2025).
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации/Отв. ред. В.М. Лебедев. - 3-е изд., доп. и испр. – М.: «Юрайт-Издат», 2004. – 896 с.
8. Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы. Утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018. №1005. [Электронный ресурс] Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.05.2025).
9. Мотин А.В. Квалификация преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2021. – 27 с.
10. Обухова С.А. К вопросу о систематизации уголовно-правовых норм о преступлениях, затрагивающих половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетних // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2022. – № 8-1. – С. 77-81.
11. Постановление Пленума Верховного суда Республики Таджикистан «О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы или половой неприкосновенности» от 25 июня 2004. №4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=10 (дата обращения: 26.05.2025).
12. Скрипова И.И. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних: компаративное исследование: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2021. – 27 с.
13. Хайрутдинова Л.Р. К вопросу о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Аллея науки. – 2019. – Т. 1. – № 8 (35). – С. 422-426.

CRIMINAL-LEGAL CHARACTERISTICS OF SEXUAL INTERCOURSE WITH A PERSON UNDER FOURTEEN YEARS OF AGE: THEORETICAL AND COMPARATIVE LEGAL ASPECTS

Abdullaev Nozim Saoduloevich

PhD in Law, Associate Professor
Department of Criminal Law, Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
tel.: (+992 37) 227-85-83, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

Khamroev Shukhrat Sadirovich

Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University
30 M. Tursunzade str., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan
Tel.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

This article is devoted to a comprehensive analysis of the problem of criminal-legal qualification of sexual intercourse and other acts of a sexual nature committed against a person under the age of fourteen. The article examines the normative uncertainty that arises when Articles 138 (Rape) and 141 (Sexual intercourse and other acts of a sexual nature with a person under sixteen years of age) of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan compete in cases where there are no signs of physical violence. Maintain the current norm as Part 1, establishing liability for sexual intercourse and other actions of a sexual nature with a person who has reached the age of fourteen but has not reached the age of sixteen.

Key words: *Criminal Code of the Republic of Tajikistan, sexual inviolability, age of consent, classification of crimes, Article 138 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan, Article 141 of the Criminal Code of the Republic of Tajikistan, helpless state, comparative law, legislation of Russia, legislation of Kazakhstan*

**ХУСУСИЯТҲОИ ҶИНОЯТӢ-ҲУҚУКИ АЛОҚАИ ҶИНСӢ БО ШАХСИ ТО ЧОРДАҲСОЛАӢ:
ҶАНБӢОИ НАЗАРИЯВӢ ВА ҚИСОИБИ ҲУҚУКИ**

Абдуллаев Нозим Саодулоевич

номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсенти
кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии факултети ҳуқуқшиносӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
тел.: (+992 37) 227-85-83, e-mail: n.abdullaev.88@mail.ru

Ҷамроев Шӯҳрат Садирович

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор,
декани факултети ҳуқуқшиносӣ
Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

Мақолаи мазкур ба таҳлили ҳамаҷонибаи проблемаи квалификацияи ҷиноятӣ-ҳуқуқии алоқаи ҷинсӣ ва дигар кирдорҳои дорои хусусияти шаҳвонӣ, ки нисбати шахси зери синни чордаҳсола содир шудааст, бахшида шудааст.

Дар мақола номуайянии меъёрие, ки ҳангоми рақобати моддаҳои 138 (Таҷовуз ба номус) ва 141 (Алоқаи ҷинсӣ ва дигар кирдорҳои дорои хусусияти шаҳвонӣ бо шахси то шонздаҳсола) Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон дар ҳолатҳои мавҷуд набудани аломатҳои зӯроварии ҷисмонӣ ба миён меояд, баррасӣ шудааст.

Муқаррароти қорӣ ҳамаҷун қисми 1 нигоҳ дошта шавад, ки масъулиятро барои алоқаи ҷинсӣ ва дигар амалҳои дорои хусусияти шаҳвонӣ бо шахсе, ки ба синни чордаҳсолагӣ расида, вале ба синни шонздаҳсолагӣ нарасидааст, муқаррар мекунад.

Калидвожаҳо: Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, дахлнопазирии ҷинсӣ, синну соли ризоият, таснифи ҷиноятҳо, моддаи 138-и Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, моддаи 141-и Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, ӯлати нотавагон, ҳуқуқи муқоисавӣ, қонунгузорию Россия, қонунгузорию Қазоқистон.

УДК 343.341-059.1:343.9

ЛИЧНОСТЬ ЭКСТРЕМИСТА И ЕГО ИЗУЧЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНОЛОГИИ

Абдуллаева Рано Абдуалиевна

доктор юридических наук, профессор
заведующая кафедрой уголовного права
Российско-Таджикский (Славянский) университет,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

Ахмадзода Алишер Джунайдулло

Соискатель 1-го года обучения
кафедры уголовного права юридического факультета,
ведущий специалист Координационного Центра противодействия экстремизму и терроризму
Российско-Таджикский (Славянский) университет,
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
тел.: (+99237) 227 47 29, e-mail: alisher_ahmadzoda@mail.ru

Данная статья посвящена изучению личности экстремиста с точки зрения криминологии, которое представляет собой форму преступного поведения, отличающегося высокой степенью общественной опасности и мотивированного идеологически окрашенными установками. Здесь основной акцент делается на правовую квалификацию экстремистских деяний, анализ субъектов преступлений и факторов, способствующих преступной активности.

В научной литературе экстремизм рассматривается с позиций различных дисциплин таких как уголовное право, криминология, политология, психология, социология и соответственно подходов в исследовании, в частности, психологического, социологического, политологического, идеологического, юридического и т.д. Каждый из этих подходов предлагает собственное видение причин, форм и последствий экстремистской активности личности.

Авторами также рассматриваются существующие интегративные модели, сочетающие элементы всех вышеуказанных подходов различных наук. Одним из таких является модель «эскалации радикализации», описывающая постепенное развитие экстремистских установок у личности под влиянием внешней среды и внутренних факторов. В связи с чем в научной статье подчеркивает необходимость объединения усилий государств, общества, науки, образования и семьи. Это может создать эффективный щит против экстремистской угрозы.

Ключевые слова: *безопасность, государство, личность преступника, личность экстремиста, общество, преступление, радикальные движения, экстремизм.*

Абдуллаева Р.А.

Современный экстремизм представляет собой сложное и многогранное явление, оказывающее разрушительное воздействие не только на политико-правовую стабильность государства, но и на ценностные ориентиры личности. Его опасность заключается не только в деструктивных последствиях для социально-политической структуры, но и в трансформации внутреннего мира человека, участвующего в экстремистской деятельности. Указанное воздействие выражается в формировании морально

Ахмадзода А.Дж.

деградированной и мировоззренчески деформированной личности.

В научной литературе экстремизм рассматривается с позиций различных дисциплин - криминологии, политологии, психологии, социологии. Каждый из этих подходов предлагает собственное видение причин, форм и последствий экстремистской активности.

С точки зрения криминологии, экстремизм представляет собой форму преступного поведения, отличающегося высокой степенью общественной опасности и мотивированного идеологически окрашенными установками. Здесь основной акцент делается на правовую квалификацию экстремистских деяний, анализ субъектов преступлений и факторов, способствующих преступной активности.

Психологический подход исследует внутренние мотивационные структуры личности экстремиста, механизмы радикализации, особенности восприятия социальной реальности, а также патологические черты характера. Исследователи отмечают, что склонность к экстремизму может формироваться под воздействием комплекса факторов: фрустрации, социальной изоляции, травматического опыта, дефицита признания и смысла жизни.

Социологическая перспектива акцентирует внимание на общественных процессах и структурных условиях, способствующих росту экстремистских настроений. К числу таких условий относятся: маргинализация отдельных социальных групп, неравенство, дискриминация, культурный конфликт, идеологический вакуум.

Политологический подход рассматривает экстремизм как радикальную форму политической активности, направленную на дестабилизацию существующего политического порядка. Здесь особое внимание уделяется идеологической составляющей, механизму пропаганды, роли харизматических лидеров, структуре экстремистских организаций.

Существуют также интегративные модели, сочетающие элементы всех вышеуказанных подходов. Одним из таких является модель «эскалации радикализации», описывающая постепенное развитие экстремистских установок у личности под влиянием внешней среды и внутренних факторов.

Таким образом, комплексное понимание экстремизма требует междисциплинарного анализа, охватывающего как индивидуальные, так и социальные, политические и культурные аспекты.

История экстремистских проявлений на постсоветском пространстве имеет множество корней, уходящих как в глубину религиозных и этнокультурных конфликтов, так и в политические трансформации, последовавшие после распада СССР.

В России 1990-х годов экстремизм стал одной из реакций общества на резкое ослабление государственного контроля, социальную дезориентацию и экономические потрясения. В этот период возникли первые радикальные националистические движения, анархистские группировки, псевдорелигиозные секты. Нарастание социальной поляризации, дефицит социальной защиты, массовая безработица - всё это создало питательную среду для формирования протестных и враждебных установок.

В Таджикистане наиболее ярким проявлением экстремизма

стал вооружённый конфликт 1992–1997 годов, в основе которого лежало противостояние между законными правительственными силами и Объединённой таджикской оппозицией. Конфликт носил идеологический, клановый и религиозный характер. Его последствия до сих пор сказываются на молодежной политике и структуре идентичности в стране.

В начале 2000-х годов экстремизм в России приобрёл более организованные формы, особенно в контексте кавказского направления. Произошёл сдвиг от стихийных молодежных движений к структурированным экстремистским сообществам, использующим религиозную риторику и подпольные методы вербовки. С этого периода началась активизация радикального исламизма, вовлекающего в свои сети молодежь, особенно на Северном Кавказе¹.

В Таджикистане второй волной экстремизации стало возвращение на родину мигрантов, пребывавших под влиянием радикальных группировок в ближневосточных странах.

Сегодня экстремизм в государствах - это не только форма протеста, но и инструмент влияния, нередко использующийся как внешними, так и внутренними факторами для дестабилизации обстановки. Сравнительный анализ показывает, что в Таджикистане преобладает религиозный экстремизм с международным компонентом, тогда как в России чаще доминируют националистические и политически окрашенные формы радикализма.

Анализ статистических данных, касающихся экстремистской преступности, позволяет более точно охарактеризовать масштаб

¹ Мусаелян М.Ф. Профилактика экстремизма – важнейшее направление противодействия экстремизму в Российской Федерации // Адвокат. 2019. № 7. С. 99.

и направленность данного явления. По данным МВД России, за последние 10 лет наблюдается волнообразный характер экстремистских преступлений: пика в 2014–2016 годах, связанного с международной террористической активностью, последовало некоторое снижение, однако начиная с 2020 года фиксируется новая тенденция роста преступлений экстремистской направленности, особенно в молодежной среде¹.

Наиболее часто фиксируемые составы преступлений включают: публичные призывы к экстремистской деятельности, возбуждение ненависти либо вражды, участие в экстремистском сообществе, финансирование экстремистской деятельности. Примерно 70–80% осужденных по делам экстремистской направленности - лица в возрасте до 30 лет. Из них до 20% составляют несовершеннолетние. Это указывает на необходимость первоочередного внимания к профилактике экстремизма среди подростков и студентов².

Интересен также гендерный срез: вопреки стереотипам, доля женщин, участвующих в экстремистских организациях, составляет около 15–20%, причём их роль зачастую оказывается не менее значимой, чем у мужчин - особенно в части идеологического формирования и пропаганды. Женщины, вовлечённые в экстремизм, часто выступают в качестве координаторов, вербовщиков, а также посредников при передаче информации.

Географически наибольшая концентрация экстремистской активности фиксируется в крупных мегаполисах (Москва, Санкт-

Петербург), а также в регионах с напряжённой этноконфессиональной ситуацией - Северный Кавказ, Поволжье.³ В Таджикистане экстремизм чаще проявляется в приграничных районах, а также среди вернувшихся мигрантов.

Таким образом, демографический профиль экстремиста - это, прежде всего, молодой человек (в том числе несовершеннолетний), нередко с нарушенными социальными связями, отсутствием устойчивых жизненных ориентиров и склонностью к идеологической подверженности. Выявление этих характеристик позволяет разрабатывать более адресные программы профилактики и ресоциализации.

Эффективное противодействие экстремизму требует всестороннего изучения личности субъекта экстремистской деятельности. Анализ должен охватывать внутреннюю психологическую структуру, нравственные установки, личностные свойства, а также условия и факторы, способствующие формированию экстремистских взглядов. Нравственно-психологические и индивидуальные характеристики экстремиста являются ключевыми для понимания мотивационных основ преступного поведения. Их изучение позволяет выявить криминогенные детерминанты, классифицировать личность по определённому криминолого-психологическому типу и сформулировать обоснованные предположения о мотивации совершённых деяний.

Как мы уже отмечали практика показывает, что в России и Таджикистане преобладающее

число экстремистских преступлений совершается лицами молодого возраста, включая несовершеннолетних. Это обусловлено рядом факторов: максимализмом, обострённым чувством социальной несправедливости, дефицитом жизненного опыта и подверженностью идеологической обработке. Молодёжь особенно уязвима к воздействию псевдопатриотических и религиозных доктрин, маскирующих радикальные цели под лозунги социальной справедливости и национальной идентичности.

Экстремизм, как правило, базируется на догматизированной идеологии, предполагающей исключительность или превосходство одной социальной, национальной, религиозной или расовой группы над другими. Подобные установки формируют у индивида ксенофобские, человеконенавистнические и насильственные модели поведения. Несмотря на их несовместимость с нормами цивилизованного общества, подобные идеи находят отклик в определённых кругах, что свидетельствует о наличии социальной базы для экстремистской пропаганды.

Среди ключевых факторов, способствующих развитию экстремистских настроений в молодежной среде, следует выделить:

- 1) дефицит социально полезной активности и доминирование примитивных досуговых практик;
- 2) недостатки в школьном и семейном воспитании;
- 3) криминализируемая среда общения;
- 4) отсутствие чётких жизненных ориентиров;

¹ Абдухамитов В.А. Совершенствование уголовно-правовых средств и правоприменительной практики борьбы с религиозным экстремизмом в странах Центральной Азии: монография. Душанбе: РТСУ, 2015. С. 72-73.; Абдухамитов В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: Уголовно-правовые, криминологические проблемы (на материалах Республики Таджикистан). Бишкек, 2015. С.145.

² Хлебушкин А.Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации. Вопросы квалификации и судебная практика. М., 2016. С. 86-90.

³ Арчаков М.К. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия: монография. М., 2019. С. 106.

5) деструктивное влияние СМИ, транслирующих интолерантность и агрессию.

Начальные формы молодежного экстремизма проявляются в пренебрежении к установленным социальным нормам, провокационном поведении, граничащем с преступлением, что впоследствии перерастает в организованные экстремистские действия.

Личность экстремиста представляет собой сложное переплетение психических, эмоциональных и поведенческих характеристик, обусловленных как внутренними, так и внешними факторами. В научной литературе выдвигаются различные модели описания психологического профиля субъекта экстремистской деятельности.

Одной из ключевых особенностей является склонность к крайним формам выражения эмоциональных и идеологических установок. У экстремиста, как правило, наблюдается высокая степень фрустрированности, неудовлетворенность своим положением в обществе, чувство социальной несправедливости и стремление к признанию любыми средствами. Среди устойчивых черт можно выделить:

- *агрессивность - как реакция на реальную или мнимую угрозу;*
- *повышенная импульсивность, сниженный контроль над поведением;*
- *замкнутость и недоверие, эмоциональная холодность;*
- *максимализм и категоричность суждений, неспособность к диалогу;*
- *групповая зависимость, тенденция подчиняться авторитетам и формироваться в коллективной идеологии.*

Нередко у экстремистов фиксируются нарциссические и параноидные черты личности. Первые проявляются в убежденности в собственной исключительности и правоте, вторые - в недоверии к окружающим, убежденности в враждебности окружающего мира.

В ряде случаев можно говорить о наличии патологических радикалов личности, таких как:

- *нарциссический радикал - выражается в фанатичной приверженности идеологии;*
- *параноидный радикал - в ориентации на насилие, страхе предательства и вражды;*
- *деструктивно-садистский компонент - в стремлении к унижению и подавлению других.*

Экстремизм особенно опасен в тех случаях, когда подобные установки закрепляются в молодом возрасте и получают подкрепление в групповой среде, где насилие и ненависть становятся нормой. Подобные личности могут не испытывать эмпатии, легко идут на нарушение закона и часто романтизируют идею жертвы во имя «высшей цели».

Различие также следует проводить между исполнителями и идеологами. Первые нередко действуют импульсивно, ведомо, руководствуясь групповым давлением или эмоциональным всплеском. Вторые - как правило, более расчетливы, интеллектуально развиты, способны к манипуляциям и построению стратегий. Они редко сами участвуют в актах насилия, предпочитая оставаться в тени, сохраняя имидж лидера и вдохновителя.

Таким образом, психологический портрет экстремиста требует комплексного подхода и может варьироваться в зависимости от роли в организации, мотивации и уровня радикализации. Его знание имеет принципиальное значение для разработки эффективных программ деидеологизации и психологической коррекции. Следует отметить, что психологические особенности участников экстремистской деятельности включают:

1. *Фанатичная приверженность идеологии, наличие нарциссических и параноидных черт в структуре личности;*
2. *Групповая идентичность, доминирующая над личностной,*

что делает индивида восприимчивым к групповому давлению;

3. *Насильственные установки - ориентация на агрессию, запугивание и подавление инакомыслия.*

Эмоционально-психические проявления включают агрессивность, жестокость, замкнутость, эмоциональную неустойчивость, склонность к саморазрушению, суицидальному поведению и полное пренебрежение жизнью других людей. Идеолог экстремистской группы, как правило, отличается расчетливостью, дистанцированностью от прямого участия в действиях, а также способностью манипулировать сознанием последователей.

По данным криминологических исследований, экстремистская преступность отличается «омоложением» - в её состав всё чаще вовлекаются подростки в возрасте 14–18 лет, а иногда даже дети младшего возраста (8–12 лет). Хотя доминируют молодые мужчины, всё чаще фиксируются случаи участия женщин, включая лидерские роли в неформальных радикальных объединениях. Структура личности экстремиста может быть классифицирована по шести группам признаков: социально-демографическим, уголовно-правовым, социальным связям, нравственным качествам, психологическим особенностям и физико-биологическим характеристикам.

Процесс вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность нередко протекает по схожим сценариям, характеризующимся стадийным развитием. Радикализация не является одномоментным событием - это сложный, многоступенчатый путь, включающий в себя как внутренние трансформации личности, так и влияние внешней среды.

Первый сценарий начинается с чувства несправедливости и социальной отверженности. Подросток сталкивается с буллингом,

неуспешностью в учебе, конфликтами в семье. На этом фоне формируется фрустрация и ощущение себя «жертвой системы». Такие состояния легко подхватываются экстремистской пропагандой, которая предлагает простые ответы на сложные вопросы: «Ты страдаешь, потому что виноваты они». Углубляется поляризация «мы - они», «свои - чужие».

Второй сценарий связан с интернет-радикализацией. Молодой человек, ищущий смыслы, принадлежность и признание, оказывается в онлайн-пространстве, где активно действуют экстремистские группы. Используя алгоритмы персонализации и тактику эмоционального заражения, они формируют «вихревое» вовлечение: сначала - мемы и лозунги, затем - лекции, видеоконтент, участие в чатах и форумах. Нарастание интенсивности информации ведёт к смещению ценностей и норм.

Третий сценарий - «героизация сопротивления». Он особенно распространён в среде подростков, склонных к романтизации борьбы и революционного пафоса. Экстремизм подаётся как форма борьбы за «правду», где участник - борец, мученик, герой. На этом фоне подросток чувствует собственную значимость, получает «миссию» и обретает цель. Это особенно опасно в условиях отсутствия позитивных социальных моделей и авторитетов.

Четвёртый сценарий - через религиозное пробуждение. Это особенно характерно для регионов с высоким уровнем миграции, социальной нестабильности или религиозной необразованности. Молодой человек, переживающий личностный или духовный кризис, попадает под влияние псевдорелигиозных

наставников. При этом радикальный дискурс преподносится как «настоящая вера», а любые сомнения - как слабость или предательство¹.

Во всех сценариях ключевым элементом является групповая поддержка - ощущение принадлежности к «своим», в рамках которой нормы общества подменяются внутригрупповыми идеологиями. Кроме того, значимую роль играет «мост» - человек (лидер, наставник, вербовщик), который проводит подростка от состояния пассивного интереса к активному участию.

Изучение таких кейсов имеет прикладное значение: позволяет формировать программы ранней диагностики радикализации, создавать профилактические среды, усиливать семейные и школьные ресурсы, а также вырабатывать инструменты мягкого вмешательства до стадии открытого участия в экстремистской деятельности.

Современное научное сообщество сталкивается с проблемой терминологической неопределённости в сфере экстремизма. Понятия «титальный этнос», «диаспора», «национальная политика» часто используются СМИ некорректно, что способствует дезориентации общественного мнения. Это создает почву для манипулятивного влияния экстремистской риторики на неокрепшее мировоззрение молодежи.

В то время как средние школы предпринимают усилия по модернизации образования, высшая школа часто демонстрирует стагнацию. Это делает студентов особенно восприимчивыми к экстремистским идеологиям. Отсутствие профилактических программ и информационно-разъяснительной работы усугубляет проблему, особенно в

условиях свободного доступа к радикальным материалам в интернете.

Экстремизм - это не просто правонарушение, а глубокое социально-психологическое явление. Его истоки - в социальном неблагополучии, идеологической уязвимости и отсутствии жизненных ориентиров. Противодействие этому явлению требует комплексного подхода, включающего образовательные, правовые, информационные и профилактические меры. Только системная работа с молодежью, построенная на гуманистических и демократических ценностях, может обеспечить снижение экстремистской активности и укрепление общественной безопасности.

Профилактика экстремизма в молодежной среде представляет собой комплексную задачу, требующую межведомственного взаимодействия, системности и научно обоснованных подходов. Успешные практики включают в себя не только контроль и реагирование, но и проактивное формирование устойчивых к радикализации личностей.

1. Образовательные программы и просвещение. Наиболее устойчивые результаты достигаются при интеграции антиэкстремистского контента в школьные и вузовские программы. Это может быть реализовано через модули по правам человека, межкультурному диалогу, критическому мышлению, медиаграмотности. Особое внимание уделяется развитию способности отличать факты от манипуляции, распознавать идеологические ловушки, понимать механизмы вербовки.

2. Работа с родителями и педагогами. Создание системы раннего выявления признаков радикализации возможно только при

¹ Залиханова Л.И. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учеб.пособ. М., 2014. С. 258-259.

активном участии семьи и школы. Обучающие семинары для педагогов и родителей позволяют повысить уровень их осведомленности, научиться распознавать риски и реагировать на изменения в поведении подростков.

3. Молодёжные центры и позитивные субкультуры. Альтернативной вовлечению в радикальные движения становятся общественные и волонтерские инициативы, клубы по интересам, спортивные секции, креативные проекты. Такие центры становятся площадками для социализации, развития лидерских качеств и самореализации, тем самым снижая вероятность ухода в деструктивную среду.

4. Цифровая профилактика. С учётом роли интернета в радикализации необходимо создавать контент, привлекательный для молодежи, который предлагает позитивную идентичность, альтернативную экстремизму. Это может быть реализовано через YouTube-каналы, TikTok, Instagram, онлайн-курсы, где известные лидеры мнений транслируют ценности уважения, диалога и социальной ответственности.

5. Программы ресоциализации и поддержки. Для уже вовлечённых в экстремистскую деятельность молодых людей важна возможность «выхода» без потери достоинства. Программы ресоциализации должны включать психологическую помощь, поддержку при трудоустройстве, восстановление социальных связей. Примером успешных практик могут служить проекты в Германии, Нидерландах и странах Скандинавии, где используются методики «вывода» из радикальных групп.

6. Межрелигиозный и межкультурный диалог. Особую роль играет сотрудничество с традиционными религиозными организациями, которые могут

выступать авторитетным источником альтернативной интерпретации веры. Совместные просветительские мероприятия с представителями разных конфессий формируют культуру уважения и предупреждают ксенофобию.

Эффективность профилактики достигается лишь при условии системной, непрерывной и инклюзивной работы. Это требует политической воли, устойчивого финансирования и активного участия всех институтов гражданского общества.

Экстремизм, являясь многофакторным и динамично развивающимся явлением, требует комплексного и системного подхода к его предупреждению и преодолению. Проведённый анализ показал, что корни экстремистского поведения кроются в сочетании личностных, социальных, идеологических и политических факторов, причём особую уязвимость к радикализации проявляют подростки и молодёжь.

В современных условиях необходимо разработать стратегию противодействия экстремизму, ориентированную не только на репрессивные меры, но и на профилактику, реабилитацию, информационно-просветительскую работу. Ниже представлены ключевые предложения, направленные на усиление государственной политики в данной сфере:

1. Разработка и внедрение междисциплинарных программ профилактики экстремизма на всех уровнях образования с участием психологов, юристов, религиоведов, социологов и педагогов.

2. Создание национальной программы по медиаобразованию, направленной на формирование у молодёжи критического восприятия информации, умения отличать манипуляцию от факта, сопротивляться вербовочным практикам.

3. Развитие институтов гражданского общества - молодёжных организаций, волонтерских центров, общественных объединений, способных предлагать альтернативные модели идентичности, отличные от экстремистских.

4. Совершенствование законодательства в части расширения инструментов мягкого вмешательства, например, программ альтернативного наказания, условного срока с обязательной психокоррекцией, а также реабилитационных центров для вышедших из экстремистской среды.

5. Поддержка исследований в области радикализации - необходимо создать научные консорциумы при вузах, которые будут заниматься мониторингом и анализом динамики экстремистской активности, тестированием и внедрением профилактических методик.

6. Расширение международного сотрудничества, направленного на обмен опытом, методиками и ресурсами в борьбе с трансграничным экстремизмом, особенно в контексте информационной безопасности и интернета.

7. Усиление роли религиозных и культурных институтов в разъяснительной работе, предоставлении молодежи подлинной духовной поддержки и предупреждении использования религиозной риторики в целях радикализации.

Концепция комплексного подхода к личности экстремиста позволяет выработать гибкие и адресные стратегии воздействия, минимизируя риск радикализации как среди молодёжи, так и взрослого поколения, что будет способствовать укреплению правового порядка, социальной справедливости, гражданской солидарности и ответственности за будущее нации и народа.

Библиографический список

1. Абдулагатов З.М. – Современный экстремизм и терроризм: состояние и проблемы противодействия: монография – Махачкала: «Алеф», 2019. – 351 с.
2. Абдухамитов В.А. Совершенствование уголовно-правовых средств и правоприменительной практики борьбы с религиозным экстремизмом в странах Центральной Азии: монография – Душанбе: «РТСУ», 2015. – 112 с.
3. Абдухамитов В.А. Борьба с религиозным экстремизмом: Уголовно-правовые, криминологические проблемы (на материалах Республики Таджикистан). – Бишкек, 2015. – 260 с.
4. Арчаков, М.К. Политический экстремизм: сущность, проявления, меры противодействия: монография. – М.: «Юрайт», 2019. – 180 с.
5. Горюнов П.Ю., Гребенщиков И.В. «Экстремизм и радикализм – от понятий к пониманию» – СПб.: «Амирит», 2016. – 138 с.
6. Залиханова Л.И. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовые и криминологические аспекты: учеб.пособ. – М.: «Юрлитинформ», 2014. – 120 с.
7. Кондратьев К.В., Ковалев С.В. Экстремизм: личность и общество. - М.: «Наука», 2015. – 257 с.
8. Мусаелян М.Ф. Профилактика экстремизма – важнейшее направление противодействия экстремизму в Российской Федерации // Адвокат. 2019. –№ 7. – С. 97-108.
9. Хлебущкин А.Г. Преступления экстремистской направленности в системе посягательств на основы конституционного строя Российской Федерации. Вопросы квалификации и судебная практика. – М.: «Проспект», 2016. – 192 с.

**THE PERSONALITY OF AN EXTREMIST AND HIS STUDY
IN THE CONTEXT OF CRIMINOLOGY**

Абдуллаева Рано Абдуалиевна

Doctor of Law, Professor

Head of the Department of Criminal Law, Faculty of Law

Russian-Tajik (Slavonic) university

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30

Tel.: (+99237) 227 85 83, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

Ахмадзода Алишер Джунайдулло

1st year applicant of the

Criminal Law Department of the Faculty of Law,

leading specialist at the coordination Center for countering extremism and terrorism

Department of Criminal Law of the Faculty of Law,

Russian-Tajik (Slavonic) university

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30

Tel.: (+99237) 227 47 29, e-mail: alisher_ahmadzoda@mail.ru

This article is devoted to the study of the personality of an extremist from the point of view of criminology, which is a form of criminal behavior characterized by a high degree of public danger and motivated by ideologically colored attitudes. Here, the main emphasis is placed on the legal qualification of extremist acts, analysis of the subjects of crimes and factors contributing to criminal activity.

In scientific literature, extremism is considered from the standpoint of various disciplines such as criminal law, criminology, political science, psychology, sociology and, accordingly, approaches to research, in particular, psychological, sociological, political science, ideological, legal, etc. Each of these approaches offers its own vision of the causes, forms and consequences of an individual's extremist activity.

The authors also consider existing integrative models that combine elements of all the above approaches from various sciences. One of these is the "escalation of radicalization" model, which describes the gradual development of extremist attitudes in an individual under the influence of the external environment and internal factors. In this regard, the scientific article emphasizes the need to unite the efforts of states, society, science, education and family. This can create an effective shield against the extremist threat.

Keywords: *security, state, personality of the criminal, personality of the extremist, society, crime, radical movements, extremism.*

ШАХСИЯТИ ИФРОТГАРО ВА ОМУЗИШИ ОН ДАР ЗАМИНАИ КРИМИНОЛОГИЯ

Абдуллаева Рано Абдуалиевна

Доктори илмҳои ҳуқуқ, профессор
мудирӣ кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии факултети ҳуқуқшиносӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+99237) 227 85 83, e-mail: ranoabdullaeva777@mail.ru

Ахмадзода Алишер Джунайдулло

Унвонҷӯи таҳсили соли 1-уми кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии
факултети ҳуқуқшиносӣ,
Мутахассиси пешбари Маркази ҳамоҳангсозии муқовимат бо экстремизм ва терроризми
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+99237) 227 47 29, e-mail: alisher_ahmadzoda@mail.ru

Мақолаи мазкур ба омӯзиши шахсияти ифротгаро аз нуқтаи назари криминалогия бахшида шудааст, ки як шакли кирдори ҷиноӣ мебошад, ки бо дараҷаи баланди хавфнокӣ иҷтимоӣ хос буда, бо муносибатҳои рангини идеологӣ асос ёфтааст. Дар ин ҷо таваҷҷуҳи асосӣ ба бандубасти кирдорҳои ифротгароӣ, таҳлили субъектҳои ҷиноятҳо ва омилҳои, ки ба фаъолияти ҷиноятӣ мусоидат мекунанд, дода мешавад.

Дар адабиёти илмӣ ифротгароӣ аз нуқтаи назари фанҳои гуногун, аз қабилӣ ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминалогия, сиёсатшиносӣ, равоншиносӣ, ҷомеашиносӣ ва мувофиқан равишҳои таҳқиқот, аз ҷумла, равоншиносӣ, ҷомеашиносӣ, сиёсатшиносӣ, идеологӣ, ҳуқуқӣ ва ғайра баррасӣ мешавад. Ҳар яке аз ин равишҳо дар бораи сабаб, шакл ва оқибатҳои фаъолияти ифротгароии шахсӣ назари худро пешниҳод мекунанд.

Муаллифон инчунин моделҳои мавҷудаи интегративиро баррасӣ мекунанд, ки унсурҳои ҳамаи равишҳои дар боло зикргардидаи илмҳои гуногунро дар бар мегирад. Яке аз онҳо модели «авҷиши радикализатсия» мебошад, ки дар фард тадриҷан инкишоф ёфтани муносибатҳои ифротгароиро таҳти таъсири муҳити беруна ва омилҳои дохилӣ тавсиф мекунад. Вобаста ба ин дар мақолаи илмӣ зарурати муттаҳид сохтани талашҳои давлат, ҷомеа, илм, маориф ва оила таъкид шудааст. Ин метавонад як сипари муассир бар зидди таҳдиди ифротгароӣ эҷод кунад.

Калидвожаҳо: *амният, давлат, шахсияти ҷинояткор, шахсияти ифротгароӣ, ҷомеа, ҷиноят, ҳаракатҳои радикалӣ, ифротгароӣ.*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЗОРОАСТРИЙСКОМ И МУСУЛЬМАНСКОМ ПРАВЕ

Рахмонов Изатулло Додарбекович

Соискатель Института философии, политологии и права
имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе проспект Рудаки, 33
тел.: (+992 37) 221-77-96; e-mail: www.ifppanrt.tj

В статье рассматриваются и анализируются исторические аспекты похищения людей в контексте зороастрийской и мусульманской дореволюционной правовых систем Таджикистана. Отмечается, что похищение человека относится к числу непристойных антиобщественных явлений и признается преступным деянием, которое в своем развитии имеет древние исторические корни. Однако появление похищение человека наиболее тесно связано с возникновением первобытного общества.

В то же время вопросы похищения человека можно найти и в тексте священной книги Авеста, как письменного источника права предков таджиков. Последовательно с принятием Ислама похищение человека, как и воровство, рассматривается одной из тяжких преступлений в мусульманском уголовном праве. Однако на сегодняшний день, несмотря на правовые и превентивные методы борьбы, похищение человека остается проблемой в ряде стран мира.

Ключевые слова: похищение человека, первобытное общество, моно-нормы (обычаи, ритуалы, традиции), Вендидад, Висперед, Кодекс Сасанидов, Коран, грех, наказание, махр, «кавказской традицией».

Похищение человека относится к числу непристойных антиобщественных явлений и признается преступным деянием, которое в своем развитии имеет древние исторические корни. В связи с этим уместно отметить, что похищение человека признанное как преступное деяние, по своему распространению, не является явлением новым. По-

скольку оно возникло еще до появления древних государств, но научные данные об этом явлении в указанный период не так уж являются достаточным.

Отсюда возникновение похищение человека больше всего на наш взгляд связано с появлением первобытного общества. Хотя в этом историческом процессе еще не существовало ни права и законов, а конкретные общественные отношения регулировались моно-нормами (обычаями, ритуалами, традициями и т.д.). В этой связи ученые отмечают, что наиболее формой проявления похищения человека в первобытном общинном строе произошли именно в период неолита (8-3 тыс. лет до н.э.), т.е., в период так называемой в науке «неолитической революции». В первобытном обществе, хотя точного определения похищения людей как преступления не было, подобное положение дел свидетельствует о том, что похи-

щение человека в то время существовало как неинституциональное явление. Однако отношения членов общества к факту похищения человека и наказанию за его совершение регулировались нормами обычаев и традиций, но оценивается как несовершенное. Из этого следует, что генетические корни проявления похищения людей следует искать не в государстве и праве, а в самом первобытном общинном строе, поскольку без учета этого подхода никак не невозможно представить генезис и дальнейшее развитие института уголовного права - «похищение человека». В этом контексте, становление государства и права привело к институционализации похищения людей в уголовном праве. Это произошло потому, что официальное регулирование ответственности за похищение стало возможным не через нормы обычаев (хотя имело место), а посредством свода писанных законов, что является новым

этапом развития в истории человечества. Следовательно, правовое регулирование общественных отношений кардинально отличалось от первобытного общества, где действовали неписанные нормы поведения, что в совокупности привело к изменению моделей исторических процессов и этапов развития человечества в целом. Всё это стало не только фактором развития права, но и в дельнейший стимул его эволюции. А главное причиной более широкого применения правовых норм в политической, экономической и культурной жизни государств.

В этой связи следует отметить, что первые сведения о похищении людей как о нежелательном явлении приводятся в различных историко-правовых документах древних государств Востока и Запада. В частности, одним из древнейших памятников права в истории человечества, возникновение которого приходится на середину XVIII века до нашей эры, и оно связано именем царя Вавилона – «Законы Хаммурапи».

Основываясь на вышеизложенном, вопросы похищения человека можно найти также в тексте священной книги Авесте, как письменного источника права предков таджиков. В истории таджикского народа Авеста упоминается в нескольких значениях: как священная книга зороастризма, важный исторический правовой и религиозный памятник и первоисточник, описыва-

ющий социальную, политическую и экономическую структуру народов Средней Азии и Ирана. В этом контексте Вендидад известен как одна из важных частей Авесты, нормы которой посвящены вопросам права и религии. Который определяет приоритет добрых поступков и поведения над силами зла, служащий общей пользе, общему благу, обещаемому делу защиты человека от посягательств на них злых духов. По словам Холикова А.Г. «Если классифицировать историю фиксации и кодификации Авесты по периодам, то она делится на четыре этапа: 1. Кодификация эпохи Вишпгаспа Каянида, в конце жизни самого Зороастра. 2. Кодификация эпохи Ахеменидов, которую сожгли греки. 3. Кодификация эпохи Аршакидов (I – III вв.). 4. Кодификация эпохи Сасанидов».¹ Последняя именуемой периодом функционирования Сасанидского права и неизбежно связанной с кодификации Сасанидского судебного – «Книга тысячи судебных решений» («Mātakdān ī hazār dāstān») (далее Судебник). По словам исследователей он был составлен представителем знатного рода (судьей) Фаррахвартом (сыном Варахрама, во времена правления шаха Хосрова II). Характеризуя данный памятник, можно сказать, что он представляет собой компиляцию комментариев Фаррахварта, основанных на нормах гражданской, уголовной и судебной практике, а также правовой

доктрине². Среди уголовно-правовых норм Авесты и зороастризма немало норм, защищающих личную свободу человека. В одном из своих текстов Авеста запрещает брать в плен и считает несчастием на земле, когда жены и дети попадают в заложники.³

Следовательно, в Саманидском судебнике установлен, что: «Раба нельзя продать не зороастрийцам, если же продадут, то из раба оба они (продавший и купивший) перед ратом зороастрийцев являются ворами» - и их следует подвергнуть клеймению (наказания),⁴ здесь акт совершения купли-продажи приравнивается к краже. А.Г. Периханян кража человека в зороастрийском праве назвал преступления против свободы личности и религиозно-нравственные преступления в предложенной им классификации.⁵ Следует отметить, что под термином «похищение человека» в это время чаще использовался термин «воровство» или «кража». За воровство в Авестийском праве, было предусмотрено наказание. В этом смысле в Фрагарде 4. Договоры и преступления, в части I. за совершение кражи был установлен: «Он (вор) достоин тюремного заключения и телесного наказания, так как он оплодотворяет Ложь»⁶. Поэтому в «Висперде» содержится такой призыв к зороастрийцам: «Держите в готовности ваши обе руки и ваши умы – для благого совершения законных поступков в соответствии со священным порядком и

¹ Халиков А. Г. Общая характеристика Авесты как источника зороастрийского права // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. №6. С.10.

² Тутаев И.В. Значимость Сасанидского Судебника для изучения права раннесредневекового Ирана // Труды юридического факультета. Т.ХI. Правовая карта мира: попытки начертания (теоретические, исторические и практические аспекты) / ред.: М.В. Антонов, А.В. Закиревский, Р.Ю. Почекаев, Н.Б. Срединская, Н.В. Тарасов, Е.Н.Трикоз. СПб.: Скифия-принт, 2019. С.286.

³ Халиков А.Г. Правовая система зороастризма (древнее право). Душанбе, 2005. С. 336

⁴ Периханян А. Г. Сасанидский судебник // отв. ред. И. М. Дьяконов; Институт Востоковедения АН СССР, Институт Востоковедения АН Арм. ССР. Е.: Изд-во АН Арм. ССР, 1973. С. 89.

⁵ Периханян А.Г. Общество и право Ирана в Парфянский и Сасанидский периоды. М.: Наука, 1983. С. 247.

⁶ Авеста. Закон против дэвов (Видевдат) / Адаптированный перевод, исследование и комментарии Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, К. В. Абдуллаева. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2008. С.96.

для избежания незаконных и дурных дел»¹. Даже в преданиях благородный поступок восхваляется, после смерти для души человека открывалась дверь рая: «Для этого душа должна подойти к подножию Горы Справедливости, откуда к ее вершине ведет особый мост. На вершине Горы восседает Митра и его помощники, взвешивающие мысли, слова и дела каждой души: добрые на одной чаше, дурные на другой. Если добрых дел окажется больше, душа считается достойной рая»². Однако, если не-зороастриец совершал кражу и раскаивался в содеянном, а также принимал зороастрийскую веру, то он освобождался от уголовной ответственности. В этом контексте в строках 40-41 фаргарда 3 говорится: «Если виновный не является зороастрийцем и очень сожалеет о содеянном (о совершении тяжкого греха), и приносит клятву, что больше не совершит такого греха (возможно, вступает в зороастрийскую религию), то Мазда прощает его вину. О Заратуштра! Истинно маздаянская религия прощает вину человека, который принимает эту веру: – Маздаянская религия прощает воровство»³. Несмотря на всё это, похищение людей в смысле кражи человека существовало во времена распространения зороастризма, и во многих случаях жертвами похищения становились женщины, дети, а также близкие и даже родственники царей, придворных и других категорий лиц.

Однако, после появления ислама (в VII веке) и формирования мусульманской правовой системы, зороастрийская правовая

система перестала функционировать. В мусульманском праве любое нарушение закона, включая преступление, рассматривается как «грех». В связи с этим, преступление оценивается не только с юридической точки зрения (деяние), но и с религиозно-нравственной (грех). Это объясняется тем, что за преступление, помимо «земного» наказания, предусмотрено и наказание от Аллаха. Так как Шариат категорически осуждает любое преступление, совершенное против человека и его свободы, независимо от его религиозных убеждений, расы и социального статуса.

В этом контексте, похищение человека, как и воровство, рассматривается одной из тяжких преступлений в мусульманском уголовном праве. Воровство считается особо тяжким преступлением, и согласно учениям Корана, священной книги мусульман, за него предусмотрено самое суровое и жестокое наказание: «Отрубите руку вору и воровке за содеянное ими как примерное наказание от Аллаха. Поистине, Аллах Превелик и Премудр» (сура «Аль-Маида», аят 38). «Вор-мужчина и вор-женщина наказываются за свое злодеяние отрубанием руки [лишаются кисти правой руки (особенно рецидивисты), если были «пойманы за руку» и нет ни единого сомнения в их причастности к воровству]. Эта кара заслужена ими в качестве примерного наказания от Бога [в результате чего подобного рода преступления должны искорениться в обществе]. Он Могущественен и бесконечно Мудр» (Св. Коран, 5:38). Или «Не прелюбодействует прелюбодей, оставаясь верующим;

не употребляет спиртное пьющий, сохраняя при этом веру; не ворует вор, оставаясь верующим; не грабит или не похищает грабитель, сохраняя веру свою. [То есть вера в процессе совершения столь страшных преступлений покидает человека]. Однако возможность покаяния у них [у таких людей] есть»⁴. В этом смысле следует отметить, что похищение людей - это деяние⁵, порождающий ограничение прав на свободу и личную неприкосновенность человека, закрепленного в нормах конституции и международных стандартов.

В связи с этим уместно отметить, что в некоторых странах и народах мира с древних времен похищение невест было известно как традиция и сохранилось до наших дней. Похищение невесты, как проявление насилия и угнетения, является большим грехом, нарушением одного из условий брака (махр) и фактически приводит к запретному уединению девушки с посторонним мужчиной (немахрам), что в исламе строго запрещено.

Похищение невесты является наиболее известной «кавказской традицией». В этом плане по странам СНГ - Северный Кавказ (Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Чеченской Республики и Киргизская Республика), занимает лидирующие позиции по количеству совершаемых преступлений против

¹ Меликова М.Ф. К вопросу периодизации истории просветительства в Азербайджане // Известия Бакинского университета. Серия: Социально-политические науки. 2003. №3. С.11.

² Сравнительное богословие. Кн.5: учеб. пособие / Прогнозно-аналитический центр Академии Управления. М.: НОУ «Академия Управления», 2010. С.28.

³ Вендидад. Фаргард 3 строки 40-41. Вендидад Перев. с авестийского, комментарий и словарь Х.Рази. В 4-х томах. Техрон, 1376.

⁴ Аз-Захаби Ш. Китаб аль-кябаир.-хадис №4. С.78.

⁵ Хайдарова М.С. Правовые нормы Корана и шариат // Известия АН Тадж ССР. Философия, экономика, право. 1986. № 4. С.57.

личности¹. Хотя уголовное законодательство многих стран такие как Россия, Кыргызстан, Казахстан, Китай похищение невесты рассматривается как преступление. При этом некоторые исследователи учитывая распространенность этого явления в отдельных регионах РФ и специфику

менталитета отдельных этнических групп, в Уголовный кодекс РФ предлагает ввести статью 126.1 «Похищение женщины с целью вступления с ней в брак», имея в виду, что возбуждение уголовного дела возможно только на основании заявления потерпевшей стороны.² Однако

похищения женщин в исламе не только запрещено но и его совершения ни-как не соответствует основным религиозными принципам. Поэтому это явление, несмотря на правовые и превентивные методы борьбы, до сих пор остается проблемой в ряде государств мира.

Библиографический список

1. Авеста. Закон против дэвов (Видевдат) / Адаптированный перевод, исследование и комментарии Э. В. Ртвеладзе, А. Х. Саидова, К. В. Абдуллаева - СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2008. - 300 с.
2. Аз-Захаби Ш. Книга аль-кябаир.-хадис №4.- С.78-79.
3. Вендидад Перев. с авестийского, комментарий и словарь Х.Рази. В 4-х томах. - Техрон, 1376.
4. Махмудова М.М., Королева А.М., Махмудова Д.М. Похищение невесты - обычай или вызов времени? // Женщина в российском обществе. - 2019.- № 1 (90).- С.121-132.
5. Меликова М.Ф. К вопросу периодизации истории просветительства в Азербайджане // Известия Бакинского университета. Серия: Социально-политические науки. – 2003. – №3. – С.5-13.
6. Периханян А.Г. Общество и право Ирана в Парфянский и Сасанидский периоды. – М.: Наука, 1983. – 386 с.
7. Периханян А. Г. Сасанидский судебник / отв. ред. И. М. Дьяконов; Институт Востоковедения АН СССР, Институт Востоковедения АН Арм. ССР.- Е.: Изд-во АН Арм. ССР.-1973.- 574 с.
8. Сравнительное богословие. Кн.5: учеб. пособие. Прогнозно-аналитический центр Академии Управления. – М.: НОУ «Академия Управления», 2010. – 508 с.
9. Тутаев И.В. Значимость Сасанидского Судебника для изучения права раннесредневекового Ирана // Труды юридического факультета. Т.ХI. Правовая карта мира: попытки начертания (теоретические, исторические и практические аспекты) / ред.: М.В. Антонов, А.В. Закревский, Р.Ю. Почакаев, Н.Б. Срединская, Н.В. Тарасов, Е.Н.Трикоз. – СПб.: Скифия-принт, 2019. – С.286- 288.
10. Халиков А.Г. Правовая система зороастризма (древнее право). Душанбе, 2005. -488 с.
11. Халиков А. Г. Общая характеристика Авесты как источника зороастрийского права // Проблемы экономики и юридической практики. -2013.- №6. - С.9-14.
12. Хайдарова М.С. Правовые нормы Корана и шариат // Известия АН ТаджССР. Философия, экономика, правоведение. - 1986. - № 4. - С. 55–61.
13. Шапиев Р. Н. Похищение человека: коллизия закона и обычая//Вестник экспертного совета. - 2016.- №1 (4). -С. 94-96.

INTERPRETATION OF KIDNAPPING AS A CRIME IN ZOROASTRIAN AND MUSLIM LAW

Rakhmonov Izatullo Dodarbekovich

Applicant of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov of the National Academy of Sciences of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Avenue, 33
tel.: (+992 37) 221-77-96; e-mail: www.ifppanrt.tj

The article examines and analyzes the historical aspects of kidnapping in the context of the Zoroastrian and Muslim pre-revolutionary legal systems of Tajikistan. It is noted that kidnapping is one of the indecent antisocial phenomena and is recognized as a criminal act, which in its development has ancient historical roots. However, the emergence of kidnapping is most closely associated with the emergence of primitive society. At the same time, issues of kidnapping can be found in the text of the holy book Avesta, as a written source of the law of the ancestors of Tajiks. Consistently with the adoption of Islam, kidnapping, like theft, is considered one of the grave

¹ Махмудова М.М., Королева А.М., Махмудова Д.М. Похищение невесты - обычай или вызов времени? // Женщина в российском обществе. 2019. № 1 (90). С. 122.

² Шапиев Р. Н. Похищение человека: коллизия закона и обычая // Вестник экспертного совета. 2016. №1 (4). С. 95.

crimes in Muslim criminal law. However, today, despite legal and preventive methods of struggle, kidnapping remains a problem in a number of countries of the world.

Keywords: *kidnapping, primitive society, mono-norms (customs, rituals, traditions), Vendidad, Vispered, Sassanid Code, Koran, sin, punishment, mabr, "caucasian tradition"*.

ШАРҲИ ОДАМРАБОЙ ҲАМЧУН ҚИНОЯТ ДАР ҲУҚУҚИ ЗАРДУШТӢ ВА МУСУЛМОНӢ

Раҳмонов Изатулло Додарбекович

Муҳаққиқи Институти фалсафа, сиёсатшиносӣ ва ҳуқуқи ба номи
А.Баҳоваддинови Академияи илмҳои Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33
тел.: (+992 37) 221-77-96; e-mail: www.ifppanrt.tj

Дар мақола ҷанбаҳои таърихии одамрабой дар шароити низоми ҳуқуқи зардуштӣ ва мусулмонии пеш аз инқилоби Тоҷикистон баррасӣ ва таҳлил карда шудааст. Зимнан зикр мегардад, ки одамрабой яке аз зухуроти номатлуби зиддиҷамъиятӣ буда, ҳамчун амали қиноятӣ эътироф гардида, дар рушди худ решаҳои қадимии таърихӣ дорад. Аммо пайдоиши одамрабой бештар бо пайдоиши ҷомеаи ибтидоӣ алоқаманд аст. Дар баробари ин, масъалаҳои одамрабой дар матни китоби муқаддаси «Авесто», ҳамчун сарчашмаи хаттии қонуни ниёғони тоҷикон мушоҳида мешавад. Мутобиқи қабули Исломи, одамрабой ба мисли дуздӣ дар қонуни қиноии мусалмонон яке аз қиноятҳои сангин маҳсуб мешавад. Аммо имрӯз, сарфи назар аз усулҳои қонунӣ ва пешгирикунандаи мубориза, одамрабой дар як қатор кишварҳои ҷаҳон як мушкил боқӣ мемонад.

Калидвожаҳо: *одамрабой, ҷомеаи ибтидоӣ, моно-нормаҳо (одат, расму оин, анъанаҳо), Вендидад, Висперед, Кодекси Сосониён, Қуръон, гуноҳ, ҷазо, маҳр. «анъанаи кавказ».*

УДК 343.131.7

**РОЛЬ ПРИНЦИПА ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ
ЛИЦ, ЧЬИ УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА ПРЕКРАЩЕНЫ ПО РЕАБИЛИТИРУЮЩИМ
И НЕРЕАБИЛИТИРУЮЩИМ ОСНОВАНИЯМ**

Урфонзода Донишманд Садоншо

старший преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности факультета №2, подполковник милиции
Академия МВД Республики Таджикистан
734024, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Мاستонгулова, 3
Тел.: 101040496, e-mail: sadonschoev.donisch@yandex.ru

В статье проводится анализ роли принципа презумпции невиновности в контексте защиты прав лиц, в отношении которых уголовное дело было прекращено по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям. Особое внимание уделяется изучению положений презумпции невиновности с целью обеспечения их соответствия процедуре прекращения уголовного дела по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям, а также соблюдения конституционных прав лиц, в отношении которых дело прекращено. Автор формулирует предложения по разрешению выявленных проблем, касающихся применения принципа презумпции невиновности при прекращении уголовных дел по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям.

Ключевые слова: *презумпция невиновности, реабилитация, основания, доказывание, признание, прекращение уголовного дела, время доказывания, процедур*

Презумпция невиновности выступает гарантом защиты прав и свобод человека от любого незаконного и необоснованного обвинения. Данный принцип выступает краеугольным камнем уголовного судопроизводства, который служит надежной защитой от любых форм неправомер-

ных расследований. Ее многолетнее закрепление в ключевых международных документах по правам человека наглядно демонстрирует ее фундаментальную роль. К примеру, в ч. 1 ст. 11 Всеобщей Декларации прав человека 1948 г.; ч. 2 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.; ч. 2 ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.; п. 1 Резолюции 2858 (XXVI) Генеральной Ассамблеи ООН «Права человека при отправлении правосудия» от 20 декабря 1971 г.¹. Согласно указанным документам, презумпция невиновности гарантируется тем, что лицо признается невиновным до момента, когда его виновность будет доказана в рамках установленной законом процедуры и подтверждена вступившим в силу судебным решением. Эта норма пол-

ностью соответствует международным стандартам, обеспечивающим соблюдение принципа презумпции невиновности.

Подобным образом, Конституция Республики Таджикистан также закрепляет эту норму. Так, в ч.1 ст. 20 Конституции страны закреплено, что «никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу». Суть данной конституционной нормы заключается в обеспечении презумпции невиновности. Ее действие распространяется на все сферы права, включая уголовно-процессуальное законодательство, которое, в свою очередь, представляет собой средство обеспечения уголовной ответственности лиц, совершивших противоправные уголовные деяния.

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее - УПК РТ) устанавливает

© Урфонзода Д.С., 2025

¹ См.: Виницкий Л.В., Кубрикова М.Е. Некоторые вопросы принципа презумпции невиновности в прак-

тике Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smo.vkks.ru/publication/8770/> (дата обращения: 19.09.2025)

принцип презумпции невиновности в ст. 15: «Никто не считается виновным в совершении преступления до вступления приговора суда в законную силу»¹. Представленная формулировка охватывает все социальные группы, включая субъектов правоприменения и теоретиков права, и устанавливает, что право признания обвиняемого виновным принадлежит исключительно судебной власти. Данное право реализуется только после полного и всестороннего изучения доказательств и материалов уголовного дела. Иные аспекты принципа презумпции невиновности включают в себя гарантии данного права в рамках уголовного судопроизводства. В целях обеспечения соблюдения презумпции невиновности, органы предварительного расследования обязаны руководствоваться соответствующими нормативными положениями.

Право на презумпцию невиновности всегда остается приоритетом для современного уголовного процесса. Поэтому все требования данного принципа должны быть реализованы и соблюдены, что является гарантом объективного и беспристрастного расследования уголовного дела.

Анализ оснований для прекращения уголовного преследования, включая как реабилитирующие, так и нереабилитирующие, представляет собой область, неизменно вызывающую научный и практический интерес в рамках доктрины презумпции невиновности. Ведь с позиции данного принципа дальнейшая судьба лиц, против которых прекращено уголовное дело по причисленным основаниям, остается неизвестным.

Прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям влечет за собой признание невиновности обвиняемого. Это означает, что следствие не смогло доказать его вину. В рамках действующего законодательства, орган, осуществляющий расследование, обязан исходить из презумпции невиновности, что подразумевает признание лица невиновным до доказательства обратного и принятие мер по обеспечению его прав.

С позиции принципа презумпции невиновности, человек может быть признан виновным только судом. Весь процесс предварительного расследования ведётся в целях доказывания виновности человека. Поэтому органы, которые ведут расследование, собирают только факты и доказательства, чтобы убедить суд в виновности лица. Если на какой-либо стадии уголовного судопроизводства прекращается уголовное дело в отношении обвиняемого, то это значит, что он является невиновным. Ведь сущность принципа презумпции невиновности заключается в том, что невиновность человека сохраняется до момента, когда обвинительный приговор суда обретет юридическую силу.

В соответствии с п. 1 и 2 ч.1 ст.27 УПК РТ уголовное дело прекращается по реабилитирующим основаниям, что дает возможность лицу, против которого прекращено уголовное дело, оправдать себя и восстановить свое доброе имя. К реабилитирующим основаниям УПК РТ относит:

- отсутствие события преступления (п.1 ч.1 ст.27 УПК РТ)
- отсутствие в деянии признаков состава преступления (п.1 ч.1 ст.27 УПК РТ).

В ситуации, когда уголовное дело прекращается по установленным законом основаниям, перечисленным выше, - это означает прекращение всех следственных мероприятий, проводимых в отношении обвиняемого, и начало процедуры его реабилитации. По мнению ряда процессуалистов, включая А.О. Ермакову, «при прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям проблемы, связанные с реализацией принципа презумпции невиновности, не возникают, поскольку лицо, в отношении которого велось уголовное преследование, в этих случаях признается невиновным»². Однако мы не разделяем точку зрения автора, поскольку считаем, что возбуждение уголовного дела при отсутствии состава преступления или самого события преступления является нарушением презумпции невиновности уже на начальном этапе. Мы убеждены, что презумпция невиновности действует на всех этапах уголовного судопроизводства, начиная с момента возбуждения дела.

Принцип презумпции невиновности требует, чтобы любое решение следователя или дознавателя, указывающее на вину человека, было подкреплено вескими доказательствами и четкими объяснениями. Это требование является первостепенным при решении о возбуждении уголовного дела, поскольку оно напрямую затрагивает права человека. Если уголовное дело было возбуждено в отношении лица и его привлекли к уголовному преследованию, тем самым затронули его конституционные права и свободы, но в конечном итоге, отсутствие доказательств его вины приводит к тому, что

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (с изм. и доп. от 03.01.2024 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 19.09.2025).

² Ермакова А.О. Реализация принципа презумпции невиновности при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по не реабилитирующим основаниям // Инновационная наука. 2019. №4. С. 134.

уголовное преследование оказывается необоснованным. Это автоматически влечет за собой реабилитацию для лица, чье дело было начато поспешно или по ошибке. В соответствии с принципом презумпции невиновности, данный человек считается невиновным. Ему будет восстановлена репутация (доброе имя), прежний социальный статус и рабочее место. Также ему полагается компенсация упущенной выгоды за период необоснованного преследования и возмещение морального вреда. Кроме того, от имени государства будут принесены извинения, а сведения о его привлечении к уголовной ответственности будут удалены из всех соответствующих реестров.

Важно отметить, что в правоохранительной практике нашей страны нередко встречаются случаи прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям. Следователь (дознатель) или другое лицо, осуществляющее уголовное преследование, при наличии соответствующих оснований, как правило, прекращает уголовное дело и больше не преследует обвиняемого, но при этом, не принимает каких-либо реабилитирующих лица решений, пока последний сам не начнет предпринимать действия в данном направлении. Хотя, исходя из содержания принципа презумпции невиновности, лицо, против которого прекращено уголовное дело, не обязано самостоятельно доказывать свою невиновность (ч.3 ст.15 УПК РФ).

В подавляющем большинстве случаев его фамилия фигурирует в перечне лиц, привлеченных к уголовной ответственности. Это оказывает деструктивное влияние на его последую-

щую профессиональную траекторию и репутационный статус, поскольку фактически приравнивает его к контингенту ранее судимых. Подобные прецеденты влекут за собой неблагоприятные последствия для субъектов, в отношении которых уголовное преследование было прекращено по реабилитирующим основаниям.

Следует отметить, что предметом научного обсуждения ученых-процессуалистов является вопрос о прекращении уголовных дел по нереабилитирующим основаниям.

Стоит подчеркнуть, что УПК РФ не разделяет четко реабилитирующие и нереабилитирующие основания, по которым может быть прекращено уголовное дело, на самостоятельные и отдельные группы. В ст. 27 УПК РФ содержится перечень обстоятельств, прекращающих уголовное производство. При этом только два из них имеют реабилитирующий характер, в то время как остальные не являются таковыми.

Нереабилитирующими основаниями для прекращения уголовного дела являются:

- истечение сроки давности (п.3 ч.1 ст.27 УПК РФ);
- принятие акта об амнистии (п.4 ч.1 ст.27 УПК РФ);
- примирение стороны (п.5 ч.1 ст.27 УПК РФ);
- смерть обвиняемого (п.6 ч.1 ст.27 УПК РФ);
- активное сотрудничество со следствием (п.7 ч.1 ст.27 УПК РФ).

Прекращение уголовного дела по данным основаниям порождает ряд нерешенных правовых коллизий, затрагивающих

принцип презумпции невиновности, и нуждается в законодательном уточнении. Ключевой момент заключается в том, что лицо, осуществляющее уголовное преследование, не обладает правом считать обвиняемого виновным. Его функция заключается лишь в том, чтобы на основе собранных доказательств подготовить обвинительное заключение или акт до начала судебного разбирательства. Если нет судебного обвинительного акта, подтверждающего эти выводы лица, то они автоматически теряют свою юридическую силу. С позиции принципа презумпции невиновности человек либо виновен, либо невиновен. Его вина не может быть частично доказана или частично не доказана. Такой подход абсолютно противоречит принципу презумпции невиновности. Иначе говоря, презумпция невиновности не даёт право признать человека частично виновным без приговора суда. Исходя из этого, это лицо признается добросовестным, ввиду чего следователь (дознатель) не вправе признавать его частично виновным. Получается, что при любом варианте прекращения уголовного дела, если нет обвинительного приговора суда, человек считается невиновным.

На эту проблему ученые обращали внимание еще во времена советского союза. Так, советский процессуалист А.П. Гуляев подмечал, что «неоднократно ставился и исследовался проблемный вопрос о действии презумпции невиновности в связи с прекращением уголовного дела по нереабилитирующим основаниям»¹. Автор полагает, что в то время были предприняты значительные шаги для разрешения этой задачи.

М.С. Строгович также «категорически отрицал возможность

¹¹ Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. М., 1981. С. 152.

признания обвиняемого виновным на стадии предварительного следствия»¹. М.С. Строгович занимает позицию, которая полностью соответствует духу и букве принципа презумпции невиновности. Как мы уже акцентировали внимание, предварительное расследование по своей сути является процессом накопления и проверки доказательств, а не моментом, когда вина человека считается установленной.

Установление виновности возможно только на итоговой стадии уголовного судопроизводства – в суде. В данном контексте не выдерживает критики позиция А.П. Гуляева, который считает, что признание виновности или невиновности лица – это прерогатива следователя. Только следователь способен доказывать виновность человека. Поэтому, если он считал лицо виновным, значит, он виновен².

А.М. Ларин и Э.Б. Мельникова акцентировали внимание на данной проблеме и выдвинули свои аргументы: «Для того чтобы принцип уголовного судопроизводства работал корректно, необходимо решить вопросы, связанные с прекращением уголовных дел по нереабилитирующим основаниям»³. Они подчеркивают значимость принципа презумпции невиновности, утверждая, что он должен быть основным и функционировать эффективно.

Г.П. Химичева выражает позицию, согласно которой принцип презумпции невиновности

не является абсолютным препятствием для прекращения уголовного преследования по основаниям, не связанным с установлением вины. Она считает, что прекращение дела по таким, нереабилитирующим, основаниям, которые не подразумевают признания обвиняемого виновным, вполне допустимо, если это решение отвечает интересам самого обвиняемого и при этом не происходит умаления принципа презумпции невиновности⁴.

Э.И. Клячко настаивает на том, что ключевая роль презумпции невиновности заключается в установлении процессуальных рамок для правоприменителей. Этические соображения, по его мнению, должны играть второстепенную роль. Он считает, что юридическое значение презумпции невиновности имеет первостепенную важность, поскольку именно оно определяет конкретные процессуальные действия⁵.

Когда уголовное преследование прекращается по основаниям, которые не предполагают полной реабилитации (например, в связи с истечением сроков давности или примирением сторон), следователь (дознатель) выносит постановление, в котором констатируется вина лица в совершении инкриминируемого деяния. Дело прекращается по соответствующим, но не реабилитирующим, основаниям. Важно, что в этом случае лицо не получает реабилитационных мер и остается в информационных системах следственных ор-

ганов как лицо, которое привлекалось к уголовной ответственности.

Таким образом, с целью обеспечения надлежащего применения и реализации принципа презумпции невиновности при прекращении уголовных дел по реабилитирующим и нереабилитирующим основаниям, выдвигаются следующие предложения:

- лица, в отношении которых уголовное преследование прекращается по реабилитирующим основаниям, должны быть официально оправданы решением суда, а их сведения – исключены из всех реестров лиц, вовлеченных в уголовное преследование;

- в УПК РФ следует имплементировать нормы, четко разграничивающие реабилитирующие и нереабилитирующие основания для прекращения уголовного дела;

- лицам, чьи уголовные дела прекращены по нереабилитирующим основаниям, необходимо гарантировать право на оспаривание своей невиновности;

- бремя доказывания вины возлагается на государство, а не на обвиняемого. Лицо, привлеченное к уголовной ответственности, не несет обязанности доказывать свою невиновность;

- недоказанность виновности является основанием для прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям.

Библиографический список

1. Конституция Республики Таджикистан (в редакции референдума от 26.09.1999г., от 22.06.2003 г., от 22.05.2016г.)

¹ Строгович М.С. Избранные труды: в 3 т. М.: Наука, 1991. Т. 3: Теория судебных доказательств. С. 73.

² См.: Гуляев А.П. Указ. раб. С. 154.

³ Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. М., 2014. С. 128.

⁴ Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. М.: Экзамен, 2003. С.12.

⁵ Клячко Э.И. О правовом содержании презумпции невиновности // Государство и право. 1994. № 2. С. 90

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. (с изм. и доп. от 03.01.2024 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 19.09.2025 г.)
3. Виницкий Л.В., Кубрикова М.Е. Некоторые вопросы принципа презумпции невиновности в практике Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://smo.vkks.ru/publication/8770/> (дата обращения: 19.09.2025 г.)
4. Гуляев А.П. Следователь в уголовном процессе. - М., 1981. - 192 с.
5. Ермакова А.О. Реализация принципа презумпции невиновности при прекращении уголовного дела (уголовного преследования) по не реабилитирующим основаниям //Иновационная наука. – 2019. - №4 - С.130-134.
6. Клячко Э.И. О правовом содержании презумпции невиновности // Государство и право. - 1994. - № 2. - С. 90–97.
7. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. - М., 2014. – 314 с.
8. Строгович М.С. Избранные труды: в 3 т. - М.: Наука, 1991. - Т. 3: Теория судебных доказательств. - 300 с.
9. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности: монография. - М.: Экзамен, 2003. - 352 с.

THE ROLE OF THE PRINCIPLE OF PRESUMPTION OF INNOCENCE IN PROTECTING THE RIGHTS OF INDIVIDUALS WHOSE CRIMINAL CASES HAVE BEEN DISCONNECTED ON REHABILITATING AND NON-REHABILITATING GROUNDS

Urfonzoda Donishmand Sadonsho

Senior Lecturer, Department of Administrative Law and Administrative Activity, Faculty № 2,
Police Major lieutenant colonel
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan
734024, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Mastonqulov Str., 3
tel.: 101040496, e-mail: sadonschoev.donisch@yandex.ru

This article analyzes the role of the principle of presumption of innocence in protecting the rights of individuals whose criminal cases have been dismissed on rehabilitative and non-rehabilitative grounds. Particular attention is paid to examining the provisions of the presumption of innocence to ensure their compliance with the procedure for terminating criminal cases on rehabilitative and non-rehabilitative grounds, as well as respect for the constitutional rights of those whose cases are terminated. The author formulates proposals for resolving the identified problems related to the application of the presumption of innocence when terminating criminal cases on rehabilitative and non-rehabilitative grounds.

Keywords: *presumption of innocence, rehabilitation, non-rehabilitative grounds, proof, confession, termination of criminal cases, burden of proof.*

НАҚШИ ПРИНЦИПИ ЭҶТИМОЛИЯТИ БЕГУНОҶӢ ДАР ҶИМОЯИ ҲУҚУҚҶОИ ШАХСОНЕ, КИ ПАРВАНДАИ ЧИНОЯТӢ НИСБАТАШОН БО АСОСҶОИ САФЕДКУНӢ ВА АСОСҶОИ ҒАЙРИСАФЕДКУНӢ ҚАТӢ ҚАРДА ШУДААСТ

Урфонзода Донишманд Садоншо

муаллими калони кафедраи ҳуқуқи маъмури ва ғайриқонунӣ маъмурии факултети №2,
подполковники милитсия
Академияи Вазорати корҳои дохилии Ҷумҳурии Тоҷикистон
734024, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. Мастонгулов, 3
тел.: 101040496, e-mail: sadonschoev.donisch@yandex.ru

Дар мақола нақши принципи эҷтимолияти бегуноҳӣ дар заминаи ҷимояи ҳуқуқҳои шахсоне, ки нисбати онҳо парвандаи ҷиноятӣ бо асосҳои сафедкунӣ ва ғайрисафедкунӣ қатъ карда шудааст, таҳлил карда мешавад. Ба омӯзиши муқаррароти принципи эҷтимолияти бегуноҳӣ бо мақсади таъмини риояи онҳо ба

тартиби қатъи парвандаи ҷиноятӣ аз рӯи асосҳои сафедкунӣ ва ғайрисафедкунӣ, инчунин риояи ҳуқуқҳои конституционии шахсоне, ки нисбати онҳо парванда бо асосҳои номбурда қатъ карда шудааст, диққати махсус дода мешавад. Муаллиф оид ба ҳалли мушкилотҳои муайяншуда вобаста ба татбиқи принсипи эҳтимолияти бегуноҳӣ ҳангоми қатъ гардидани парвандаи ҷиноятӣ бо асосҳои пешбинишуда таклифҳо пешниҳод менамояд.

Калидважаҳо: *эҳтимолити бегуноҳӣ, сафедкунӣ, ғайрисафедкунӣ моҳият, исботкунӣ, эътирофномаӣ, қатъ кардани парвандаи ҷиноятӣ, вазнинии исботкунӣ, тартиб.*

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Кармишев Рахмон Зафарович

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, 30
Тел.: (+992) 900145555, e-mail: rahmonjon_1990@mail.ru

В статье рассматриваются теоретико-правовые и практические аспекты расследования коррупционных преступлений. Анализируются особенности квалификации коррупционных деяний, специфика доказывания, а также процессуальные сложности, возникающие в ходе предварительного расследования. Особое внимание уделено проблемам взаимодействия правоохранительных органов, вопросам обеспечения доказательственной базы и применения современных методов оперативно-розыскной деятельности. Представлены предложения по совершенствованию методики расследования.

Ключевые слова: *коррупция, расследование, преступления, закон, практика, сотрудничество, противодействие коррупции.*

Коррупционные преступления представляют собой серьезную угрозу для функционирования государственных институтов и подрывают доверие общества к власти, его авторитет, наносит ущерб экономике страны, подрывает моральные устои. Эффективное расследование таких преступлений требует не только глубоких теоретических знаний, но и практического опыта, а также учета специфики каждого случая для эффективного расследова-

ния и производства всех необходимых процессуальных действий. Данный вид преступлений представляет собой общественно опасные деяния, выражающиеся в противоправном получении служащими различных преимуществ. В связи с этим выработка специальных методов в борьбе с коррупцией, проведение расследования преступлений коррупционной направленности необходимо тщательно организовывать все проверочные мероприятия для усиления борьбы с коррупцией, для своевременного выявления и пресечения корыстных злоупотреблений полномочиями государственными и муниципальными служащими.

Само понятие «Коррупция» имеет древние корни и упоминается еще в «Законах XII таблиц» как взяточничество, подкуп судей или изменение показаний за деньги, сегодня в современном законодательстве свое отражение в уголовном законе оно имеет следующим образом: злоупотребление служебным положением (статьи 285 Уголовного ко-

декса Российской Федерации, далее - УК РФ), превышение должностных полномочий (статья 286 УК РФ), дача взятки (статья 291 УК РФ), получение взятки (статья 290 УК РФ), посредничество во взяточничестве (статья 291.1 УК РФ), служебный подлог (статья 292 УК РФ), злоупотребление полномочиями (статья 201 УК РФ), коммерческий подкуп (статья 204 УК РФ)¹ и иное... субъектный состав, способ совершения и сфера деятельности, является критериями для классификации подобного вида преступлений. Криминалистическая характеристика охватывает анализ различных способов совершения преступлений, личность самого преступника, его мотив, цель². При расследовании должное внимание необходимо уделить использованию судебного положения и сокрытию преступления.

Различные авторы предлагают разработать для применения специальные методики для различных сфер деятельности, таких, например, как: здравоохранение или же образования, на

© Кармишев Р.З., 2025

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.12.2024)

² Муратшина С.Н. Криминалистическая характеристика расследования коррупционных преступлений // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2015. № 5. С. 119 – 122.

ряду с этим рассматривается и эффективность расследования как тема бурных дискуссий. Сложность доказывания вины, подготовка следователей и внешние факторы являются актуальной проблемой сегодняшнего дня. Рассматривая этапы расследования коррупционных преступлений, можно выделить ряд этапов:

- Предварительная проверка информации;
- Возбуждение уголовного дела;
- Сбор доказательств;
- Проведение следственных действий;
- Передача дела в суд³;

Применение специальных методик является ключом для разрешения каждого из этих этапов. Методика и тактика включают в себя:

- Оперативно-розыскные мероприятия;
- Анализ финансовых документов;
- Проведение допросов;

что направляет на успешное раскрытие коррупционных преступлений. Также следует учитывать психологические аспекты поведения подозреваемых, необходимо использовать методы криминалистической психологии. Подобный учет специфики каждого случая поможет для эффективного совершенствования методик и поможет в успешном противодействии коррупции.

Сущность особенности расследования заключается в специфике объекта, субъекта и способу совершения, например, сложность выявления и доказывания, имея зачастую латентный, скрытый характер, весьма редко подобный вид преступлений ре-

ализуется в открытом виде, с очевидными жертвами и последствиями их совершения, что весьма затрудняет расследования и раскрытие, поскольку оба участника преступления заинтересованы в сокрытии преступления, дабы избежать последствий совершенных действий⁴. Договорной элемент реализуется устным путем, и анонимно, что усложняет процесс доказывания и не дает уверенных прямых доказательств, что приводит к косвенности методов, на помощь в данном случае можно прибегнуть к свидетельским показаниям, анализу активов, аудио или видеозаписям либо к перепискам.

Рассматривая особенности субъекта коррупционных преступлений необходимо выделить следующие особенности; зачастую коррупционные преступления совершают, должностные, уполномоченные лица, наделенные властными полномочиями. К которым могут относиться к государственным служащим, сотрудникам правоохранительных органов, депутатам, руководителям предприятий, подразделений, и иным лицам. Порой субъекты коррупционных преступлений имеют иммунитет, что существенно усложняет процесс раскрытия преступления и требует особенного подхода. В связи с чем необходимо межведомственное взаимодействие, а именно, оперативным сотрудникам необходимо тесно взаимодействовать с специалистами сферы экономики, бухгалтерии, ИТ, финансового мониторинга, финансовой разведки, налоговыми службами, то есть сотрудниками органов финансового контроля, и антикоррупционными структурами. Без должного взаимодействия или не предоставлении

всех необходимых взаимных действий между органами следствия, прокуратуры, различными ведомствами, расследование и раскрытие подобного вида преступлений может затянуться на долгое время, или в худшем случае, может быть, не раскрыто вовсе. Действия могут нести за собой как негласные мероприятия, так методы специфического характера, эксперименты, в рамках дозволенного законодательствам. Практический опыт выделяет ряд мероприятий для эффективного раскрытия данного вида преступлений, таких как:

- Наружное наблюдение;
- Контроль за переговорами;
- Проверка закупки;

Совместная работа с вовлечением ведомств может существенно повысить раскрываемость, установления движения денежных средств, финансовых потоков и имущественная связь играет большую роль в доказательствах экономического характера, различные экспертизы, а именно, бухгалтерская, финансово-экономическая, почерковедческая и иные позволит повысить эффективность и сократить возможное время расследования.

На ряду с упомянутым, следует подчеркнуть и проблематику темы, которая заключается в возможном вовлечении правоохранителей в коррупционные преступления, политическое давление, сложность финансовых схем и трансграничные переводы, могут затягивать время расследования, в связи с привлечением к сотрудничеству и иные государства, что повышает аналитическую работу и увеличивает массив данных, зачастую с необходимостью перевода и изу-

³ Уголовное судопроизводство Республики Таджикистан: учебник / под ред. Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова, Р.Р. Юлдошева. Душанбе: «ТАДЖ-ПРИНТ», 2017. С.494.

⁴ Ткач А. А. Особенности расследования преступлений коррупционной направленности // Вестник

науки. 2023. №5 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rassledovaniya-prestupleniy-korrupsionnoy-napravlenosti-1> (дата обращения: 15.04.2025).

чения норм иного законодательства и использовании международных стандартов.

Для разрешения подобных коллизий требуется особая прозрачность, участие независимых структур, зачастую участие СМИ, и контроля органами прокуратуры. Общественный резонанс зачастую играет не маловажную роль для уделения должного внимания уполномоченными органами. Совершенствование правовых механизмов и разработка эффективных практико-ориентированных методик расследования полагаясь на особенности специфики коррупционных преступлений, повышение квалификации кадров при помощи обучающих тренингов и не допущение влияния коррупционных связей на ход расследования существенно поможет в разрешениях подобных вопросов.

В России основным нормативным актом, регулирующим борьбу с коррупцией, является Федеральный закон № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»⁵. Антикоррупционная политика включает национальные планы противодействия коррупции, утверждаемые указами Президента Российской Федерации,

и деятельность специализированных органов, таких как Следственный комитет и Генеральная прокуратура. Проводя сравнительный анализ можно выделить в Республике Таджикистан, борьба с коррупцией регулируется Законом «О борьбе с коррупцией»⁶, а также Уголовным кодексом Республики Таджикистан⁷, предусматривающий ответственность за взяточничество, злоупотребление служебным положением и другие коррупционные преступления. Специализированным органом по борьбе с коррупцией является Агентство по государственному финансовому контролю и борьбе с коррупцией Республики Таджикистан, созданное для координации антикоррупционной деятельности и проведения расследований.

В заключение необходимо отметить, что преступления коррупционного характера являются актуальными с древних времен и по наши дни, расследование коррупционных преступлений представляют собой сложные и приоритетные задачи правоохранительных органов. Эти преступления наносят значительный ущерб экономике государства, и доверию общества к государственным институтам.

В исследовании выявлены особенности расследования коррупционных деяний, связанные с их латентностью, вовлечением должностных лиц и использованием сложных схем сокрытия следов преступления. Теоретические аспекты показывают, что эффективная борьба с коррупцией невозможна без комплексного подхода, совершенствования законодательства, усиления межведомственного взаимодействия. Практика расследования указывает на необходимость использования современных методов ОРД, цифровой криминалистики, международного сотрудничества, особенно в делах, связанных с транснациональной коррупцией. Исходя из вышесказанного, успешное противодействие коррупционным преступлениям требует постоянного развития следственной практики, адаптации к новым вызовам и угрозам, гармонизации законодательства, и повышения профессиональной подготовки сотрудников, занимающихся расследованием данных видов правонарушений. Только при условии системной работы на всех уровнях можно добиться результатов в борьбе с коррупцией.

Библиографический список

1. Закон Республики Таджикистан «О борьбе с коррупцией» (в редакции Закона РТ от 30.07.2007г.№296, от 6.10.2008г.№419, от 26.12.2011г.№772, от 14.03.2014г. №1073, от 24.02.2017г.№1385, от 24.02.2017г.№1386, от 30.05.2017г.№1440). – Душанбе: Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. [сайт]. URL: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/constitution/>. (дата обращения: 24.04.2024).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.12.2024 г.)
3. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024 г.)

⁵ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 08.08.2024). Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 11.04.2025)

⁶ Закон Республики Таджикистан «О борьбе с коррупцией» (в редакции Закона РТ от 30.07.2007г.№296, от 6.10.2008г.№419, от 26.12.2011г.№772, от 14.03.2014г.

№1073, от 24.02.2017г.№1385, от 24.02.2017г.№1386, от 30.05.2017г.№1440). Душанбе: Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. [сайт]. URL: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/constitution/>. (дата обращения: 24.04.2024).

⁷ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.06.2024 г.)

4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 08.08.2024). – Электронный ресурс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 11.04.2025)
5. Ткач А. А. Особенности расследования преступлений коррупционной направленности // Вестник науки. 2023. №5 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-rassledovaniya-prestupleniy-korrupsionnoy-napravlenosti-1> (дата обращения: 15.04.2025) С. 323- 328.
6. Муратшина С.Н. Криминалистическая характеристика расследования коррупционных преступлений // Международный научный журнал «инновационная наука». 2015. № 5. С. 119 – 122.
7. Уголовное судопроизводство Республики Таджикистан: учебник / под ред. Н.С. Мановой, Ю.В. Францифорова, Р.Р. Юлдошева. – Душанбе: «ТАДЖПРИНТ», 2017. – 494 с.

FEATURES OF INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES: THEORY AND PRACTICE

Karmishev Rakhmon Zafarovich

Lecturer Department of Criminal Process and Criminalistics
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursun-zade st., 30
tel.: (+992) 900145555, e-mail: rahmonjon_1990@mail.ru

Corruption crimes pose a serious threat to state institutions, the economy, and public trust. Investigating them is highly complex due to their covert nature, the involvement of officials, and the use of complex cover-up schemes. The article examines the theoretical and practical aspects of investigating corruption, the specifics of forensic characterization, the stages of investigation, the importance of special methods, inter-departmental interaction and international cooperation. A conclusion was reached regarding the need for a comprehensive approach, improved legislation, and enhanced professional training of law enforcement agencies to effectively combat corruption.

Keywords: *corruption, investigation, crimes, law, practice, cooperation, anti-corruption.*

ХУСУСИЯТҲОИ ТАФТИШИ ҶИНОЯТҲОИ КОРРУПСИОНӢ: НАЗАРИЯ ВА АМАЛИЯ

Кармишев Рахмон Зафарович

Муаллими кафедраи муруфияи ҷиноятӣ ва криминалистӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, к. М. Турсунзада, 30.
тел.: (+992) 900145555, e-mail: rahmonjon_1990@mail.ru

Ҷиноятҳои коррупсионӣ ба институтҳои давлатӣ, иқтисодиёт ва эътимоди ҷомеа хатари ҷиддӣ эҷод менамоянд. Тафтишоти онҳо бо мураккабии баланд фарқ мекунад, ки ин бо хусусияти пинҳонӣ, иштироки шахсони мансабдор ва истифодаи схемаҳои мураккаби пинҳон қардани ҷиноят вобаста мебошад. Дар мақола ҷанбаҳои назариявӣ ва амалии тафтишоти кирдорҳои коррупсионӣ, хусусиятҳои тавсифи криминалистӣ, марҳилаҳои тафтишот, аҳамияти методикаҳои махсус, ҳамкориҳои байнидоравӣ ва ҳамкориҳои байналмилалӣ баррасӣ мешаванд. Ба ҳулоса омада шудааст, ки барои муқовимати самаранок ба коррупсия зарурати истифодаи муносибати комплексӣ, такмили қонунгузорӣ ва баланд бардоштани сатҳи омодагии касбии мақомоти ҳифзи ҳуқуқ вучуд дорад.

Калидвожаҳо: *коррупсия, тафтишот, ҷиноятҳо, қонун, амалия, ҳамкорӣ, муқовимат ба коррупсия.*

УДК 343.13

О НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Тохирзода Олимажон Тохир

кандидат юридических наук,
начальник кафедры уголовного процесса факультета № 2
Академия МВД Республики Таджикистан
734024, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Мاستонгулов 3
тел.: (+992) 93 992 57 58, e-mail: tohirzoda@yandex.ru

В статье рассматривается перспектива интеграции института мировой юстиции в современную систему уголовного судопроизводства Республики Таджикистан с целью быстрого и эффективного достижения восстановительного правосудия. Проводится анализ потенциальных преимуществ указанной реформы, включая оптимизацию процессуальных процедур, снижение нагрузки на суды общей юрисдикции, улучшение доступности правосудия для граждан и повышение эффективности судебной системы в целом. В этой связи, обосновывается вывод о целесообразности создания института мировых судей как эффективного механизма досудебного и судебного разрешения дел, не представляющих большой общественной опасности. С целью развития судебно-правовой системы Республики Таджикистан предлагаются разработка новой нормативно-правовой базы, подготовка квалифицированных специалистов и создание институциональных механизмов, направленных на научное осмысление перспектив внедрения мировой юстиции в уголовный процесс, что в конечном результате должно способствовать формированию справедливого, гуманного и миролюбивого правосудия.

Ключевые слова: *мировая юстиция, мировой судья; концепция правовой политики, судебно-правовая реформа, справедливость, гуманизм.*

Современное развитие правовых систем требует постоянной оптимизации механизмов отправления правосудия, особенно в свете политических и социально-правовых реформ, происходящих на постсоветском пространстве. В этой связи, проводимые судебно-правовые реформы, начатые в 2007 году после стабилизации

общественно-политической ситуации в молодой и независимой Республике Таджикистан переживает этап создания эффективной и доступной системы правосудия. Одним из важных направлений такой реформы можно считать процесс преобразования уголовно-правовой политики государства, ориентированной на минимизацию судебной нагрузки и развитие мировой юстиции в уголовном судопроизводстве.

С одной стороны подобная закономерность связано с принятием в ноябре 1994 года первой Конституции Республики Таджикистан, в нормах которой права и свободы личности признаются высшей социальной ценностью, а правосудие основывается на принципе состязательности и равенства сторон. С другой стороны, концепция верховенства права и

общепризнанные гуманистические ценности повлияли и продолжают оказывать влияние на национальную правовую систему страны, обусловленные ответственностью таджикского государства перед мировым сообществом путем взятых на себя международных обязательств.

Кроме того, тенденция глобализации права с акцентом на усиление принципов гуманизма, справедливости, гарантий и прав участников уголовного процесса, рациональности правосудия и создание современной ее модели, децентрализация судебной деятельности, также составляют основную сущность и предназначение Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы, утвержденной Указом Президиума

дента Республики Таджикистан от 06 февраля 2018 года № 1005.

Более того, содержание п. 57 абз. 4 документа четко регламентирует, что, несмотря на приоритетное признание правового статуса потерпевшего и подозреваемого, механизмы их реализации в уголовном процессе остаются недостаточно урегулированными и это препятствует достижению ключевой цели судопроизводства – обеспечению справедливости, баланса интересов государства и личности, признанию достоинства последнего. По этой причине справедливость должна быть направлена не столько на уголовное наказание, сколько на воспитание и восстановление. Для этого необходимо внедрение специальных программ, направленных на развитие восстановительного правосудия, в т.ч. следует активно проводить встречи между потерпевшим и подозреваемым для их примирения, возмещения ущерба потерпевшему, применения альтернатив лишению свободы другими видами наказания и иные стимулирующие меры реагирования для поддержки и содействия уголовному судопроизводству.

Следовательно, избранный правовой курс в сфере уголовной и уголовно-процессуальной политики предполагает отказ от репрессивного «карательного» правосудия в пользу расширения состязательных начал и мировой юстиции. Такой подход создает благоприятные предпосылки для быстрого разрешения правового спора, основанные на добровольной и дискреционной

началах, предоставляя возможность сторонам достичь согласия путем примирения, что способствует реализации концепции социальной справедливости и эффективной имплементации потенциала восстановительного правосудия⁸.

При этом, заметим, что действующий уголовно-процессуальный закон Республики Таджикистан 2009 г. принятый в ходе первой проводимой судебной реформы столкнулся с нелегким, и даже противоречивым этапом своего развития. Обусловлено это отчасти с переходом от традиционной обвинительной формы уголовного судопроизводства к состязательному типу процесса, столь характерное для демократических стран. Государство, стремясь развивать главным образом состязательность судебного процесса, тем самым пытается усилить влияние верховенства закона, защиту прав и свобод граждан, доступность правосудия, приближая ее широкому слою населения, способствуя его интеграцию международным стандартам и глобальной уголовно-правовой системе. В какой-то степени таджикскому государству это удалось, отчасти в уголовный процесс введен институт частного обвинения, который не без некоторых теоретико-правовых и практических проблем, все же выступает в качестве действенной платформы по реализации прав и интересов граждан посредством упрощенного доступа к правосудию и разрешению уголовного спора преимущественно путем примирения конфликтующих сторон. Вместе с тем, функционирование

данного самостоятельного правового института в связи с минимальным количеством уголовных дел (всего три состава преступления) рассматриваемых в рамках его производства и фрагментарного нормативного регулирования для проведения полноценного мирового судопроизводства, основанных на демократических и гуманистических идеях явно недостаточны.

В этой связи, следует признать, что в отечественном уголовном процессе в настоящее время отсутствует специализированное низовое звено судебной системы, предназначенное для оперативного, доступного и восстановительно-ориентированного рассмотрения уголовных дел небольшой и средней степени тяжести. Районные и городские суды, совмещая рассмотрение подобных дел с более сложными по содержанию уголовными и гражданскими процессами, сталкиваются с избыточной нагрузкой организационного и процессуального характера, что ведет к нарушению прав лиц и сроках разбирательства, качестве выносимых судебных решений и доверии граждан к правосудию. Отсутствие эффективных механизмов досудебного урегулирования таких категорий дел также является одним из основных причин больших нагрузок на судей, которые отрицательно влияют на процесс быстрого и цивилизованного разрешения правового

⁸ Тохирзода О.Т. Особенности производства по уголовным делам частного обвинения в уголовном

судопроизводстве (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации): Монография. Душанбе: «Ирфон», 2025. С. 4.

спора между сторонами конфликта⁹.

Таким образом, отсутствие институциональной модели мировой юстиции в уголовном судопроизводстве привело к тому, что функции низшего уровня правосудия фактически выполняют суды общей юрисдикции без разграничения их процессуальных и организационных полномочий. Хотя, как показывает передовой зарубежный опыт институт мировой юстиции, несомненно повышает доступность правосудия, разгружает вышестоящие суды, укрепляет доверие граждан к суду, способствует достижению цели и задач уголовного процесса путем внедрения примирительных и медиативных практик.

Следует отметить, что создание подобного правового института также соответствует международным стандартам, в т.ч. предписаниям Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и Основных принципов независимости судебных органов от 29 ноября 1985 г. В этих документах предусмотрены гарантии лиц на эффективное восстановление их нарушенных прав путем справедливого судебного разбирательства и без его неоправданной задержки, гарантирование в разумный срок доступности, оперативности и прозрачности процедуры при осуществлении правосудия и т.д.

В этой связи, очевидно назрела объективная необхо-

димость к упрощению и гармонизации уголовного процесса посредством реформирования структуры судебной власти и внедрения нового специализированного звена – мировых судей – как эффективного инструмента по обеспечению быстрого и гуманного правосудия. Прерогатива мировой юстиции состоит в том, что оно создает пространство для поиска справедливости, образует мост между виной и примирением, находит пути консенсуса ведущим от компромисса к правовой стабильности. Мировая юстиция – это точка разумного равновесия, искусство деэскалации конфликта и обоюдного достижения согласия сторон без тяжелых процессуальных барьеров, преодоление дефицита юридической помощи населению, где мировые судьи как неотъемлемая часть судебной системы представляются в большей степени «примирителями», нежели «осуждающими» государственными чиновниками. Это уникальный стиль организации судебной власти, сочетающий принципы профессионализма, территориальной близости к населению, нахождение альтернативных путей разрешения правового спора с освобождением от обязательного назначения уголовного наказания¹⁰.

Следует отметить, что этот феномен ранее доказала свою историческую состоятельность и может вновь повысить степень эффективности упрощенного судопроизводства. Подобная модель широко применяется в странах с развитой системой разделения судов по

уровню и юрисдикции (Великобритания, Канада, США, Россия) и их преимущества в основном заключается в снижении процессуальной нагрузки на суды общей юрисдикции; сокращении сроков рассмотрения дел; повышении доступности правосудия в социально уязвимых регионах; развитие правовой культуры населения и т.д.

Перспектива комплексного внедрения феномена мировой юстиции в таджикский уголовный процесс и признание ее на официальном уровне представляется целесообразным решением по введению самостоятельного института мировых судей на базе создания отдельных территориально-административных участков в составе городов и районов Республики Таджикистан, с делегированием им дел о деяниях, наказание за которые не превышает трёх лет лишения свободы. Мировым судьям могут быть возложены рассмотрение всех категорий уголовных дел частного и частно-публичного обвинения, некоторых гражданских дел, административных правонарушений, дел о семейно-бытовом насилии, примирении сторон, в т.ч. путем медиативных процедур. Также на них можно возложить контрольные функции там, где под угрозу ставятся свободы и права человека, тем самым они могут стать частью системы сдержек и противовесов, где почетная роль отведена правосудию, способное устранить конфликты и примирять законность с целесообразностью в каждом конкретном случае. В

⁹ Тохирзода О.Т. Институт частного обвинения в механизме имплементации конституционных и уголовно-процессуальных гарантий // Труды академии МВД Республики Таджикистан. 2025. № 1 (65). С. 129.

¹⁰ Тохирзода О.Т. Производство уголовным делам частного обвинения (по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2023. С. 67.

этих целях для реализации данной модели в первую очередь необходимо принятие базового закона «О мировых судьях в Республике Таджикистан»; внесение изменений и дополнений в отдельные нормы уголовно-процессуального законодательства и другие соответствующие нормативно-правовые акты Республики Таджикистан, регламентирующие организационную структуру и деятельность судей, подготовка и обучение ряда судей, формирование кадрового резерва и др.

На первоначальном этапе последовательное внедрение указанного феномена предлагается провести в городах и районах Душанбе, Хорога, Худжанда, Пенджикента, Бохтара, Куляба, Рапта, Гиссара, Вахдата, Рудаки и Турсунзаде. Выбор перечисленных агломераций обусловлены исходя из их повышенной криминогенной ситуации, большим количеством жителей и пребывающих там людей, избыточной нагрузки судов общей юрисдикции и иными факторами.

Следовательно, мировая юстиция способна стать действенным инструментом по модернизации уголовного судопроизводства Республики Таджикистан. Она позволит максимально приблизить правосудие к населению, обеспечить реализацию принципов справедливости и снизить социальную напряженность в обществе. Суд над человеком, мягко говоря, принципиально должен быть заменен именно судом для человека. Однако, создание такого института требует не только политической воли, но и комплексного нормативного и финансово-управленческого решения (действия).

На основании этого, полагаем, что намеченные цели

стратегических программ Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг. и проводимой судебно-правовой реформы, могут считаться достигнутыми в том случае, если планомерно и методологически правильно разрешатся следующие задачи:

- функционирование суда в соответствии с его истинным предназначением и потенциалом, что позволит превратить юстицию из «карательной» в правозащитную сферу;

- стереотипная идеология правоохранительной системы будет исключена, а законодатель в свою очередь обеспечит эффективную защиту фундаментальных прав и свобод граждан;

- судебная власть станет реально независимой, беспристрастной и влиятельной силой в гражданском обществе и государственном аппарате;

- юстиция получит превосходство над административными структурами, а роль суда в правоохранительной деятельности повысится;

- обеспечена доступность, прозрачность и достоверность информации о деятельности правоохранительных и судебных органов;

- создание института профессиональных мировых судей, которые на постоянной основе работая на закрепленных участках, таким образом будут максимально приближены к населению и др.

Соответственно, мировая юстиция способствует актуализации научных представлений, связанных с дифференциацией уголовного процесса, которая обладает значительным потенциалом для оптимизации рационального баланса между частными и публичными интересами, повышения эффективности превентивного воздействия на правонарушителей и

восстановления социальной справедливости. Вопрос возрождения и развития мировой юстиции в настоящее время вызван не только потребностями уголовного процесса, но и необходимостью интеграции национальной правовой системы в архитектуру всеобщего миропорядка.

В контексте демократических преобразований и становления правового государства возможности реализации международных стандартов в таджикское национальное законодательство посредством внедрения мировой юстиции как ключевого элемента уголовно-правовой системы является рациональным и гуманным подходом.

Вместе с тем гармоничному переходу и перестройке судебной системы, предшествуют взвешенные решения и комплексные исследования, с учетом современных воззрений уголовно-процессуальной науки, критического анализа правоприменительной практики и выявления перспективных направлений для совершенствования мировой юстиции. Вышеуказанные обстоятельства, а также их научно-практическое значение вызывают необходимость их всестороннего доктринального исследования.

Следует отметить, что отдельные проблемы феномена мировой юстиции также рассматривалась ранее некоторыми таджикскими учёными в лице Н. Абдуллоева и М.Х.

Саъдиева¹¹, З.Х. Искандарова¹², Х.М. Мирзамонзода¹³, Р.Р. Рахмаджонзода¹⁴ и др., которые в определенной степени положительно высказывают идею относительно развития вышеуказанного явления в таджикском уголовном процессе.

Вместе с тем, институционального исследования комплекса вопросов и актуальных проблем, которые затрагивали бы функционирование мировой юстиции в уголовном судопроизводстве в период независимости Республики Таджикистан на монографическом уровне не проводилось.

На основании изложенного, полагаем, что для четкого осмысления преимуществ и недостатков мировой юстиции необходимо, прежде всего:

– провести комплексный теоретико-правовой анализ генезиса, современного состояния и перспектив развития мировой юстиции;

– выявить проблемы функционирования данного института и определить пути их решения, в т.ч. путем выработки

авторской концептуальной модели механизма реализации функции мировой юстиции;

– формулировать предложения по совершенствованию отдельных положений таджикского уголовно-процессуального закона;

– принять новые нормативно-правовые акты (например базовый закон «О мировых судьях в Республике Таджикистан») и внедрить в уголовный процесс новые правовые институты (институты мировых судей, медиации и т.п.), а также оптимизировать стратегические программы и практики их применения;

– изучить научные взгляды и идеи ученых, теоретические положения и подходы к пониманию квинтэссенции мировой юстиции, нормативно-правовые документы, регламентирующие организацию и деятельность судей при отправлении восстановительного правосудия, а также материалы судебной и иной правоприменительной практики и т.д.

Таким образом, мировая юстиция по своей правовой природе и функциональному назначению, может заложить на постоянной основе миролюбивый фундамент для модернизации концепций справедливости, состязательности и гуманизма как особого механизма имплементации конституционных гарантий по защите прав и интересов личности. Это возможно в контексте нахождения взаимного социального компромисса и мирового, восстановительного правосудия формирующие аксиологическое основание исследования мировой юстиции в системе уголовного процесса. Наряду с этим необходимо рассматривать перспективы по созданию и внедрению нового института мировых судей, что, как представляется, потребует значительной перестройки и оптимизации национальной правовой системы в целом, а также уголовного судопроизводства и судоустройства в частности.

Библиографический список

1. Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2007-2010 гг.: указ Президента Республики Таджикистан от 23 июня 2007 г. № 271 // ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».
2. Конституция Республики Таджикистан от 06 ноября 1994 года с изменениями и дополнениями от 26 сентября 1999 г., 22 июня 2003 г. и 22 мая 2016 г. (на тадж. и русс. языках). Душанбе: «Гандж», 2016. – 136 с.
3. Концепция правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 годы: Указ Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 г. № 1005 // Единый государственный Реестр нормативных правовых актов Республики Таджикистан. 2018. № 2.
4. Всеобщая декларация прав человека от 10 дек. 1948 г. // Права человека: сб. междунар. док. – М.: Юрид. лит., 1998. – 608 с.

¹¹ Абдуллоев Н., Саъдиев М.Х. Судебные органы Таджикистана на пути совершенствования и реформ. Душанбе: ЭР-граф, 2004. С. 5.

¹² Искандаров З.Х. Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан: дис. ... д-ра юрид. наук. Ташкент, 2010. С. 4, 36.

¹³ Мирзамонзода Х.М. Конституционно-правовые основы организации и деятельности судебной власти в Таджикистане: проблемы теории, законодательной регламентации и практики: дис... д-ра юрид. наук. Душанбе, 2020. С. 21, 22.

¹⁴ Рахмаджонзода Р.Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: дис. ... д-ра. юрид. наук. Т. 1. Душанбе, 2022. С. 6, 45, 167.

5. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1994. № 12.
6. Основные принципы независимости судебных органов 1985 г. (Принят и одобрен резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 года) // Режим доступа: [Электронный ресурс] https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/indep.shtml (дата обрац.24.09.25 г.).
7. Тохирзода О.Т. Особенности производства по уголовным делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве (по материалам Республики Таджикистан и Российской Федерации): Монография. – Душанбе: «Ирфон», 2025. – 240 с.
8. Тохирзода О.Т. Институт частного обвинения в механизме имплементации конституционных и уголовно-процессуальных гарантий // Труды академии МВД Республики Таджикистан. 2025. № 1 (65). – 196 с.
9. Тохирзода О.Т. Производство уголовным делам частного обвинения (по законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации): дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2023. – 208 с.
10. Абдуллоев Н., Саъдиев М.Х. Судебные органы Таджикистана на пути совершенствования и реформ. – Душанбе: ЭР-граф, 2004. – 265 с.
11. Искандаров З.Х. Правовые основы защиты прав человека в уголовном процессе Республики Таджикистан: дис. ... д-ра юрид. наук. – Ташкент, 2010. – 450 с.
12. Мирзамонзода Х.М. Конституционно-правовые основы организации и деятельности судебной власти в Таджикистане: проблемы теории, законодательной регламентации и практики: дис... д-ра юрид. наук. – Душанбе, 2020. – 381 с.
13. Рахмаджонзода Р.Р. Учение об уголовном преследовании в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан: дис. ... д-ра юрид. наук. Т. 1. – Душанбе, 2022. – 730 с.

ON THE NEED TO DEVELOP THE INSTITUTE OF WORLD JUSTICE IN CRIMINAL PROCEEDINGS REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Tohirzoda Olimjon Tohir

PhD in Law,

Head of the Department of Criminal Procedure of Faculty No. 2
Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Tajikistan
734024, Republic of Tajikistan, Dushanbe, 3 Mastongulov St.
tel.: (+992) 93 992 57 58, e-mail: otohierzoda@yandex.ru

The article examines the prospect of integrating the institute of world justice into the modern criminal justice system of the Republic of Tajikistan in order to achieve restorative justice quickly and effectively. The potential benefits of this reform are being analyzed, including optimizing procedural procedures, reducing the burden on courts of general jurisdiction, improving access to justice for citizens, and improving the efficiency of the judicial system as a whole. In this regard, the conclusion is substantiated on the expediency of creating the institute of magistrates as an effective mechanism for pre-trial and judicial resolution of cases that do not pose a great public danger. For the development of the judicial and legal system of the Republic of Tajikistan, it is proposed to develop a new regulatory framework, train qualified specialists and create institutional mechanisms aimed at scientific understanding of the prospects for the introduction of world justice in the criminal process, which ultimately should contribute to the formation of fair, humane and peaceful justice.

Keywords: *world justice, justice of the peace; concept of legal policy, judicial and legal reform, justice, humanism.*

ОИД БА ЗАРУРАТИ РУШДИ ИНСТИТУТИ АДЛИЯИ ОШТИОВАР ДАР МУРОФИАИ ЧИНОЯТИИ ЧУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН

Тоҳирзода Олимҷон Тоҳир

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ

сардори кафедраи муруфиаи чиноятии факултети № 2
Академияи ВҚД Чумҳурии Тоҷикистон
734024, Чумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, кӯчаи Мастонгулов 3
тел.: (+992) 93 992 57 58, e-mail: otohierzoda@yandex.ru

Дар мақолаи мазкур имконияти ҳамгиروي (интегратсия) институти адлияи оштиовар ба системаи муосири муурофияи ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон бо мақсади зуд ва самаранок ноил шудан ба адолати судии барқарорсозӣ баррасӣ карда мешавад. Дар он манфиатҳои эҳтимолии ин ислоҳот, аз ҷумла ҷиҳати такмил додани расмиёти муурофиявӣ, кам кардани сарбории судҳои тобеияти умумӣ, беҳтар намудани дастрасии шаҳрвандон ба адолати судӣ ва баланд бардоштани самаранокии низоми судӣ таҳлил шудааст. Дар ин раванд, таъсиси институти судяҳои оштиовар ҳамчун механизми самараноки ҳалли парвандаҳои, ки хавфнокии ҷамъиятии онҳо начандон калон мебошанд ва дар давраҳои тосудӣ ва судӣ баррасӣ мешаванд, мувофиқи мақсад аст. Барои рушди ислоҳоти судӣ-ҳуқуқии Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳия намудани заминаи нави ҳуқуқӣ, омода кардани мутахассисони соҳибихтисос ва таъсис додани механизмҳои институтсионалӣ, ки аз ҷиҳати илмӣ дарки имконияти ворид намудани адлияи оштиоварро ба муурофияи ҷиноятӣ равона менамояд ва дар натиҷа ба рушди адолатпарварӣ, инсондӯстӣ ва адолати судии сулҳҷӯёна мусоидат мекунад, пешниҳод карда мешавад.

Калидвожаҳо: *адлияи оштиовар, судяи оштиовар; консепсияи сиесати ҳуқуқӣ, ислоҳоти судӣ-ҳуқуқӣ, адолат, гуманизм.*

УДК 343.157(575.3)

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Хамроев Шухрат Садилович

доктор юридических наук, профессор,

декан юридического факультета

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

Тел.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

Автор статьи отмечает, что защита прав и свобод лица, вовлеченного в уголовно-процессуальные отношения, является одной из приоритетных направлений надзорной деятельности органов прокуратуры. В связи с этим указывается, что при обеспечении защиты прав и свобод участников уголовного процесса рассмотрение вопроса о законности выбора меры процессуального принуждения органами дознания и следствия остается наиболее актуальным. Поскольку в данном механизме, осуществляя свои полномочия как участника уголовного судопроизводства, прокурор не только реализует задачи, вытекающие из его компетенции, но и, в соответствии с законом, выполняет функции по надзору за деятельностью тех субъектов, которые проводят дознание и расследование уголовного дела. С учетом последнего в статье анализируется деятельность прокурора по выявлению нарушений закона и принятию мер по их устранению в механизме реализации мер уголовно-процессуального принуждения.

Ключевые слова: *расследование уголовного дела, меры процессуального принуждения, надзорная деятельность прокурора, обвиняемые и подозреваемые, органы дознания и следствия, акты прокурорского реагирования.*

Прокурор, в пределах своей компетенции и процессуального статуса, является участником уголовного судопроизводства. Поскольку, осуществляя свои полномочия как участника уголовного судопроизводства, прокурор не только реализует задачи, вытекающие из его компетенции, но и выполняет функции надзора за деятельностью тех субъектов, которые в целях выявления, фиксации, проверки и оценки доказательств производят

дознание и расследование уголовного дела. В этой связи важным для обеспечения законности и соблюдения прав подозреваемых и обвиняемых остается рассмотрение прокурором вопроса о законности избрания меры процессуального принуждения органами дознания и следствия. Данная функция прокурора вытекает из сущности и назначения уголовно-процессуального законодательства, которое устанавливает его право осуществлять надзорную функцию как при возбуждении уголовного дела, так и при его завершении на стадии предварительного расследования. И насколько в эти моменты действия органов уголовного преследования являются достаточно законными и обоснованными при принятии решения о мерах уголовно-процессуального принуждения в отношении подозреваемых (обвиняемых) и даже в отношении других участников уголовного судопроизводства - является предметом прокурорского надзора.

В этом контексте, чтобы определить место прокурорского

надзора в механизме реализации мер уголовно-процессуального принуждения, следует раскрыть дефиницию феномена института уголовно-процессуального принуждения. В юридической литературе до сих пор не выработан единый подход к определению понятия мер процессуального принуждения. В частности, О.П. Копылова, характеризуя понятие мер уголовно-процессуального принуждения, отмечает, что меры процессуального принуждения как вид государственного принуждения представляют собой процессуальный способ воздействия на поведение конкретного участника уголовного процесса, допустившего нарушения процессуальных обязанностей, установленных нормой уго-

ловно-процессуального законодательства.¹⁵ Процессуальная обязанность является базовым элементом статуса участников уголовного судопроизводства, обеспечивающим надлежащее исполнение возложенных на них обязанностей. К процессуальным обязанностям участников уголовного судопроизводства относятся общие – это процессуальные обязанности, которые должны выполнять все субъекты уголовного процесса при рассмотрении и разрешении уголовного дела:

- являться по вызову дознавателя, следователя, прокурора и суда;

- соблюдать порядок судебного заседания (например, при избрании меры пресечения «содержание под стражей») и проведении следственного действия;

- соблюдать (исполнять) избранную меру процессуального принуждения;

- выполнять требования и распоряжения должностных лиц и органов, ведущих производство по уголовному делу (например, не вправе препятствовать получению от него образцов для сравнительного исследования или проведению в отношении его освидетельствования)¹⁶.

Процессуальные обязанности участников уголовного судопроизводства также включают в себя специальные обязанности, то есть «собственные», которые связаны:

- с недопущением нарушений надлежащего поведения или совершением новых преступлений;

- пользоваться теми процессуальными механизмами защиты, которые установлены только законом;
- не позволят разглашать тайну следственного действия (если он был предупрежден об этом органами предварительного следствия). Нарушение указанных обязанностей, возложенных на участников уголовного процесса (в том числе уклонение от явки по вызову, сокрытие от органов дознания, невыполнение мер пресечения, невыполнение требований следствия или суда и т.д.) считается нарушением их процессуальной обязанности.

Следовательно, Б.Т. Безлепкин связывает меру уголовно-процессуального принуждения с решением и действиями должностных лиц органа уголовного преследования и суда по отношению к участникам уголовного судопроизводства в целях обеспечения процесса доказывания и с последствиями справедливого судебного разбирательства и разрешения расследуемого уголовного дела.¹⁷ По мнению А.А. Тепшеева, под мерами уголовно-процессуального принуждения следует понимать средство не только психологического, материального, но и физического воздействия органов уголовного преследования на обеспечение надлежащего поведения лиц, являющихся участниками уголовного процесса.¹⁸ А.С. Медяникова характеризует меры процессуального принуждения с точки зрения средств и методов принудительного воздействия на поведение участников досудебного и

судебного рассмотрения уголовного дела,¹⁹ что отмечает меры процессуального принуждения обладают специфические признаки. Здесь представляется достаточным употребление «обладают специфические признаки», поскольку меры процессуального принуждения применяются принудительно только в отношении лиц, участвующих в уголовном деле.

Подтверждая данный подход В.В. Мирончуковская отмечает, что меры уголовно-процессуального принуждения действительно обладает специфическими признаками. Так как это разновидность государственного принуждения, осуществление юридических норм, предписаний права (правовое принуждение), свойственные определенным процедурным формам, в которых оно должно осуществляться,²⁰ и как средство принуждения, предполагающее не только ограничение прав и свобод, но и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе²¹. Действительно, ограничение прав лиц, привлеченных к уголовной ответственности, осуществляется следователем, дознавателем, прокурором и судом при принятии ими решений о назначении принудительных мер, проведении следственных и иных процессуальных действий и т.д., что свойственны специфическим признакам процессуального принуждения.

В юридической литературе можно встретить и другие под-

¹⁵ Копылова О.П. Меры принуждения в уголовном процессе: учебное пособие. Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. С.5.

¹⁶ Устинов Д. С. Права и обязанности обвиняемого как основа формирования его уголовно-процессуального поведения (историко-правовой аспект) // Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи. Саратов, 2014. С.85.

¹⁷ Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России: учебное пособие. М.: Проспект, 2004. С.65.

¹⁸ Тепшеев А.А. Меры уголовно-процессуального принуждения // Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2019. №3. С.180.

¹⁹ Медяникова А.С. Юридическая ответственность как мера государственного принуждения // Аллея науки. 2020. Т. 1. № 3 (42). С. 659- 663.

²⁰ Мирончуковская В.В. Принуждение в праве: его специфические черты и меры // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 2. С.44,45.

²¹ Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С.12.

ходы к толкованию понятия уголовно-процессуальных мер принуждения, но из вышеизложенного можно сделать вывод, что понятие мер принуждения определяются в различных смыслах. В частности, некоторые авторы рассматривают процессуальные меры принуждения как средство превентивного воздействия на участника уголовного процесса. Другие исследователи выделяют процессуальные принудительные меры как элемент уголовной ответственности. Фактически представители третьей группы исследователей предлагают понимать уголовно-процессуальное принуждение как средство не только психологического, материального, но и физического воздействия на участника уголовного судопроизводства. В этом контексте большинство ученых исходят из того, что процессуальные принудительные меры – это разновидность уклонения от процессуальных обязанностей, которые должны выполнять все субъекты уголовного процесса при рассмотрении и разрешении уголовного дела. В этой связи вывод, который мы сделали, на наш взгляд, неоспорим, поскольку рассматриваемая тема является не только спорной, но и дискуссионной. Между тем, мы считаем, что меры уголовно-процессуального принуждения – это действия, связанные с принятием решения органами, ведущими уголовное дело, с целью обеспечения надлежащего поведения участников уголовного судопроизводства. Более того как средство воздействия, меры процессуального принуждения не носят волевого характера. То есть органы, ведущие уголовное дело, независимо от воли участников, нарушивших процессуальные обязанности, применяют меры принуждения. В этом смысле применение той

или иной формы меры процессуального принуждения продиктовано предусмотренными нормами уголовно-процессуального законодательства. Так как применение принудительных мер будет считаться обоснованным и справедливым, если они применяются по основаниям, установленным законом. В этом контексте раздел IV Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее УПК РТ)²² предусматривает меры процессуального принуждения, которые подразделяются на следующие виды:

-задержание лица (Глава 11 УПК РТ);

-меры пресечения (Глава 12 УПК РТ);

-иные меры процессуального принуждения (Глава 13 УПК РТ).

Указанные меры уголовно-процессуального применения могут отличаться от других, но при применении их для органов, ведущих уголовное дело важным остается соблюдение закона. В этом контексте законность и обоснованность решений, принимаемых органами дознания и следствия при применении мер уголовно-процессуального принуждения в ходе предварительного следствия, является одним из основных направлений прокурорского надзора.

Механизм осуществления данного направления прокурорского надзора установлено в Конституционном законе Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» (ст. 33)²³ и УПК РТ. В частности, общие полномочия прокурора как участника уголовного судопроизводства установлены в ст. 36 УПК РТ.

В этих целях, для выполнения задач, стоящих перед прокурором при осуществлении надзора,

законами ему предоставлены широкие полномочия. В частности, в зависимости от формы применения меры принуждения органами, осуществляющими уголовное преследование, прокурор обязан незамедлительно проверить законность и обоснованность ее применения. Более того прокурор должен быть извещен в течение 12 часов о каждом факте задержания (ч. 6 ст. 92 УПК РТ). Так как согласно ч. 3 ст. 92 УПК РТ, задержание гражданина не может длиться более 72 часов. В случае нарушения указанного срока прокурор принимает меры по устранению нарушения закона. Также без согласия прокурора запрещается отмена и изменение меры пресечения в виде домашнего ареста и заключения под стражу органами дознания и следствия (ч. 4 ст. 104, ч.2. 114 УПК РТ, ст. 33 Конституционного закона «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан»). Или орган, ведущий уголовное расследование, если без согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о временном освобождении от должности подозреваемого (обвиняемого) данное решение актом прокурорского надзора отменяется. Кроме того, санкционирование ареста подозреваемого или обвиняемого производится прокурором в случае наличия оснований, предусмотренных законом. При решении вопроса об аресте о заключении под стражу, домашнем аресте прокурор обязан полностью ознакомиться со всеми материалами уголовного дела, которые могут быть основанием для заключения под стражу и домашнего ареста, в необходимых случаях лично допросить подозреваемого и обвиняемого, а несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допросить лично во всех случаях. Прокурор

²² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 12. Ст. 815.

²³ Конституционный закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 г. «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан»// Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2005. №7. Ст.398.

в случаях, предусмотренных международными правовыми актами и законами, даёт санкцию на задержание иностранного гражданина и лица без гражданства (ст.33 Конституционного закона Республики Таджикистан «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан»). Однако этими примерами полномочия прокурора не исчерпывается. Так как

имеются и другие аспекты, где в механизме применения меры принуждения раскрывается вся многогранность деятельности органов прокуратуры при выявлении нарушений законности и принятии мер по их устранению.

Поэтому, полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве весьма разнообразны. И,

что самое главное, они направлены не только на разрешение целей и задач, стоящих перед уголовно-процессуальным законодательством, но на инициирование выполнения прокурором функции обеспечения защиты прав, свобод, и законных интересов субъектов, вовлеченных в уголовно-процессуальные правоотношения.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 2009. - № 12. - Ст. 815.
2. Конституционный закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 г. «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 2005. - №7. - Ст.398.
3. Безлепкии Б.Т. Уголовный процесс России: учебное пособие. – М.: Проспект, 2004. – 478 с.
4. Вершинина С.И. Нормативно-правовая сущность уголовно-процессуального принуждения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 368 с.
5. Копылова О.П. Меры принуждения в уголовном процессе: учебное пособие. – Тамбов: Изд-во ГОУ ВПО ТГТУ, 2011. – 120 с.
6. Медяникова Л.С. Юридическая ответственность как мера государственного принуждения // Аллея науки. – 2020. – Т. 1. – № 3 (42). – С. 659- 663.
7. Мирончуковская, В.В. Принуждение в праве: его специфические черты и меры // Образование. Наука. Научные кадры. – 2021. – № 2. – С.44-46.
8. Тепшеев, А.А. Меры уголовно-процессуального принуждения // Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. – 2019. – №3. – С.179-180.
9. Устинов Д. С. Права и обязанности обвиняемого как основа формирования его уголовно-процессуального поведения (историко-правовой аспект) // Материалы международной научно-практической конференции «Уголовное судопроизводство: история и современность», посвященной 150-летию Устава уголовного судопроизводства Российской империи. – Саратов, 2014. – С. 80- 85.

PROSECUTOR'S SUPERVISION IN THE MECHANISM OF IMPLEMENTATION OF MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION

Khamraev Shukhrat Sadirovich

Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law
Russian-Tajik (Slavonic) University

30 M. Tursunzade str., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan
Tel.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

The author of the article notes that the protection of the rights and freedoms of a person involved in criminal procedural relations is one of the priorities of the supervisory activities of the prosecutor's office. In this regard, it is pointed out that while ensuring the protection of the rights and freedoms of participants in the criminal process, consideration of the legality of the choice of a measure of procedural coercion by the bodies of inquiry and investigation remains the most relevant. Since in this mechanism, exercising his powers as a participant in criminal proceedings, the prosecutor not only implements the tasks arising from his competence, but also, in accordance with the law, performs the functions of overseeing the activities of those entities that conduct an inquiry and investigation of a criminal case. Taking into account the latter, the article analyzes the activities of the prosecutor in identifying violations of the law and taking measures to eliminate them in the mechanism of implementing measures of criminal procedural coercion.

Keywords: *investigation of a criminal case, measures of procedural coercion, supervisory activities of the prosecutor, accused and suspects, bodies of inquiry and investigation, acts of prosecutorial response.*

**НАЗОРАТИ ПРОКУРОРӢ ДАР МЕХАНИЗМИ ТАТБИҚИ ЧОРАҲОИ
МАҶБУРКУНИИ МУРОФИАВИИ ҶИНОЯТӢ**

Ҳамроев Шӯҳрат Садирович

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, профессор,
декани факултети ҳуқуқшиносӣ

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992 37) 223-04-20; e-mail: upk.rstu@mail.ru

Муаллифи мақола қайд мекунад, ки ҳимояи ҳуқуқ ва озодиҳои шахсе, ки ба муносибатҳои муурофиавии ҷиноятӣ ҷалб шудааст, яке аз самтҳои афзалиятноки фаъолияти назоратии мақомоти прокуратура мебошад. Дар робита ба ин, қайд карда мешавад, ки ҳангоми таъмини ҳимояи ҳуқуқ ва озодиҳои иштирокчиёни муурофиавии ҷиноятӣ баррасии қонуниятии интихоби чораи маҷбуркунии муурофиавии мақомоти таҳқиқи ва тафтишот яке аз масъалаҳои муҳим арзёби мегардад. Азбаски дар ин механизм, ҳангоми иҷрои ваколатҳои худ ҳамчун иштирокчиҳои муурофиавии ҷиноятӣ, прокурор на танҳо вазифаҳои иҷро мекунад, ки аз салоҳияти ӯ бармеоянд, балки тибқи қонун функсияҳои назоратиро нисбати фаъолияти субъектҳои, ки бо таҳқиқ ва тафтиши парвандаи ҷиноятӣ машғуланд, анҷом медиҳад. Бо назардошти охири, дар мақола фаъолияти прокурор оид ба ошкор кардани қонунвайронкунӣ ва андешидани чораҳои оид ба бартараф кардани онҳо дар механизми татбиқи чораҳои маҷбуркунии муурофиавии ҷиноятӣ мавриди таҳлил қарор дода мешавад.

Калидвожаҳо: тафтиши парвандаи ҷиноятӣ, чораҳои маҷбуркунии муурофиавӣ, фаъолияти назоратии прокурор, айбдоршавандагон ва гумонбарон, мақомоти таҳқиқ ва тафтишот, қонунвайронкунӣ, санадҳои эътиноии прокурорӣ.

УДК 343.14 (575,3)

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Холзода Алибек

преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: 935698888, e-mail: alibek_0001@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются правовые и практические аспекты использования доказательств в уголовном процессе Республики Таджикистан.

Проводится анализ соотношения понятий «любые сведения» и «фактические данные» в целях определения понятия доказательств по уголовным делам. Обосновывается цель использования доказательств по уголовным делам. Делается вывод о необходимости обоснования любых процессуальных решений относимыми, допустимыми и достоверными доказательствами.

Ключевые слова: доказательства, уголовный процесс, допустимость, оценка доказательств, УПК РТ, судебная практика, значение, государства, законность, принцип состязательность, противодействие.

В уголовном процессе доказательства обретают юридическое значение только при соблюдении установленного законом порядка их использования. В условиях правового государства использование доказательств должно соответствовать принципам состязательности, равенства сторон и законности. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) подробно регламентирует последовательность действий, связанных с использованием доказательств от момента их представления до окончательной оценки судом.

В современном обществе эффективность противодействия

преступности определяется тем, насколько успешно раскрываются преступления и насколько компетентны правоохранительные органы в установлении виновных на основе собранных доказательств. Чем тщательнее и полнее собрана доказательственная база, тем выше вероятность раскрытия преступления и привлечения виновных к справедливому наказанию. Уголовное судопроизводство играет решающую роль в процессе назначения наказания за совершенное преступление. Несомненно, оно представляет собой сложный и многогранный процесс, включающий в себя систему различных действий, регулируемых нормами уголовно-процессуального законодательства. Центральное место в этом процессе занимает анализ и оценка доказательств.

Понятие доказательств закреплено в ст. 72 УПК РТ - доказательствами по уголовному делу считаются фактические сведения, на основе которых в порядке, определенном настоящим Кодексом, суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие общественно опасного деяния, доказанности или недоказанности совершения

этого деяния и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Проанализировав вышеуказанное определение можно заметить, что оно прямо указывает на субъекты доказывания, а также на результат такой деятельности – установление фактов, имеющих значение для дела.

Четкое законодательное закрепление и расшифровка данного термина имеют важное значение - без единообразной трактовки в принципе невозможна эффективная деятельность по доказыванию. В противном случае каждый субъект доказывания по-своему трактовал бы данное понятие, либо сужая его, либо расширяя в угоду собственным интересам.

Обращаясь к грамматическому толкованию ст. 72 УПК РТ, можно заметить, что доказательствами являются сведения, устанавливающие, как наличие обстоятельств, подлежащих доказыванию (в том числе, общественно опасного деяния, виновности лица и пр.), так и их отсутствие. То есть на современном этапе собираются и признаются доказа-

тельствами сведения и обвинительного, и оправдательного характера.

По мнению И.Я. Фойницкого, понятие доказательств имеет два значения. В первых, доказательства есть средства, данные нам и служащие для того, чтобы при помощи них сделать заключение о неизвестном, искомом (например, из показания свидетеля мы приходим к заключению о причинении смерти обвиняемым). Во-вторых, понятие доказательства имеет значение самого умственного процесса, путем которого обстоятельство искомое ставится в связь с обстоятельством известным, данным, и показывается им¹.

Нормативное закрепление видов доказательств, находится в ч. 2 ст. 72 УПК. Необходимо отметить, что перечень доказательств является закрытым. Все сведения, подлежащие доказыванию, могут быть собраны и в дальнейшем использованы в процессе доказывания только в случае, если они выражены в форме одного из видов доказательств, закрепленных в статье.

Доказательствами могут считаться: - показания свидетеля; - показания потерпевшего; - показания подозреваемого; - показания обвиняемого; - показания подсудимого; - заключения и показания эксперта; - заключения и показания специалиста; - вещественные доказательства; - протоколы следственных и судебных действий; - скрытые записи; - прослушанные и зафиксированные телефонные разговоры; - электронные, видео - и аудиозаписи наблюдения; - иные документы.

Основными видами доказательств в уголовном процессе являются:

1.Словесные доказательства (свидетельские показания): Это показания свидетелей, которые могут быть очевидцами или иметь

информацию о событиях, связанных с уголовным делом. Словесные доказательства могут быть как обвинительными, так и разоблачительными.

2.Документальные доказательства: Эти доказательства представлены в виде документов, таких как контракты, финансовые отчеты, письма, записи и другие письменные материалы. Документальные доказательства могут демонстрировать связи между лицами, финансовые операции или другие важные факты.

3.Материальные (физические) доказательства: Это физические объекты или следы, которые связаны с преступлением. К ним относятся орудия преступления, следы на месте преступления, наркотики, оружие и другие материальные доказательства.

4.Электронные и цифровые доказательства: Сюда входят компьютерные файлы, электронная почта, записи телефонных разговоров, видеозаписи и другие электронные данные. В современном мире эти доказательства становятся все более важными.

5.Экспертные заключения: Эксперты, обладающие специальными знаниями в определенных областях (например, медицина, баллистика, финансы), могут предоставлять свои экспертные заключения для разъяснения сложных вопросов в уголовном деле.

6.Выводы следствия: Это выводы и анализ, проведенные следователями на основе всех доступных доказательств и собранной информации.

7.Показания обвиняемого: Сам обвиняемый также может давать показания и делать заявления, которые могут быть использованы как доказательства, как правило, в том случае, если он добровольно сотрудничает с следствием. Важно отметить, что

доказательства должны быть собраны и представлены в суде в соответствии с законом и процедурой, и незаконно собранные доказательства могут быть исключены из уголовного дела. Суды также оценивают вес и значимость каждого вида доказательств при вынесении решения².

Одним из ключевых аспектов процесса доказывания является оценка представленных доказательств, в результате чего устанавливаются их относимость и допустимость, а также достоверность и достаточность. В процессе доказывания важное значение имеет правило допустимости доказательства, которое заключается как в установлении источника доказательства, так и в определении методов получения и фиксации полученных фактических данных. Относимость представляет собой характеристику содержания доказательства. Доказательство признается относящимся к делу только в том случае, если оно может быть использовано для установления факта наличия или отсутствия какого-либо обстоятельства, которое входит в предмет доказывания в рамках данного уголовного процесса. Определение относимости доказательства осуществляется в ходе всего процесса доказывания, начиная с момента их сбора. На этом этапе решается, какие следственные действия необходимо предпринять и каких результатов можно ожидать от их проведения в контексте выяснения важных для дела обстоятельств. Оценка относимости доказательств неразрывно связана с этапом планирования следственных действий, порядком проверки предложенных следственных версий и рассмотрением ходатайств, поданных участниками процесса, касающихся сбора доказательств или их приобщения к делу.

¹Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. / Под ред. А.В. Смирнова СПб.: Альфа, 1996. С.470.

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.)

Невозможно заранее точно определить все обстоятельства, которые могут оказаться значимыми для установления фактов, подлежащих доказыванию в конкретном уголовном деле. Этот круг обстоятельств в первую очередь формируется следователем, который разрабатывает и проверяет различные версии произошедшего. Кроме того, эти обстоятельства могут быть установлены по ходатайству участников процесса. Важными для расследования являются и те обстоятельства, которые необходимы для проверки достоверности и объективной оценки уже собранных доказательств¹.

Ясно, что многообразие относящихся к делу обстоятельств ведет к такому же разнообразию фактических данных, которые могут быть признаны относящимися к делу. Вопрос о том, относится ли конкретное обстоятельство к делу, то есть может ли оно способствовать установлению фактов, значимых для решения дела, определяется следователем и судом на основе законных норм и правил. Для того чтобы установить каждое обстоятельство по делу, требуется всесторонняя проверка совокупности доказательств.

Под допустимостью доказательств понимается определение законности источников доказательств, а также методов их получения и закрепления фактических данных. Допустимость предполагает пригодность доказательства для использования в процессе установления обстоятельств, имеющих значение для дела, что должно соответствовать требованиям законодательства относительно источников, порядка их обнаружения, закрепления и последующего исследования.

Допустимость представляет собой свойство доказательств, включая фактические данные и различные сведения, заключающиеся в их способности быть использованными в качестве доказательства в рамках уголовного судопроизводства. Это свойство является результатом соблюдения всех норм уголовно-процессуального законодательства при осуществлении следствия и судебного разбирательства по уголовному делу.

В уголовном процессе допустимость включает четыре ключевых элемента:

1. Наличие надлежащего субъекта, обладающего полномочиями для проведения процессуальных действий, направленных на получение доказательств.

2. Наличие надлежащего источника фактических данных, сведений или информации, которые составляют содержание доказательства.

3. Проведение надлежащего процессуального действия, используемого для извлечения доказательства.

4. Соблюдение надлежащего порядка выполнения процессуального действия, будь то судебное или следственное, которое служит средством получения доказательства².

Как известно, собирание доказательств регламентируется действующим уголовно-процессуальным доказательством. Так в ст. 86 УПК РТ указываются конкретные способы собирания доказательств. Найти доказательственную информацию можно как процессуальными, так и не процессуальными способами. Выявить свидетелей преступления можно в ходе проведения допросов, производства опознания; предметы документы имеющие

отношение к делу, могут быть обнаружены в ходе производства различных следственных действий.

Основным способом получения доказательств по уголовному делу является проведение следственных действий, посредством которых субъекты расследования обнаруживают, закрепляют и проверяют доказательства. В статье 86 УПК РТ говорится, что собирание доказательств производится в процессе дознания, предварительного следствия и судебного разбирательства в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом.

Следует отметить что, суд не связан доказательствами, собранными при расследовании, и вправе истребовать дополнительные материалы, провести судебные действия, направленные на собирание дополнительных доказательств. Вместе с тем, деятельности суда не свойственны розыскные начала. По этой причине он не может принимать на себя обязанность устранения пробелов предварительного следствия или дознания, когда это связано с поиском доказательств. Если, например, не известно, где находятся лица, показания которых имеют существенное значение, у каких лиц и в каких организациях хранятся важные документы, вещественные доказательства, суд не может самостоятельно восполнить эти пробелы. Аналогичная ситуация складывается тогда, когда процессуальные действия должны производиться в другой местности либо в значительном объеме, когда фактически необходимо производить заново исследование большинства обстоятельств ст.85 УПК РТ.

¹ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учеб. / Отв. ред. И. Л. Петрухин. 2-е изд. М., 2016. С.188.

² Холзода А.Х. О свойствах доказательств в уголовном процессе // Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и

перспектив развития, посвященную Году правового просвещения и 30-летию Конституции РТ. Материалы XII Международной научно-практической конференции (Душанбе, 25 октября 2024 г.). Душанбе: РТСУ, 2024. С.225.

Следует также учитывать, что хотя ч. 1 ст. 86 УПК и предоставляет суду право производить любые, предусмотренные законом действия, направленные на соби- рание доказательств, его возмож- ности из-за специфических усло- вий судебного разбирательства ограничены. В процессе судеб- ного следствия, как правило, не могут производиться обыски. В большинстве случаев невоз- можно предъявление лиц для опознания, так как суд не имеет возможности обеспечить соблю- дение правил ст. 205 УПК РТ, га-

рантирующих достоверность ре- зультатов данного процессуаль- ного действия. Возникают слож- ности при проведении судебных экспериментов, если они должны проводиться в течении длитель- ного времени вне помещения суда либо связаны с передвижением на значительное расстояние. Таким образом, органы расследования имеют определенные преимуще- ства по собиранию доказательств по сравнению с судом, осуществ- ляющим судебное следствие.

Использование доказательств в уголовном процессе Республики Таджикистан осуществляется по

строгим формализованным прави- лам. Процессуальная форма слу- жит гарантией соблюдения прав участников процесса и обеспечи- вает достоверность установлен- ных фактов. Правильное исполь- зование доказательств - основа за- конного и обоснованного судеб- ного решения. В связи с этим представляется необходимым продолжать совершенствование практики доказывания, особенно в части обеспечения равных воз- можностей сторон и недопуще- ния произвольной оценки доказа- тельств.

Библиографический список:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.01.2024 г.).
2. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. / Отв. ред. И. Л. Петрухин. 2-е изд. - М., 2016.- 688 с.
3. Фоницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. / Под ред. А.В. Смирнова СПб.: Альфа, 1996. 607 с.
4. Холзода А.Х. К вопросу о свойствах доказательств в уголовном судопроизводстве // Национальная правовая система Республики Таджикистан и стран СНГ: анализ тенденций и перспектив развития, посвященную Году правового просвещения и 30- летию Конституции РТ. Материалы XII Международной научно-практической конференции (Душанбе, 25 октября 2024 г.). – Душанбе: РТСУ, 2024. – С.223-227.

ON THE PROCEDURE FOR USING EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kholzoda Alibek

teacher of the department of criminal procedure and criminalities
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Tel.: 935698888, e-mail: alibek_0001@mail.ru

This article discusses the legal and practical aspects of using evidence in the criminal proceedings of the Republic of Tajikistan. It analyzes the relationship between the concepts of "any information" and "factual data" in order to define the concept of evidence in criminal cases. The purpose of using evidence in criminal cases is justified. It is concluded that any procedural decisions must be based on relevant, admissible, and reliable evidence.

Keywords: *evidence, criminal proceedings, admissibility, evaluation of evidence, Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan, judicial practice, significance, state, legality, principle of adversarial proceedings, counteraction.*

ОИД БА МАСЪАЛАИ ТАРТИБИ ИСТИФОДАИ ДАЛЕЛҶО ДАР МУРОФИАИ ЧИНОЯТӢ

Холзода Алибек

омӯзгори кафедраи муурофияи ҷиноятӣ ва криминалистикаи
Донишгоҳи (Славяний) Русия-Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, к. М. Турсунзода, 30
Тел.: 935698888, e-mail: alibek_0001@mail.ru

Ин модда чанбаҳои ҳуқуқӣ ва амалии истифодаи далелҳоро дар муурофияи ҷиноятӣ Ҷумҳурии Тоҷики- стон баррасӣ менамояд. Таҳлили таносуби мафҳумҳои "ҳар гуна маълумот" ва "маълумоти воқеӣ" бо мақсади муайян кардани мафҳуми далелҳоро дар парвандаҳои ҷиноятӣ гузаронида мешавад.

Мақсади истифодаи далелҳо дар парвандаҳои ҷиноятӣ асоснок карда мешавад. Хулоса бароварда мешавад, ки асоснок кардани ҳама гуна қарорҳои муурофиявӣ бо далелҳои дахлдор, иҷозатдодашуда ва боэътимод зарур аст.

Калидвожаҳо: *далелҳо, муурофияи ҷиноятӣ, қобили қабул, арзебии далелҳо, кодекси ҷиноятии ҚТ, амалияи судӣ, аҳамият, давлат, қонуният, принципи рақобат, муқовимат.*

НОРМАТИВНЫЕ ОСНОВЫ ОХРАНЫ АТМОСФЕРНОГО ВОЗДУХА: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Аминова Фарида Махмадаминовна

Доктор юридических наук, доцент,
зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет.
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.
Тел.: (+992) 2273986, farida.aminova.2016@mail.ru

Охрана атмосферного воздуха формирует один из ключевых сегментов современного экологического права, поскольку состояние воздушной среды напрямую влияет на здоровье человека, качество жизни, устойчивость экосистем и уровень экологической безопасности государства. В силу трансграничного характера загрязнения атмосферы правовое регулирование в данной сфере имеет двойственную природу: с одной стороны, оно основывается на нормах национального законодательства, а с другой – на международных обязательствах, которые государства принимают на себя по различным экологическим соглашениям. В этой связи формирование нормативных основ охраны атмосферного воздуха предполагает согласование национальных и международных правовых механизмов, создание эффективной системы мониторинга, контроля и ответственности, а также институциональное укрепление экологической политики.

Ключевые слова: *атмосферный воздух, экологическое право, международные договоры, экологическая безопасность, Таджикистан, охрана окружающей среды, мониторинг воздуха.*

Атмосферный воздух в современном юридическом дискурсе рассматривается как самостоятельный объект экологических отношений, обладающий специфическими физическими, социальными и правовыми характеристиками, определяющими необходимость его особой правовой охраны. В правовой доктрине атмосферный воздух определяется не только как природная субстанция, обеспечивающая жизнедеятельность

человека и функционирование биосферы, но и как элемент окружающей среды, качество которого имеет прямое влияние на здоровье населения, климатические процессы и устойчивое развитие государства. В отличие от иных природных ресурсов атмосферный воздух обладает особенностями, обусловленными его неисчерпаемостью в физическом смысле, невозможностью пространственного закрепления и отсутствием возможности исключительного владения или отчуждения, что предопределяет его правовой режим как общедоступного и общепользовательского природного объекта, находящегося под охраной государства.

Правовое определение атмосферного воздуха в национальном законодательстве основывается на его значении для охраны здоровья, обеспечения экологической безопасности и выполнения международных обязательств государства. В законодательстве Республики Таджики-

стан атмосферный воздух рассматривается как часть окружающей среды, представляющая собой естественную смесь газов, окружающих Землю, изменённая или не изменённая хозяйственной и иной деятельностью. Юридическое понимание включает не только физико-химические характеристики воздуха, но и качественные показатели, регламентируемые государственными стандартами, санитарными нормами и условиями допустимого воздействия загрязняющих веществ. Таким образом, объектом правового регулирования выступает не столько сама воздушная масса, сколько её состояние, качество и степень соответствия установленным нормативам.

С учётом трансграничной природы воздушных масс и глобального характера процессов загрязнения правовое понятие атмосферного воздуха невозможно рассматривать исключительно в рамках национальных

правовых систем. Международное экологическое право закрепляет принцип совместной ответственности государств за состояние атмосферного воздуха, что отражено в Конвенции о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 года, Парижском соглашении 2015 года и ряде других международных договоров, устанавливающих обязательства государств по предотвращению загрязнения, снижению выбросов и внедрению экологически дружественных технологий. В этой связи атмосферный воздух выступает как объект международно-правовой охраны, регулируемый как общими принципами международного права окружающей среды, так и специализированными нормативными режимами.

Юридическая природа атмосферного воздуха также проявляется в его включении в систему отношений экологической ответственности. Публично-правовой характер регулирования предопределяет приоритет норм императивного содержания, связанных с ограничением хозяйственной деятельности, установлением стандартов выбросов, контролем за источниками загрязнения и применением мер административной, гражданско-правовой и уголовной ответственности за нарушение требований к охране атмосферы. Государство осуществляет регулирование качества атмосферного воздуха через механизмы лицензирования, сертификации, мониторинга, государственного экологического надзора, а также через экологические нормативы, включая предельно допустимые концентрации загрязняющих веществ и предельно допустимые выбросы.

Таким образом, понятие атмосферного воздуха в юридиче-

ской науке охватывает совокупность его природных характеристик, общественной значимости и нормативно закреплённого режима охраны. Атмосферный воздух выступает объектом экологических прав граждан, элементом экологической безопасности государства и предметом международных обязательств. Его правовой статус отражает баланс между потребностями экономического развития, необходимостью охраны здоровья населения и ответственностью государства за сохранение благоприятных условий окружающей среды для нынешних и будущих поколений.

Однако самой сложной и многогранной проблемой в сфере охраны атмосферы стало изменение климата, вызванное ростом концентрации парниковых газов. Здесь переплелись экономические интересы, вопросы энергетической безопасности и проблемы развития. Первым рамочным документом стала Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 года. Она признала наличие проблемы и наметила общие цели, но не содержала конкретных обязательств по сокращению выбросов для отдельных стран¹.

На международном уровне фундаментальную роль играет Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния (Женева, 1979 г.), ставшая первым многосторонним документом, который признал трансграничный характер загрязнения атмосферы и необходимость коллективных действий государств. Конвенция и её протоколы устанавливают обязательства по снижению выбросов сернистых и азотистых соединений, тяжёлых металлов и стойких органических загрязнителей. Круг международных актов, связанных с охраной воздушной среды, значительно

шире и включает Парижское соглашение 2015 г., Монреальский протокол к Венской конвенции, решения межгосударственных экологических конференций и рамочные подходы к климатической политике. Международные нормы формируют универсальные принципы предотвращения вреда, экологической ответственности, устойчивого развития и межгосударственного сотрудничества, которые затем должны быть отражены во внутреннем праве.

В Республике Таджикистан охрана атмосферного воздуха регулируется Законом «Об охране атмосферного воздуха» 2012 года, который закрепляет принципы сохранения и улучшения качества атмосферного воздуха, устанавливает нормативы предельно допустимых выбросов, регулирует деятельность стационарных и мобильных источников загрязнения, определяет полномочия государственных органов и обязанности предприятий. Закон включает систему мониторинга и экологической экспертизы, рассматривает вопросы ответственности за нарушение экологических норм, а также закрепляет право граждан на получение достоверной информации о состоянии воздушной среды. Таким образом, национальное законодательство отражает основные международные подходы, адаптированные к социально-экономическим и природно-климатическим особенностям страны.

Мониторинг качества атмосферного воздуха в Таджикистане осуществляется специализированными структурами, которые ведут постоянные наблюдения за концентрациями загрязняющих веществ, фиксируют сезонные колебания, дают прогнозы и предоставляют данные государственным органам. В условиях роста транспортных

¹ Аминова Ф.М. Влияние международно-правовых актов на ответственность за нарушение законодательства об охране атмосферного воздуха в Республике

Таджикистан // Юридический вестник. №3 (23) 2025. С.74.

потоков, развития промышленности и изменения климата значение мониторинга возрастает, поскольку именно он обеспечивает научно обоснованные решения в сфере экологического управления. Однако наличие правовых норм само по себе не гарантирует эффективной защиты воздуха: необходимы действенные механизмы исполнения, строгий контроль за соблюдением экологических требований, модернизация предприятий, а также повышение экологической культуры населения.

Современные вызовы, включающие в себя глобальное потепление, рост концентрации твердых частиц в воздухе крупных городов, увеличение количества транспортных средств, требуют комплексного подхода к совершенствованию правового регулирования. Важно усилить роль превентивных правовых инструментов, расширить международное сотрудничество, активизировать научные исследования, направленные на снижение выбросов и оптимизацию

средств контроля. Национальное законодательство должно сохранять способность адаптации к новым технологическим и климатическим изменениям, обеспечивая не только формальное соответствие международным стандартам, но и реальную эффективность.

«Экологическое законодательство, являясь составной частью системы законодательства Республики Таджикистан, объединяет в своей структуре совокупность законодательных и подзаконных актов, направленных на регулирование отношений в области экологии, охраны окружающей среды и экологической безопасности»¹. Следует отметить, что в системе экологического законодательства особое место отведено нормам и принципам международного права, которые в соответствии с Конституцией Республики Таджикистан являются составной частью правовой системы республики. Особенность её проявляется в том, что вопросы о необходимости правового регулирования экологических отношений

остро стоят не только на внутригосударственном, но и на международном уровне»².

Таким образом, нормативные основы охраны атмосферного воздуха представляют собой динамично развивающийся комплекс международных и национальных правовых норм, обеспечивающих правовые механизмы предотвращения загрязнения, экологического контроля и ответственности. Успешная реализация этих норм зависит от согласованной работы государственных органов, хозяйствующих субъектов и общества, а также от готовности государства инвестировать в модернизацию экологической инфраструктуры и поддержку научных исследований. Только при сочетании правовых, институциональных и образовательных мер возможно достижение устойчивого качества атмосферного воздуха и обеспечение экологической безопасности для настоящего и будущих поколений.

Библиографический список

1. Аминова Ф.М. Влияние международно-правовых актов на ответственность за нарушение законодательства об охране атмосферного воздуха в Республике Таджикистан // Юридический вестник. – №3 (23) – 2025. – С.74-77.
2. Боймахмадзода Н. С. Система экологического законодательства Республики Таджикистан // Вестник ТГУПБП. 2021. – №2 (87). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-ekologicheskogo-zakonodatelstva-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 11.10.2025).
3. Нематов А. Р., Собитдухт Н. Правовое обеспечение экологической безопасности: правовой анализ и перспективы // Российский юридический журнал. – 2020. – № 5. – С. 12–27.
4. Закон Республики Таджикистан «Об охране атмосферного воздуха» № 915 от 28.12.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=14718(дата обращения: 11.10.2025).
5. Закон Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды» № 760. от 2.10.2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=13005 (дата обращения: 11.10.2025).

¹ Боймахмадзода Н. С. Система экологического законодательства Республики Таджикистан // Вестник ТГУПБП. 2021. №2 (87). URL: [https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-](https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-ekologicheskogo-zakonodatelstva-respubliki-tadzhikistan)

[ekologicheskogo-zakonodatelstva-respubliki-tadzhikistan](https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-ekologicheskogo-zakonodatelstva-respubliki-tadzhikistan) (дата обращения: 11.10.2025).

² Там же

NORMATIVE FOUNDATIONS OF ATMOSPHERIC AIR PROTECTION: INTERNATIONAL STANDARDS AND THE NATIONAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Aminova Farida Mahmadinovna

Doctor of Law, Associate Professor,
head Department of International Law and Comparative Law
Russian-Tajik (Slavonic) University.
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30.
Tel.: (+992) 2273986, farida.aminova.2016@mail.ru

The article examines the legal foundations of atmospheric air protection in both international and national dimensions. It analyzes the key international treaties that establish state obligations for reducing air pollution, as well as the features of the national legislation of the Republic of Tajikistan, including the 2012 Law “On the Protection of Atmospheric Air.” Particular attention is paid to the relationship between international standards and domestic rules, the role of environmental monitoring and state control, and the current challenges of effective legal implementation amid increasing anthropogenic pressure and global climate change. The study concludes that despite the existence of a comprehensive regulatory framework, further institutional strengthening, improved enforcement mechanisms, and enhanced environmental awareness are necessary to ensure sustainable air quality.

Keywords: *atmospheric air, environmental law, international treaties, environmental safety, Tajikistan, environmental protection, air monitoring.*

**АСОСҶОИ МЕЪЁРИИ ҶИФЗИ ҲАВОИ АТМОСФЕРА: СТАНДАРТҶОИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ
ВА ҚОНУНГУЗОРИИ МИЛЛӢИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН**

Аминова Фариди Махмадаминовна

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент,
сар Кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқи муқоисавӣ
Донишгоҳи Славянӣ Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. М.Турсунзода, 30.
Тел.: (+992) 2273986, farida.aminova.2016@mail.ru

Дар мақола заминаҳои меъёрии ҷифзи ҳавои атмосфера дар сатҳи байналмилалӣ ва миллӣ мавриди баррасӣ қарор мегиранд. Созишномаҳои муҳими байналмилалӣ, ки уҳдадорихои давлатҳоро дар самти камсозии ифлосшавии муҳити ҳавой муайян мекунанд, таҳлил мегарданд. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҷифзи ҳавои атмосфера» аз соли 2012 ҳамчун ченаки асосии танзими миллӣ мавриди омӯзиш қарор гирифта, ҷамоҳангии меъёрҳои байналмилалӣ ва миллӣ, нақши мониторинг ва назорати экологӣ, инчунин мушкилоти марбут ба татбиқи самараноки ҷимояи ҳуқуқӣ баррасӣ мешаванд. Муайян мегардад, ки новобаста аз мавҷудияти заминаи нисбатан мукаммали ҳуқуқӣ, таҳкими минбаъдаи институтсионалӣ, такмили назорати давлатӣ ва боло бурдани сатҳи огоҳии экологӣ барои таъмини сифати устувори ҳаво зарур мебошад.

Калидвожаҳо: *ҳавои атмосфера, ҳуқуқи экологӣ, созишномаҳои байналмилалӣ, амнияти экологӣ, Тоҷикистон, ҷифзи муҳити зист, мониторинги ҳаво.*

УДК 341.4:351.74(575.3)

СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ВОПРОСАМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ МЕР В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Аминова Фарида Махмадаминовна

Доктор юридических наук, доцент,
зав. кафедрой международного права и сравнительного правоведения
Российско-Таджикский (Славянский) университет.
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.
Тел.: (+992) 2273986, farida.aminova.2016@mail.ru

Кудратуллозода Бахтовар Кудратулло

Кандидат юридических наук, доцент,
проректор по международным связям
Российско-Таджикский (Славянский) университет.
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсун-заде, д.30.
Тел.: (+992) 2273986, bakhtovar.nusratullova@mail.ru

Статья посвящена анализу национальных и международных механизмов сотрудничества Республики Таджикистан в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ. Определяются ключевые направления регионального взаимодействия, роль международных организаций, практические меры по усилению контроля на таджикско-афганской границе и совершенствованию национальной правовой базы. На основе действующего законодательства и международных конвенций рассматриваются приоритеты государственной политики, направленные на укрепление безопасности, снижение масштабов наркотрафика и повышение эффективности правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: *Таджикистан, наркотики, психотропные вещества, международное сотрудничество, UNODC, борьба с наркобизнесом, безопасность.*

Аминова Ф.М.

Противодействие незаконному обороту наркотиков и психотропных веществ является одним из ключевых направлений государственной политики Республики Таджикистан, что обусловлено как геополитическим положением государства вблизи Афганистана – крупнейшего мирового производителя опиатов,

так и необходимостью обеспечения национальной и региональной безопасности. Наркотрафик оказывает комплексное негативное воздействие на социальную стабильность, экономику, здоровье населения и уголовно-правовую ситуацию, что предопределяет необходимость системной реализации практических мер как на национальном уровне, так и в формате международного сотрудничества.

М.И. Акрамов выделяет пять этапов исторического процесса стратегии борьбы с незаконным оборотом наркотиков в суверенном Таджикистане. В частности он пишет, «Первый этап с 1991 по 1997 гг. характеризуется ходом гражданской войны и ростом наркопреступности, как следствие распада государственных и правоохранительных органов.

Кудратуллозода Б.К.

На втором этапе с 1997 по 2001гг. происходит стабилизация политической ситуации в РТ, формируется правовая база и начинается институциональное развитие в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Таджикистан.

¹ © Аминова Ф.М., Кудратуллозода Б.К., 2025

Третий этап с 2001 по 2007 гг. ознаменовывается началом активной фазы борьбы с наркотиками в Республике Таджикистан. В этот период правоохранительными органами изымаются рекордные объёмы наркотиков на фоне увеличения наркопроизводства в Афганистане.

На четвёртом этапе с 2007 по 2013 гг. происходит углубление международного сотрудничества в сфере борьбы с НОН и реализация антинаркотической политики в рамках принятых Государственных программ Республики Таджикистан.

В период пятого этапа с 2013 по 2020 гг. принимается и реализуется Национальная стратегия по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Республике Таджикистан на 2013-2020 гг.¹.

Сегодня правовые основы противодействия незаконному обороту наркотиков в Таджикистане базируются на Законе Республики Таджикистан «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» от 10 декабря 1999 года № 873. В соответствии с данным законом «незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров - деятельность, связанная с культивированием наркосодержащих растений, разработкой, производством, изготовлением, переработкой, хранением, перевозкой, пересылкой, отпуском, реализацией, распределением, приобретением, использованием, сбытом, ввозом, вывозом и уничтожением наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, которая осуществляется с нарушением законодательства Республики Таджикистан»².

Ещё одним регулятором выступает Уголовный кодекс Республики Таджикистан, а также соответствующие подзаконные

акты, направленные на регулирование контроля за оборотом, усиление ответственности, проведение профилактики и укрепление межведомственного взаимодействия. Государственная политика формируется в соответствии с международными обязательствами, вытекающими из участия Таджикистана в трех ключевых конвенциях ООН в данной области: Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года, Конвенции о психотропных веществах 1971 года и Конвенции ООН против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года. Соблюдение стандартов ООН требует внедрения мер по криминализации незаконного оборота, укреплению международного правового сотрудничества, осуществлению контроля за химическими прекурсорами, а также обмену оперативной и аналитической информацией.

Практическая деятельность Республики Таджикистан в этой сфере реализуется преимущественно через Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан, которое сотрудничает с Управлением ООН по наркотикам и преступности (UNODC), Международным комитетом по контролю над наркотиками (МККН), Интерполом, Всемирной таможенной организацией, пограничными службами соседних государств и структурами региональной безопасности. Таджикистан участвует в ряде международных и региональных программ, включая Программу UNODC для Центральной Азии, инициативы по укреплению пограничной безопасности, совместные операции по перехвату наркотрафика и программы по повышению потенциала право-

охранительных органов. Эти механизмы позволяют не только усиливать контроль на таджикско-афганской границе, но и формировать единые стандарты реагирования на вызовы организованной преступности и транснациональных преступных группировок.

Региональное взаимодействие является важнейшим инструментом обеспечения эффективности принимаемых мер. В рамках СНГ Таджикистан участвует в Антинаркотическом центре СНГ и реализует соглашения о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. В рамках Шанхайской организации сотрудничества функционируют механизмы обмена информацией и координации оперативных мер между компетентными органами государств-участников. Межгосударственное сотрудничество с Казахстаном, Кыргызстаном, Узбекистаном и Россией обеспечивает проведение совместных оперативно-профилактических мероприятий, развитие аналитических центров, повышение эффективности уголовного преследования и перекрытие транзитных маршрутов.

Практические меры в сфере борьбы с наркопреступностью в Таджикистане включают усиление пограничного контроля, развитие инфраструктуры для мониторинга и досмотра грузов, повышение технологического оснащения правоохранительных органов, внедрение систем раннего выявления, совершенствование уголовного законодательства и подготовку специализированных кадров. Значительное внимание уделяется профилактической работе, снижению спроса на наркотики, развитию реабилитационных программ и формированию межведомственного взаимодействия в сфере здравоохранения,

¹ Акромов М. И. Стратегия борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Республике Таджикистан // Историк (Муаррих). 2021. №3 (27). С.42.

² Закон РТ «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» от 10 декабря 1999

года № 873. http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=286 (дата обращения: 20.05.2025)

образования и социальной политики.

Таким образом, сотрудничество Республики Таджикистан по вопросам практической реализации мер в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и психотропных ве-

ществ представляет собой комплексную систему, основанную на национальных правовых актах, международных обязательствах и многоуровневом взаимодействии с международными и региональными структурами. Таджикистан последовательно укрепляет нормативную базу,

расширяет партнерства и реализует практические меры, направленные на повышение эффективности борьбы с трансграничным наркобизнесом и обеспечение безопасности как в национальном, так и региональном масштабах.

Библиографический список:

1. Акрамов М. И. Стратегия борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Республике Таджикистан // Историк (Муаррих). – 2021. – №3 (27). – С.42-50.
2. Закон РТ «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» от 10 декабря 1999 года № 873. [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=286 (дата обращения: 20.05.2025).

COOPERATION ON THE IMPLEMENTATION OF PRACTICAL MEASURES TO COMBAT THE ILLEGAL TRAFFICKING OF NARCOTICS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Aminova Farida Mahmaminovna

Doctor of Law, Associate Professor,
head Department of International Law and Comparative Law
Russian-Tajik (Slavonic) University.
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30.
Tel.: (+992) 2273986, farida.aminova.2016@mail.ru

Kudratullozoda Bakhtovar Kudratullo

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Vice-Rector for International Relations
Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade Street, 30
Tel.: (+992) 2273986, bakhtovar.nusratullof@mail.ru

The article examines the national and international mechanisms of cooperation of the Republic of Tajikistan in combating the illicit trafficking of narcotic drugs and psychotropic substances. It outlines key areas of regional interaction, the role of international organizations, and practical measures aimed at strengthening control along the Tajik-Afghan border and improving national legislation. Based on existing laws and international conventions, the article highlights state policy priorities aimed at enhancing security, reducing drug trafficking, and improving the effectiveness of law-enforcement activities.

Keywords: *Tajikistan, narcotic drugs, psychotropic substances, international cooperation, UNODC, drug trafficking, security.*

ҲАМКОРӢ ДОӢР БА ТАТБИҚИ ЧОРАӢОИ АМАЛӢ ДАР СОӢАИ МУҚОВИМАТ БА МУОМИЛОТИ ҒАЙРИҚОНУНИИ МАВОДИ НАШЪАОВАР ВА МОДДАӢОИ ПСИХОТРОПӢ ДАР ҶУМӢУРИИ ТОҶИКИСТОН

Аминова Фарида Махмадаминовна

доктори илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент,
сар Кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқи муқоисавӣ
Донишгоҳи Славянӣ Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. М.Турсунзода, 30.
Тел.: (+992) 2273986, farida.aminova.2016@mail.ru

Кудратуллозода Бахтовар Кудратулло

Номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент

проректор оид ба робитаҳои байналмилалӣ

Донишгоҳи Славянӣ Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 2273986, bakhtovar.nusratullova@mail.ru

Мақола ба таҳлили механизмҳои миллӣ ва байналмилалӣ ҳамкориҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон дар самти муқовимат ба муомилоти ғайриқонунии маводи нашъаовар ва моддаҳои психотропӣ бахшида шудааст. Самтҳои асосии ҳамкориҳои минтақавӣ, нақши созмонҳои байналмилалӣ, чораҳои амалӣ оид ба таҳқим бахшидани назорат дар сарҳади Тоҷикистону Афғонистон ва тақмили қонунгузориҳои миллӣ баррасӣ мегарданд. Бо таъкиди ба қонунгузориҳои амалкунанда ва конвенсияҳои байналмилалӣ, афзалиятҳои сиёсати давлатӣ дар самти таъмини амният, коҳиши гардиши ғайриқонунии маводи нашъаовар ва баланд бардоштани самаранокии фаъолияти мақомоти ҳифзи ҳуқуқ муайян карда мешаванд.

Калидвожаҳо: Тоҷикистон, маводи нашъаовар, моддаҳои психотропӣ, ҳамкориҳои байналмилалӣ, UNODC, мубориза бо қочоқ, амният.

УДК: 341

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Бодурова Гулшан Гурезовна

кандидат юридических наук, доцент

Заместитель директора по международным связям и реализации проектов
Научно-исследовательский институт устойчивого развития и зеленой экономики
Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана
Тел.: 900851090, t-mail: boduruva.gulshan@gmail.com

На заре нового столетия человечество и все мировое сообщество в целом приходит к выбору совершенно нового видения развития. В связи с этим вырабатываются новые доселе неизвестные человеческому общежитию и государствам векторы развития. Речь идет об выработке концепции устойчивого развития, положившего начало новому мышлению, иному восприятию отношения общества к окружающей среде, экономическому и социальному развитию в тесной связи с экологическим фактором. Объединяя эти три важные составляющие развития государств концепция «устойчивого развития» охватила стратегии развития практически всех стран мира как внутри государства, так и на международной арене. В связи с этим, статья посвящена анализу правовой природы концепции устойчивого развития, ее роль в становлении международных стандартов в области экологических, экономических и социальных прав человека.

Ключевые слова: *устойчивое развитие, правовое регулирование, окружающая среда, экологический фактор, социальное развитие, экономический рост, благополучие, окружающая среда.*

Интенсивное развитие человеческой цивилизации не проходит бесследно как для природы в целом, так и для самого человеческого общежития. Дело в том, что научно-технический прогресс, развитие промышленности, внешне-торговая деятельность, строительство городов, использование природных ресурсов, высокая рождаемость и другие составляющие развития цивилизации породили как положительный эффект, так, и, к большому сожалению, немало отрицательных моментов.

На заре 21 века человечество приходит к осознанию, что природные ресурсы не безграничны, и интенсивное потребление без восстановления пагубно сказывается как на качестве жизни нынешнего поколения, так и порождает немало глобальных проблем в ближайшем будущем. На современном этапе количество факторов, пагубно влияющих на окружающую человеческую среду, имеет тенденцию к развитию.

Такие глобальные экологические проблемы, как исчезновение многих разновидностей флоры и фауны, разрушение озонового слоя и в целом разрушение среды обитания есть результат влияния не только промышленного роста, но и военной деятельности, даже в мирное время. По справедливому замечанию А.В. Кукушкиной, производство и испытание оружия, боевая подготовка, военные учения, создание военных баз и объектов также отрицательно влияют на окружающую среду¹.

В поисках нахождения путей решения указанных проблем, мировым сообществом выработана концепция «устойчивого развития». Данная концепция является универсальной, поскольку охватывает практически все сферы жизнедеятельности общества и государства. В частности, в концепцию «устойчивое развитие» входят следующие важные составляющие: экономическая, социальная и экологическая устойчивость.

Надо отметить, что важную роль в становлении международных стандартов в сфере защиты экологических прав человека сыграла Конференция ООН по окружающей среде и развитию, проходившая в Рио-де Жанейро в 1992 г. Полагаем, что принятая в ходе данной Конференции ООН Декларация Рио-де-Жанейро, является исторически первым и основополагающим международным договором, дающим импульс на реализацию концепции устойчивого развития.

Следует отметить, что сам термин «устойчивое развитие»

© Бодурова Г.Г., 2025

¹ Кукушкина А.В. Международно-правовые аспекты экологической безопасности на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. № 450, 2020. С.218

(sustainable development) относительно молодой термин. Впервые он был использован в докладе «Наше общее будущее» Международной комиссией по окружающей среде и развитию (МКОСР). Здесь дано следующее определение устойчивого развития: «развитие, отвечающее потребностям нынешнего поколения без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять их собственные потребности». То есть, нынешнее поколение не должно относиться к окружающей нас среде потребительски, поскольку, как было уже отмечено, ресурсы окружающей среды безграничны, а потребительское отношение приводит к их истощению. При таком раскладе событий будущее поколение не будет в состоянии удовлетворять свои базовые потребности. При этом, экономическое развитие стран также не должны превышать возможности экосистемы по восстановлению ресурсов. К большому сожалению, в условиях бурного научно-технического прогресса, интенсивного и экстенсивного развития промышленности, не всегда учитываются возможности экосистемы к самовосстановлению. В силу этого международное сообщество и выработало важные принципы устойчивого развития. Последнее призвано сохранять баланс между производством и состоянием окружающей среды.

Важно отметить, что помимо экономико-экологических аспектов, концепция «устойчивое развитие» охватывает также «устойчивость» и в социальном смысле. В социальном аспекте устойчивое развитие предполагает достижение социальной справедливости, снижение неравенства, а также предоставление равных возможностей

для всех слоев населения. Но, общеизвестно, что во многих странах мира, как в развитых, так и в развивающихся, существуют проблемы так называемой «социальной устойчивости». К ним следует, в первую очередь отнести, разрыв между богатыми и бедными; неравный доступ к качественному образованию, медицине; отсутствия жилья и другие.

Как показывает анализ, на сегодняшний день в абсолютном большинстве государств существуют проблемы и экологического, и экономического, и, безусловно, социального характера. Полагаем, что данные составляющие концепции устойчивого развития взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В связи с вышеуказанным, считаем необходимым определить юридическую природу концепции устойчивого развития. Последнее необходимо, как для правотворческой, так и для правоприменительной практики. Поскольку как показывает практика, во многих случаях концепцию «устойчивое развитие» сводят исключительно к охране окружающей среды. То есть выделяют именно экологический аспект, минуя иные составляющие данной концепции.

Полагаем, что сама природа концепции устойчивого развития интересна и многообразна. Она «служит некой методологической и инструментальной основой современного права, не только экологического»¹.

Дело в том, что в доктрине нет единого понятия определения концепции «устойчивого развития». Более того, имеющиеся доктринальные подходы порой противоречивы, и не сводятся к единому

пониманию юридической природы концепции устойчивого развития.

Декларация по окружающей среде и развитию 1992 г. под устойчивое развитие понимает гармоничную связь человека с природой. 3 принцип данного договора дает следующее определение устойчивого развития: «Право на развитие должно быть реализовано, чтобы обеспечить справедливое удовлетворение потребностей нынешнего и будущих поколений в областях развития и окружающей среды»². Говоря об «областях развития», в Декларации уточняется, что речь идет об искоренении бедности, как важнейшей составляющей устойчивого развития, ограничения и ликвидации нежизнеспособных моделей производства и потребления, поощрения демографической политики. Более того, в контекст устойчивого развития Декларация включает также и обмен научно-техническими знаниями и инновационными технологиями между странами для достижения глобальных целей устойчивого развития, опосредующего развитие без разрушения. Как видно, природа концепции «устойчивого развития», заложенная в Декларации имеет более глубокий смысл. Последнее, как видно из анализа данного международного договора, немаловажное место отводит социальному и экономическому фактору. То есть, само выдвижение концепции устойчивого развития – есть результат коренного пересмотра системы поддержания «равновесного состояния мира»³.

Что же касается окружающей среды, то в п.4 Декларация устанавливает следующее: «Для достижения устойчивого развития защита

¹ Бринчук М.М. Потребности совершенствования концепции устойчивого развития // Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты/ Материалы Межд. науч.- практ. конф.: отв. ред. Т. А. Сошникова, Н. В. Колотова, Е. Е. Пирогова. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2018. С. 26

² Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, 1992 г. Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations

[/riodecl.shtml?ysclid=mia2jvc32w17285230](#) (дата обращения: 20.07.2025)

³ Лукашева Е.А. Институциональное обеспечение устойчивого развития // Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты/ Материалы Межд. науч.- практ. конф.: отв. ред. Т. А. Сошникова, Н. В. Колотова, Е. Е. Пирогова. М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2018. С.34

окружающей среды должна составлять неотъемлемую часть процесса развития и не может рассматриваться в отрыве от него»¹. То есть вышеперечисленные устойчивые социальные и экономические цели не могут быть реализованы и достигнуты в отрыве от охраны окружающей среды. Полагаем, что целостность экосистемы влияет на все стороны жизнедеятельности общества и государства, в связи с чем, в концепции устойчивое развитие экологический фактор занимает центральное положение, ибо невозможно достичь высокого уровня жизни не взаимодействуя с природой. Более того, полагаем, что и экологический, и экономический и социальные факторы, заложенные в основу концепции устойчивого развития взаимосвязаны и взаимообусловлены, постольку, поскольку отражают разные стороны права на здоровую и плодотворную жизнь.

М.М. Бринчук полагает, что концепция устойчивого развития в том виде, в котором определяется в первоисточниках, учитывает лишь материальные факторы, опосредующие экономическое и социальное развитие. Автор предлагает расширить юридическую природу устойчивого развития и включить в него помимо материальных факторов и духовное начало². По автору первопричиной климатических изменений в целом следует считать именно духовный кризис. Полагаем, что позиция автора является спорной, поскольку духовный кризис есть более философское определение, касающееся человеческого восприятия действительности, т.е. картина мира каждого отдельного человека. В связи с этим, полагаем, что включение духов-

ного начала в определение «устойчивого развития» не соответствует юридической природе данной концепции. Дефиниция «духовное начало», являясь категорией нравственности, углубляет и детализирует рассматриваемую нами концепцию.

Другая группа авторов относят духовный компонент не к юридической природе концепции «устойчивого развития», а к так называемому «экологическому сознанию личности»³. Н.М. Мамедов и С.Н. Глазачев под экологическим сознанием понимают некий целостный компонент интеллектуальной и духовной культуры личности, который формируется посредством личностного опыта и осознания важности бережного отношения к окружающей среде⁴. Действительно, «экологическое сознание личности», является важной составляющей реализации принципов устойчивого развития, поскольку формирует субъективное отношение человека к окружающей среде и к социальным факторам.

Для всестороннего определения юридической природы устойчивого развития в доктрине некоторыми учеными предлагается понятие «экологический менталитет». Дается следующее определение экологического менталитета: «видение перспектив развитие человечества в направлении устойчивого развития...»⁵.

Таким образом, из вышеприведенного анализа доктринального подхода к юридической природе концепции «устойчивое развитие» полагаем, что духовное начало формирует экологический менталитет, а последнее, в свою очередь, формирует экологическое созна-

ние личности, т.е. гармоничное существование человека с окружающей его средой. И именно экологическое сознание личности есть некая отправная точка, посредством которого и государства и все мировое сообщество может твердо встать на путь реализации основных принципов концепции «устойчивого развития».

Надо заметить, что данная концепция в настоящее время довольно широко используется во многих странах, в том числе в Республике Таджикистан. Она является своего рода базовой, широко применяемой, поскольку опосредует «развитие без разрушения».

Таким образом, в современном мире проблемы устойчивого развития в силу своей актуальности привлекают к себе внимание, как общественности, так и международного сообщества. Проблема устойчивого развития включает в себя практически все сферы жизнедеятельности государства и общества. Но больше всего в современном ключе «устойчивое развитие» направлено на нахождения путей решения экологических проблем.

Сегодня экосистема особо остро нуждается во вмешательстве от нецелесообразного его истощения и засорения. Отсутствие должного правового механизма регулирования обращения человека с природой, а также отсутствие механизма контроля привели к глобальным изменениям климата, невозможности восстановления экосистемы в первоначальное состояние. Именно осознание данной глобальной проблемы, нахождения путей решения имеющихся проблем и объясняет актуальность

¹ Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, 1992 г. Электронный ресурс: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml?ysclid=mia2jvc32w17285230 (дата обращения: 20.07.2025)

² Бринчук М.М. Указ. раб. С.27

³ Нарциссова С.Ю., Розанова Е.В., Соловьев А.А., Попадайкин В.В. Экологическое сознание и правоохранительная деятельность в стратегиях устойчивого развития / Под общ.ред. В.В. Попадайкина. М.: Эдитус, 2021. С.24.

⁴ Мамедов Н.М., Глазачев С.Н. Экологическое образование как условие устойчивого развития // Экологическое образование: концепции и технологии: сборник научных трудов. Волгоград, 1996. С.16

⁵ Миркин Б. М., Наумова А. Г. Экологический менталитет: структура и пути формирования // Вестник Академии наук РБ. Т.15. № 4. 2019. С.21

определения юридической природы концепции «устойчивого развития».

Библиографический список:

1. Бринчук М.М. Потребности совершенствования концепции устойчивого развития // Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты/ Материалы Межд. науч.-практ. конф.: отв. ред. Т. А. Сошникова, Н. В. Колотова, Е. Е. Пирогова. - М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2018. - С.26-32
2. Кукушкина А.В. Международно-правовые аспекты экологической безопасности на современном этапе // Вестник Томского государственного университета. - № 450. - 2020. - С.218-225
3. Лукашева Е.А. Институциональное обеспечение устойчивого развития // Стратегия устойчивого развития: экологические права и другие компоненты/ Материалы Международной науч.-практ. конф.: отв. ред. Т. А. Сошникова, Н. В. Колотова, Е. Е. Пирогова. - М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2018. - С.32-39
4. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию, 1992 г. [Электронный ресурс]. - режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml?ysclid=mia2jvc32w17285230 (дата обращения: 20.07.2025)
5. Нарцисова С.Ю., Розанова Е.В., Соловьев А.А., Попадейкин В.В. Экологическое сознание и правоохранительная деятельность в стратегиях устойчивого развития / Под общ.ред. В.В. Попадейкина. М.: Эдитус, 2021. - 222 с.
6. Мамедов Н.М., Глазачев С.Н. Экологическое образование как условие устойчивого развития // Экологическое образование: концепции и технологии: сборник научных трудов. Волгоград, 1996 - С.16-26
7. Миркин Б. М., Наумова А. Г. Экологический менталитет: структура и пути формирования // Вестник Академии наук РБ. Т.15. – № 4. - 2019. - С. 21-29

ON THE QUESTION OF DEFINING THE LEGAL NATURE OF THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Bodurova Gulshan Gurezovna

candidate of legal sciences, associate professor,

Deputy Director of International relations and project implementation

Research Institute for Sustainable Development and Green Economy at the International

University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan

Tel.: 900851090, t-mail: boduruva.gulshan@gmail.com

At the dawn of the new century, humanity and the global community as a whole find themselves choosing an entirely new vision of development. In this context, new development vectors—previously unknown to human society and states—are being formulated. This refers to the emergence of the concept of sustainable development, which has given rise to new ways of thinking and a new understanding of society’s relationship with the environment, as well as economic and social development in close connection with environmental factors. By integrating these three essential components of state development, the concept of “sustainable development” has come to shape the development strategies of nearly all countries of the world, both domestically and on the international stage. Accordingly, this article is devoted to analyzing the legal nature of the concept of sustainable development and its role in the formation of international standards in the field of environmental, economic, and social human rights.

Keywords: *sustainable development, legal regulation, environment, environmental factor, social development, economic growth, well-being, environment.*

**ДОИР БА МАСЪАЛАИ ТАШХИС ВА МУАЙЯНСОЗИИ ТАБИАТИ ҲУҚУҚИИ
КОНСЕПСИЯИ РУШДИ УСТУВОР**

Бодурова Гулшан Гурезовна

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсент.

муовини директор оид ба робитаҳои байналмилалӣ ва идоракунии лоиҳаҳои

Институти илмию тадқиқотии рушди устувор ва иқтисоди сабзи

Донишгоҳи байналмилалӣ сайеҳӣ ва соҳибкории Тоҷикистон

Тел.: 900851090, t-mail: boduruva.gulshan@gmail.com

Дар оғози асри нави милодӣ инсоният ва ҷомеаи ҷаҳонӣ ба марҳалае ворид мегардад, ки дар он зарурати бозбинии модели анъанавии рушд ва сохтани дидгоҳи куллан нави рушди иҷтимоию иқтисодӣ эҳсос мегардад. Бо таваҷҷуҳ ба ин раванд, самтгирии нави рушди ҷамъият ва давлатҳо ташаккул меёбад, ки то ба имрӯз дар таҷрибаи ҳуқуқӣ ва давлатдорӣ камтар мавриди истифода қарор гирифта буд. Концепсияи «рушди устувор» ҳамчун падидаи нави назариявӣ амалии ҷаҳонӣ ба ташаккули тафаккури нав, тағйири муносибати ҷомеа нисбат ба муҳити зист ва пайванд додани сиёсати иқтисодию иҷтимоӣ бо омилҳои экологӣ замина гузошт. Бо дарбаргирии се унсури калидии рушд — иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва экологӣ — ин концепсия ба яке аз пояҳои асосии сиёсати миллию байналмилалӣ аксари давлатҳои олам табдил ёфтааст. Дар ин замина, мақолаи мазкур ба баррасии табиати ҳуқуқии концепсияи рушди устувор, мавқеи он дар ташаккули меъёрҳои байналмилалӣ, инчунин нақши калидии он дар таҳкими ҳуқуқҳои экологӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоии инсон бахшида мешавад.

Калидвожаҳо: *рушди устувор, танзими ҳуқуқӣ, муҳити зист, омилҳои экологӣ, рушди иҷтимоӣ, рушди иқтисодӣ, сатҳи некӯаҳволӣ, меъёрҳои байналмилалӣ.*

ДВОЙНОЕ ГРАЖДАНСТВО В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И ТАДЖИКИСТАНА

Лютфиллозода Таманно Лютфилло

Аспирант 1 – го года обучения кафедры международного права и сравнительного правоведения
Российско – Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде 30
Тел: +992 880 43 00 30, e-mail: tamannolutfullozoda@gmail.com

Настоящая работа посвящена исследованию международно-правовых инструментов, призванных регулировать феномен двойного гражданства, на примере российско-таджикского договора. В рамках исследования анализируются теоретические концепции бипатризма, его влияния для государственного суверенитета и международных обязательств. Также проводится компаративный анализ конституционных и законодательных норм Российской Федерации и Республики Таджикистан, определяющих правовой статус индивидов, обладающих двойным гражданством, и идентифицируются ключевые характеристики правового режима, проистекающие из двустороннего соглашения.

Особое внимание уделено вопросам правового статуса, обязанностей граждан, межгосударственного взаимодействия и влияния международного права на формирование национальных норм. Сделан вывод о том, что российско-таджикская модель двойного гражданства представляет собой пример согласованного регулирования, учитывающего как национальные интересы сторон, так и международно-правовые стандарты.

Ключевые слова: *двойное гражданство; бипатризм; международное право; правовой статус; гражданство Российской Федерации; гражданство Республики Таджикистан; межгосударственный договор; суверенитет; международно-правовое регулирование; миграция.*

На сегодняшний день вопросы гражданства, включая проблемы двойного гражданства являются весьма актуальной не только для одного государства, но и для международного сообщества в целом. Международное право признаёт обладание основными правами и свободами всеми лицами незави-

симо от пола, языка, религии, национальности, политического происхождения и т.д.

В первую очередь, нужно дать характеристику понятием гражданства. Гражданство – это установленная юридическая связь физического лица с каким – либо государством. Исходя из этого понятия, государство обязуется предоставлять определённый объём прав и свобод физическому лицу, в то время как у этого физического лица тоже возникают обязанности перед этим же государством. Возникновение этих взаимоотношений зависит от того, считается ли данный индивид гражданином этого государства, иностранное лицо, либо лицом без гражданства. Юридическое положение вышеупомянутых лиц закрепляется внутренним законодательством каждого государства. Порядок приобретения и утраты гражданства также устанавливается национальным законодательством каждого государства. В случае, если физическим лицом

приобретается гражданство иностранного государства, не утрачивая своё гражданство, в данном случае возникает случаи двойного гражданства, или так называемы «бипатризм».

Проблематика двойного гражданства является одной из наиболее сложных и дискуссионных вопросов в современной международно-правовой науке. Она затрагивает фундаментальные вопросы суверенитета, политической лояльности и объёма прав граждан, обладающих правовой связью с двумя государствами одновременно. По мнению М.И. Офицера: «... ключевым в данном вопросе является неопределенность и неоднозначность в раскрытии содержания двойного гражданства.»¹

По мнению Н.В. Витрук, двойное гражданство включает в себя следующее понятие: «сложный правовой статус лица, одновременно имеющего гражданство двух государств, который обычно явля-

¹ Офицера М.И. Международно–правовые стандарты двойного гражданства. / Стандарты двойного гражданства. [Электронный ресурс] - Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-standarty-dvoynogo-grazhdanstva/viewer> (дата обращения: 27.11.2025)

ется следствием существенных различий в законодательстве о гражданстве соответствующих государств либо результатом их целенаправленного и согласованного решения об этом... двойное гражданство осложняет положение лица, поскольку его устойчивая правовая связь с двумя государствами порождает двойные обязанности.»¹

Касательно, сферу регулирования гражданство в целом, В.В. Александрович отмечает: «во многих государствах регулирование вопросов гражданства входит в сферу конституционного регулирования, при котором на уровне конституции страны закреплены общие подходы к двойному гражданству: запрет, допустимость, условия сохранения и пр. В национальном законодательстве о гражданстве, вопросы двойного гражданства, как правило, детально не прописаны и специфика правового статуса лиц, имеющих двойное гражданство, не регламентируется.»²

Российская Федерация как демократическое государство признаёт институт двойного гражданства. Часть 1 статья 62 Конституции Российской Федерации свидетельствует об этом: «Гражданин Российской Федерации может иметь гражданство иностранного государства (двойное гражданство) в соответствии с федеральным законом или международным договором Российской Федерации»³

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что Российская Федерация разрешает своим граж-

данам иметь гражданство иностранного государства только при наличии международного соглашения Российской Федерации с этим иностранным государством. Как правильно отмечает М.Б. Смоленский: «Допущение двойного гражданства (при наличии закона, международного договора) означает, что Российская Федерация признаёт те юридические последствия, которые вытекают для нее из состояния ее граждан в гражданстве иностранных государств.»⁴

Ссылаясь на внутреннее законодательство России, известно, что Российская Федерация признаёт институт двойного гражданства только при наличии международного договора с определенным государством. Необходимо отметить, что одним из государств, с которым Российская Федерация заключила соглашение по вопросу урегулирования вопросов двойного гражданства, является Республика Таджикистан.

Республика Таджикистан наряду с Российской Федерацией также допускает своим гражданам получать гражданство другого государства. Признания институт двойного гражданства, порядок получения иностранного гражданства регулируется Конституцией Республики Таджикистан как основным законом государства, конституционным законом Республики Таджикистан «О гражданстве Республики Таджикистан», международным правовым актам, признанным Республикой Таджикистан. Следует подчерк-

нуть, что 7 сентября 1995 года Республика Таджикистан заключила межгосударственное соглашение «Об урегулировании вопросов двойного гражданства» с Российской Федерацией.

Согласно внутреннему законодательством, особенно частью 3 статьи 15 Конституции Республики Таджикистан: «Порядок приобретения и прекращения гражданства Республики Таджикистан регулируется конституционным законом.»⁵

В Республике Таджикистан действует специальный нормативный акт, регулирующий все аспекты гражданства, включая порядок приобретения, прекращения, также признания Республикой Таджикистаном институт двойного гражданства. В соответствии с Конституционным законом «О гражданстве Республики Таджикистан» граждане РТ имеют право приобретать двойное гражданство, так как согласно статье 8 вышеизложенного конституционного закона: «Приобретение двойного гражданства определяется международными договорами Таджикистана.»⁶

Согласно статье 1 договора между Российской Федерацией и Республикой Таджикистаном «Об урегулировании вопросов двойного гражданства»: «Каждая из Сторон признаёт за своими гражданами право приобрести, не утрачивая ее гражданства другой Стороны.»⁷

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что Республика Таджикистан и Российская

¹ Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 133, 134

² Волох В.А., Воронина Н.А. К вопросу о двойном гражданстве. // Право и политика, 2018. №1. С. 43.

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 30.11.2025г.)

⁴ Смоленский М.Б., Алексеева М.В. Конституционное право: учебник для бакалавров. Ростов-на-Дону. «Феникс». 2013. С. 167.

⁵ Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. с изменениями и дополнениями от 22 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://mmk.tj/content/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1> (дата обращения: 2.12.2025)

⁶ Конституционный Закон Республики Таджикистан «О гражданстве Республики Таджикистан» от 08 августа 2015 года №1208. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.refworld.org/ru/legal/legislation/natlegbod/2015/ru/135476> (дата обращения: 29.11.2025)

⁷ Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства (Москва, 7 сентября 1995г.). Электронный ресурс. Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=8150 (дата обращения: 30.11.2025)

Федерация, руководствуясь упомянутым международным соглашением, признают право своих граждан на одновременное обладание гражданством Российской Федерации и Республикой Таджикистан.

Главная причина такого подхода заключается в стремлении Таджикистана гарантировать безопасность и отстаивать права своих граждан, проживающих за пределами страны. Кроме того, это способствует укреплению дружественных отношений с теми государствами, с которыми у Таджикистана сложились давние исторические связи. Важно отметить, что наличие российского гражданства у граждан Таджикистана полностью соответствует национальному законодательству республики, поскольку в нем отсутствует прямой запрет на одновременное наличие гражданства Российской Федерации.

В контексте глобальной мобильности и транснациональных

связей, такой подход представляется разумным и оправданным. Наличие двойного гражданства позволяет гражданам Таджикистана пользоваться правами и возможностями как в своей стране, так и в Российской Федерации, что может быть особенно важно для трудовых мигрантов. Это также способствует укреплению культурного обмена и деловых связей между Таджикистаном и Россией.

Стоит подчеркнуть, что политика по вопросу двойного гражданства способна изменяться в зависимости от геополитических условий и внутренних приоритетов государства. Тем не менее, на текущий момент отсутствие явного запрета на двойное гражданство с Российской Федерацией отражает намерение Таджикистана укреплять дружественные отношения с Россией и учитывать интересы своих граждан, находящихся за ее пределами.

Необходимо отметить, что наличие у индивида двойного

гражданства влечёт за собой ряд обязательств по отношению к обоим государствам. Обладатели двух паспортов должны выполнять законы обеих стран, принимать участие в военной службе в соответствии с национальными законами, а также учитывать специфику налогового регулирования и другие правовые аспекты.

Позволение гражданам Республики Таджикистан обладать двойным гражданством с Российской Федерацией свидетельствует о дальновидной дипломатической стратегии и приоритете благосостояния населения. Данный шаг также подчеркивает приверженность Таджикистана построению устойчивых и взаимовыгодных партнерских отношений с Россией, базирующихся на принципах взаимного уважения и учета национальных интересов.

Библиографический список:

1. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. с изменениями и дополнениями от 22 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://mmk.tj/content/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1> (дата обращения: 2.12.2025)
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 30.11.2025)
3. Конституционный Закон Республики Таджикистан «О гражданстве Республики Таджикистан» от 08 августа 2015 года №1208. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://www.refworld.org/tu/legal/legislation/natlegbod/2015/tu/135476> (дата обращения: 29.11.2025)
4. Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства (Москва, 7 сентября 1995г.). Электронный ресурс. Режим доступа: http://portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhovview.php?showdetail=&asosi_id=8150 (дата обращения: 30.11.2025)
5. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 133 – 134
6. Волох В.А., Воронина Н.А. К вопросу о двойном гражданстве. // Право и политика, 2018. – №1. С. 39-47.
7. Смоленский М.Б., Алексеева М.В. Конституционное право. учебник для бакалавров. Ростов-на-Дону. «Феникс». 2013. 547с.
8. Офицерова М.И.. Международно – правовые стандарты двойного гражданства. / Стандарты двойного гражданства. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-standarty-dvoynogo-grazhdanstva/viewer> (дата обращения: 27.1.2025)

DUAL CITIZENSHIP IN INTERNATIONAL LAW: THE PRACTICE OF INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND TAJIKISTAN

Lyutfillozoda Tamanno Lyutfillo

First-year postgraduate student, Department of International Law and Comparative Law, Russian-Tajik (Slavonic) University
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade Street, 30
Tel.: 227-86-48, Email: tamannolutfullozoda@gmail.com

This article analyzes international legal mechanisms regulating dual citizenship, using the Russian-Tajik agreement as an example. It examines theoretical approaches to the concept of dual citizenship, its relationship to state sovereignty, and obligations to the international community. The constitutional and legislative provisions of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan defining the status of persons with dual citizenship are analyzed, and key features of the legal regime arising from the bilateral treaty are identified.

Particular attention is paid to issues of legal impact, responsibility of citizens, interstate interaction and international law at the level of national norms. It is concluded that the Russian-Tajik model of dual citizenship represents an example of coordinated regulation that takes into account both the national interests of the parties and international legal standards.

Key words: *dual citizenship; bipatrim; international law; legal status; citizenship of the Russian Federation; citizenship of the Republic of Tajikistan; interstate treaty; sovereignty; international legal regulation; migration.*

ДУШАҲРВАНДӢ ДАР ҲУҚУҚИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ: ТАҶРИБАИ ҲАМКОРИИ РУСИЯ ВА ТОҶИКИСТОН

Лютфиллозода Таманно Лютфилло

Аспиранти соли аввали кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ ва ҳуқуқи муқоисавии

Донишгоҳи Славянии Россия ва Тоҷикистон 734025,

Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, кучаи М. Турсунзода, 30

Тел.: +992 880 43 00 30, почтаи электронӣ: tamannolutfullozoda@gmail.com

Дар ин мақола механизмҳои ҳуқуқии байналмиллалӣ танзими душаҳрвандӣ бо истифода аз созишномаи Россия ва Тоҷикистон ба унвони мисол таҳлил шудааст. Он равишҳои назариявиро ба мафҳуми душаҳрвандӣ, муносибати он ба соҳибхитӣҳои давлатӣ ва ўҳдадорихо дар назди ҷомеаи байналмилалӣ баррасӣ мекунад. Муқаррароти конститутсионӣ ва қонунгузори Федератсияи Россия ва Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки мақоми шахсони душаҳрвандиро муайян мекунанд, таҳлил карда шуда, хусусиятҳои асосии низоми ҳуқуқие, ки аз шартномаи дучониба бармеоянд, муайян карда шудаанд.

Ба масъалаҳои вазъи ҳуқуқӣ, масъулияти шаҳрвандон, ҳамкории байнидавлатӣ ва таъсири ҳуқуқи байналмилалӣ ба ташаккули меъёрҳои миллӣ диққати махсус дода шудааст. Хулоса мешавад, ки модели душаҳрвандии Русияву Тоҷикистон намунаи танзими ҳамоҳангшуда мебошад, ки ҳам манфиатҳои миллии ҷонибҳо ва ҳам меъёрҳои ҳуқуқии байналмилалиро ба инобат мегирад.

Калидвожаҳо: *душаҳрвандӣ; бипатризм; ҳуқуқи байналмилалӣ; вазъи ҳуқуқӣ; шаҳрвандии Федератсияи Русия; шаҳрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистон; шартномаи байнидавлатӣ; соҳибхитӣӣ; танзими ҳуқуқии байналмилалӣ; муҳочират.*

**РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СБЛИЖЕНИИ
МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА****Мамадамонов Умед Мулкамонович**кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
и сравнительного правоведенияРоссийско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
e-mail: mamadamonov.umed@gmail.com

Международные экономические организации играют важную роль в процессе сближения международного и национального права. Этот процесс можно рассматривать как взаимодействие международных соглашений, стандартов и норм с внутренними правовыми системами государств, что позволяет создавать единые правила для глобальных экономических отношений. Международные экономические организации, такие как Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк, активно разрабатывают нормы и стандарты, которые должны быть соблюдаемы государствами-членами. Эти организации формируют международные соглашения, регулирующие торговлю, инвестиции, валютные отношения и другие аспекты международной экономики. Страны, вступая в такие организации, обязуются интегрировать эти нормы в свои национальные правовые системы. Например, ВТО требует от своих членов соответствия национальных торговых законов международным стандартам, что способствует сближению международного и национального права в сфере торговли.

Ключевые слова: *Всемирная торговая организация, право ВТО, Международный валютный фонд, Всемирный банк, международное право, национальное право.*

Международные экономические организации способствуют сближению международного и национального права, унифицируя нормы и вырабатывая совместные решения в сфере международной торговли, а также влияя на национальное право через разработку правил и руководящих принципов. Они действуют как платформы для сотрудничества, способствуя гармонизации правовых систем, что в свою очередь

обеспечивает равную защищенность стран-участниц и содействует международному экономическому развитию.

Среди других международных экономических организаций в процессе унификации и гармонизации национально-правовых систем особое место занимает Всемирная торговая организация (ВТО). В 1944 году для регулирования новой международной экономической системы были созданы Международный валютный фонд (МВФ) и Международный банк реконструкции и развития (Всемирного банка). Разногласия между ведущими странами по поводу создания третьей международной экономической организации стало причиной принятия отдельного временного соглашения. Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ-47) было принято в 1947 году как временное соглашение до достижения консенсуса по созданию Международной торговой организации. ГАТТ-47 несмотря на свой статус

способствовало плавному переходу от двухсторонней системы к многосторонней торговой системе. Раунды торговых переговоров, которые проходили в рамках ГАТТ-47 способствовали формированию и развитию права ВТО. В частности, как отмечает Зенкин И. В.: «Первые четыре раунда касались лишь тарифных вопросов и привели к значительному снижению уровня импортных таможенных пошлин. Раунд Кеннеди привел к принятию первого варианта Антидемпингового кодекса. В процессе Токийского раунда были разработаны и приняты соглашения по вопросам субсидий и компенсационных мер, таможенной стоимости, правительственных закупок, технических барьеров, импортного лицензирования. Уругвайский раунд переговоров привел к конкретной трансформации

ГАТТ-47 и созданию Всемирной торговой организации».¹

Тем самым ГАТТ-47 способствовало формированию основных соглашений, которые на сегодняшний день составляют основу права ВТО. Следует отметить, что определенного рода недостатки ограничивали деятельность ГАТТ-47. В частности, к недостаткам ГАТТ-47 можно в первую очередь отнести не обязательный характер многих соглашений, которые были приняты в рамках ГАТТ-47 что непосредственно сказывалось на общую тенденцию развития многосторонней торговой системе. К сожалению, многие государства пользовались данным положением исключительно в своих интересах во вред развитию общей многосторонней торговой системе. В большинстве случаев законодательство государств участников ГАТТ-47 имело преимущество перед соглашением ГАТТ-47.

На восьмом раунде торговых переговоров государствами-членами рассматривались как очередные соглашения, так и непосредственно трансформация ГАТТ-47 и создание полноценной международной торговой организации. Тем самым созданию Всемирной торговой организации предшествовало ГАТТ-47, которая непосредственно формировало основы для регулирования международной торговой системы, однако, институциональные недостатки и организационно-правовая форма не позволяли противостоять новым вызовам времени и способствовать дальнейшему развитию в рамках ГАТТ-47. Право ВТО стало основой для дальнейшего регулирования многосторонней торговой системы и формирование единого международно-правового – торгового пространства,

которое будет способствовать развитию национально-правовых систем.

Как справедливо отмечает Ануфрева Л. П.: «Право ВТО, несмотря на многочисленность и разнообразие его составляющих, в том числе международно-договорную его часть, представляет собой целостность с юридической точки зрения. Его нормы образуют единую систему, иерархические связи в которой устанавливаются самими международными договорами, входящими в нее»².

Право ВТО являясь составной частью международного права способствует сближению международного и национального права. Право ВТО непосредственно воздействует на формирование единых международных стандартов и правил, которые содержатся в многочисленных соглашениях ВТО. Следует отметить, что в рамках ВТО существует специальный орган – Орган по разрешению споров в который непосредственно могут обращаться государства члены в случае нарушения права ВТО. В Соглашении об учреждении ВТО в ст. XVI.4 определена общая обязанность всех государств-членов обеспечить соответствию своего внутреннего законодательства нормам права ВТО. Также в рамках отдельных соглашений ВТО также делается акцент на адаптации национального законодательства к требованиям права ВТО: Соглашение о применении статьи VI ГАТТ-1994 (ст. 18.4); Соглашение по субсидиям и компенсационным мерам (ст. 32.5); Соглашение по процедурам импортного лицензирования (ст. 8.2) и т.д.

Современная международная экономическая система характеризуется высокой степенью взаимозависимости государств, что обуславливает необходимость уни-

фицированных правовых подходов в сфере финансовой и валютной политики. Одним из наиболее влиятельных институтов, формирующих такие подходы, является Международный валютный фонд (МВФ), созданный с целью обеспечения стабильности международной валютной системы и предотвращения финансовых кризисов.

МВФ воздействует на национальные правовые системы через обязательные нормы Устава, механизмы кредитования и надзора, а также посредством рекомендаций и международных стандартов. В результате формируется процесс фактического сближения международного и национального права, который особенно ярко проявляется в странах, проходящих макроэкономические трансформации.

Международный валютный фонд играет фундаментальную роль в процессе сближения международного и национального права. Через обязательные нормы Устава, надзорные функции, программы финансирования и инструменты «мягкого права» МВФ стимулирует адаптацию национальных законодательств к международным стандартам валютного и финансового регулирования. Несмотря на существующие вызовы, роль МВФ в гармонизации правовых систем остается ключевой, а его деятельность способствует укреплению международной финансовой стабильности и созданию более согласованного правового пространства.

МВФ располагает определенным набором мер воздействия на государства, не соблюдающие обязательство по договору. Среди этих мер: критические замечания, приостановка некоторых уставных прав государства-члена, исключение государства из состава участников и др.³

¹ Зенкин И.В. Право Всемирной торговой организации. М.: Международные отношения, 2014. С.208.

² Ануфрева Л.П. Право ВТО: теория и практика применения: монография. М.: Норма: ИНФРА М, 2016. С.170.

³ Шумилов В.М. Международное финансовое право. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Межд. Отношения, 2011. С.111.

Всемирный банк (ВБ), в состав которого входят Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международная ассоциация развития (МАР), является одним из наиболее значимых субъектов глобального экономического управления. Его деятельность выходит далеко за пределы финансовой помощи: организация формирует международные стандарты, влияет на экономическую политику государств и направляет их правовое развитие.

В условиях глобализации роль Всемирного банка в сближении международного права с национальными правовыми системами усиливается. ВБ стимулирует гармонизацию законодательства в сферах управления государственными финансами, социальной политики, экологии, инфраструктуры, закупок и правового регулирования частного сектора.

Всемирный банк играет важную и многогранную роль в сближении международного и национального права. Через механизмы условности кредитования, технической помощи, разработки международных стандартов и поддержки институциональных реформ организация способствует гармонизации правовых систем в области финансов, инфраструктуры, экологии, социальной политики и государственного управления.

Посредством проведения периодических консультаций со своими членами МБРР узнает, насколько ответственно и открыто действует государство, а также получает информацию об экономическом положении страны.¹

Правовой статус МБРР не позволяет инвестировать собственные средства в экономику развивающихся стран и напрямую участвовать в кредитовании частных предприятий, приобретать их акции.²

Всемирный банк фактически формирует глобальную нормативно-правовую архитектуру, которая распространяется на государства-члены через механизмы сотрудничества и финансовой поддержки. Это делает его одним из наиболее значимых акторов в процессе правовой глобализации и унификации правовых систем.

Немаловажным вопросам является также рассмотрение взаимодействия международных экономических организации и непосредственно его влияние на сближении международного и национального права. Международные экономические организации для достижения поставленных целей и координации эффективной деятельности по сближению международного и национального права очень тесно сотрудничают. В частности, в п.5 Соглашении об учреждении ВТО отмечается, что

для более эффективной координации глобальной экономической политики ВТО непосредственно сотрудничает с другими международными экономическими организациями, такими как МВФ и МБРР. Дальнейшему развитию отношений между международными экономическими организациями способствовало принятию отдельных соглашений, к которым в том числе относится Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии между ВТО и МВФ, который был заключен в декабре 1996 г.; Соглашение о сотрудничестве между ВТО и МБРР от 1996 г.; Соглашение о сотрудничестве между ВТО, МВФ и МБРР 1996 г. Все данные соглашения свидетельствуют о взаимодействии между основными экономическими организациями в различных вопросах, а также формирование международных стандартов и правил, которые в дальнейшем имплементируются в национальное законодательство. Процесс имплементации способствует гармонизации и унификации национально-правовых систем с международным правом и способствует развитию как национального права, так и непосредственно международного права в целом.

Библиографический список

1. Ануфриева Л.П. Право ВТО: теория и практика применения: монография. – М.: Норма: ИНФРА – М, 2016 – 528 с.
2. Зенкин И.В. Право Всемирной торговой организации. – М.: Международные отношения, 2014. – 792 с.
3. Ковалев А.А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности. Учебное пособие. – М.: Научная книга, 2007. – 424 с.
4. Шумилов В.М. Международное финансовое право. Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Межд. Отношения, 2011. – 328 с.
5. Шумилов В.М. Международное экономическое право: учебник для магистров. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 612 с.

¹ Ковалев А.А. Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности. Учебное пособие. М.: Научная книга, 2007. С.197.

² Шумилов В.М. Международное экономическое право: учебник для магистров. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2014. С.476

THE ROLE OF INTERNATIONAL ECONOMIC ORGANIZATIONS IN THE RENDERING
OF INTERNATIONAL AND NATIONAL LAW

Mamadamonov Umed Mulkamonovich

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International Law
and Comparative Law

Russian-Tajik Slavonic University

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. M. Tursunzade, 30

e-mail: mamadamonov.umed@gmail.com

International economic organizations play an important role in the process of convergence of international and national law. This process can be viewed as the interaction of international agreements, standards and norms with the domestic legal systems of states, which allows for the creation of uniform rules for global economic relations. International economic organizations such as the World Trade Organization (WTO), the International Monetary Fund (IMF), and the World Bank are actively developing norms and standards that must be observed by member states. These organizations formulate international agreements regulating trade, investment, monetary relations, and other aspects of the international economy. Countries joining such organizations commit to integrating these norms into their national legal systems. For example, the WTO requires its members to ensure that their national trade laws comply with international standards, which promotes the convergence of international and national trade laws.

Keywords: *World Trade Organization, WTO law, United Nations, International Law Commission, national legislation.*

**НАКШИ ТАШКИЛОТХОИ БАЙНАЛМИЛАЛИ ИҚТИСОДӢ ДАР НАЗДИКШАВИИ ҲУКУҚХОИ
БАЙНАЛМИЛАЛИ ВА МИЛЛӢ.**

Мамадамонов Умед Мулкамонович

номзади илмҳои ҳуқуқшиносӣ, дотсенти кафедраи ҳуқуқи байналмилалӣ
ва ҳуқуқи шиносии муқоисавӣ

Донишгоҳи славянии Русияву Тоҷикистон.

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Турсунзода М., 30

почтаи электронӣ: mamadamonov.umed@gmail.com

Ташкилотҳои байналмилалӣ иқтисодӣ дар раванди ба ҳам наздик шудани ҳуқуқи байналмилалӣ ва миллӣ нақши муҳим мебозанд. Ин равандро метавон ҳамчун таъсири мутақобилаи шартномаҳо, стандартҳо ва меъёрҳои байналмилалӣ бо низомҳои ҳуқуқии дохилии давлатҳо, ки барои ба вучуд овардани қоидаҳои ягонаи муносибатҳои иқтисодии ҷаҳонӣ имконият медиҳад, дидан мумкин аст. Созмонҳои байналмилалӣ иқтисодӣ, аз қабилӣ Созмони умумиҷаҳонии савдо (СУС), Ҳазинаи байналмилалӣ асҷор (ХБА) ва Бонки ҷаҳонӣ меъёрҳо ва стандартҳоеро ғаъолона таҳия мекунад, ки бояд аз ҷониби кишварҳои узв рӯя шаванд. Ин созмонҳо созишномаҳои байналмилалӣ тартиб медиҳанд, ки тиҷорат, сармоягузорӣ, муносибатҳои пулӣ ва дигар ҷанбаҳои иқтисодӣ байналмилалӣ танзим мекунад. Кишварҳо, ки ба ин созмонҳо шомил мешаванд, ӯҳдадор мешаванд, ки ин меъёрҳо ба системаҳои ҳуқуқии миллии худ ворид кунанд. Масалан, СУС аз аъзои худ талаб мекунад, ки қонунҳои тиҷоратии миллии худро ба стандартҳои байналмилалӣ мутобиқат кунанд, ки ба конвергенсияи қонунҳои тиҷорати байналмилалӣ ва миллӣ мусоидат мекунад.

Калидвожаҳо: *Созмони умумиҷаҳонии савдо, ҳуқуқи СУС, Ҳазинаи байналмилалӣ асҷор, Бонки ҷаҳонӣ, ҳуқуқи байналмилалӣ, қонуни миллӣ.*

Требования к оформлению текста статьи

6.1. Соблюдение международных стандартов этики является неотъемлемой частью политики Журнала. К публикации принимаются только уникальные научные исследования, не опубликованные ранее.

Журнал публикует статьи профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников, аспирантов юридического факультета РТСУ. Журнал также предоставляет возможность для публикаций ученым из других вузов и учреждений Республики Таджикистан, ближнего и дальнего зарубежья.

6.2. В процессе подачи статьи автору необходимо подтвердить, что статья не была опубликована или не была принята к публикации в другом научном журнале (предоставить заявление о заверении в данном обстоятельстве).

6.3. Объем научной статьи не должен составлять менее 0,5 п.л.

6.4. Параметры страницы: поля – 2,5 см со всех сторон. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов – 1,25 см.

Основной текст статьи набирается шрифтом Times New Roman, размер – 14 пт, междустрочный интервал – полуторный. При оформлении статьи необходимо различать знаки дефис (-) и тире (–). Между цифрами ставится знак тире без отбивки (пробелов), напр.: 12–15.

Заглавие статьи набирается прописными (большими) буквами жирным шрифтом, курсивом и форматруется по центру.

Перед заглавием слева прямым шрифтом набирается УДК, под заглавием жирным шрифтом – Ф.И.О. (полностью) автора/авторов, далее внизу светлым шрифтом указывается – его/их ученая степень, ученое звание, должность, а в следующих строках – место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов.

6.5. Под указанной выше информацией помещается авторское резюме на русском языке (70–120 слов), набранный светлым курсивом.

Обязательная структура авторской аннотации:

- актуальность темы;
- новизна исследования;
- основные положения и выводы.

Аннотация должна ясно излагать основное содержание статьи и быть пригодной к публикации отдельно от статьи.

После аннотации статьи следует указать 5–10 ключевых слов (словосочетаний), характеризующих проблематику статьи (набрав их светлым прямым шрифтом).

Пример оформления статьи:

УДК 347.4

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ КОЛЛЕКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Вохидов Икром Каримович

соискатель отдела частного права

Институт философии, политологии и права Академия наук Республики Таджикистан

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

тел.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы, связанные с проблемами определения субъектного состава коллекторской деятельности в Республике Таджикистан. Впервые в цивилистике проводится комплексный анализ субъектного состава коллекторской деятельности.

Автор обращает внимание на то, что ввиду отсутствия в законодательстве Республики Таджикистан положений, регламентирующих правовой статус субъектов коллекторской деятельности, к субъектам данной деятельности можно отнести любое лицо, которое тем или иным образом занимается сбором или возвратом сумм просроченной задолженности. Автор пришел к выводу, что коллекторская деятельность является сугубо профессиональной деятельностью, которая подлежит лицензированию. Именно профессионализм в данной области может стать залогом успешной, легальной и конкурентоспособной деятельности. Субъектом коллекторской деятельности может выступать только юридическое лицо коммерческого характера (коллекторская организация), а также физическое лицо лишь при наличии у него определенной правовой связи с коллекторской организацией.

Ключевые слова

правовой статус; коллектор; коллекторская деятельность; коллекторские услуги; коллекторский бизнес; субъект коллекторской деятельности; профессиональная деятельность; лицензирование.

На первой странице в подстрочнике необходимо указать знак © и Фамилию И.О., год:

© Вохидов И.К., 2020

6.6. Оформление сносок и библиографического списка. Библиографический список должен быть построен **в алфавитном порядке**. В нем указываются только научные источники: научные статьи, монографии, диссертации, авторефераты диссертаций, научные комментарии, учебная литература, электронные ресурсы и т.д.

В основном тексте ссылки на источник, помещенный в библиографическом списке, нормативно-правовые акты и судебную-арбитражную практику, помещаются в текст научной статьи в качестве постраничных сносок. Сноски должны быть постраничными и подстрочными, нумерация сносок начинается с каждой страницы.

Сноски набираются шрифтом Times New Roman, размер – 10 пт, междустрочный интервал – одинарный.

Источники в библиографическом списке и сноски в основном тексте оформляются в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008.

В библиографическом списке приветствуется наличие **иностранных источников**, реально используемых при написании научной статьи. При этом иностранные источники указываются в библиографическом списке в алфавитном порядке строго после русскоязычных источников.

Избыточное и необоснованное цитирование не допускается.

Примеры оформления сносок в тексте научной статьи:

¹ Гриненко А.В. Уголовный процесс: учебник. М.: Норма, 2009. С. 25.

² См.: Сычев М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. Астрахань: Волга, 2009. С. 34.

Примеры оформления библиографического списка:

Книги

Сычев, М.С. История Астраханского казачьего войска: учебное пособие. - Астрахань: Волга, 2009. - 231 с.

Соколов А.Н. Гражданское общество: проблемы формирования и развития (философский и юридический аспекты): монография. - Калининград: Калининградский ЮИ МВД России, 2009. - 218 с.

Гайдаенко Т.А. Маркетинговое управление: принципы управленческих решений и российская практика. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Эксмо : МИРБИС, 2008. - 508 с.

Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. - М.: Терра-Кн. клуб, 2009. - 4 т. Управление бизнесом: сборник статей. - Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2009. - 243 с.

Маркетинговые исследования в строительстве: учебное пособие для студентов специальности "Менеджмент организаций" / О.В. Михненко, И.З. Коготкова, Е.В. Генкин, Г.Я. Сороко. - М.: Государственный университет управления, 2005. - 59 с.

Нормативные правовые акты

Конституция Российской Федерации: офиц. текст. - М.: Маркетинг, 2001. - 39 с.

Семейный кодекс Российской Федерации: [федер. закон: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г.: по состоянию на 3 янв. 2001 г.]. - СПб.: Стаун-кантри, 2001. - 94 с.

Стандарты

ГОСТ Р 7.0.53-2007 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Международный стандартный книжный номер. Использование и издательское оформление. - М.: Стандартинформ, 2007. - 5 с.

Депонированные научные работы

Разумовский В.А. Управление маркетинговыми исследованиями в регионе. - М., 2002. - 210 с. - Деп. в ИНИОН Рос. акад. наук 15.02.02, № 139876.

Диссертации

Лагуева И.В. Особенности регулирования труда творческих работников театров: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - 168 с.

Покровский А.В. Устранимые особенности решений эллиптических уравнений: дис. ... д-ра физ.- мат. наук. - М., 2008. - 178 с.

Авторефераты диссертаций

Сиротко В.В. Медико-социальные аспекты городского травматизма в современных условиях: автореф. дис. ... канд. мед. наук. - М., 2006. - 17 с.

Лукина В.А. Творческая история "Записок охотника" И.С.Тургенева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. - СПб., 2006. - 26 с.

Отчеты о научно-исследовательской работе

Методология и методы изучения военно-профессиональной направленности подростков: отчет о НИР / Загорюев А.Л. - Екатеринбург: Уральский институт практической психологии, 2008. - 102 с.

Электронные ресурсы

Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия [Электронный ресурс]: вызовы и возможности. - М., 2005. 1 CD-ROM.

Насырова Г.А. Модели государственного регулирования страховой деятельности [Электронный ресурс] // Вестник Финансовой академии. - 2003. - № 4. - URL: [http://vestnik.fa.ru/4\(28\)2003/4.html](http://vestnik.fa.ru/4(28)2003/4.html). (дата обращения: 23.03.2019).

Статьи

Берестова Т.Ф. Поисковые инструменты библиотеки // Библиография. - 2006. - № 6. - С. 19-25.

Кригер И. Бумага терпит // Новая газета. - 2009. - 1 июля

6.7. Англоязычная часть статьи. После библиографического списка приводятся на английском языке название статьи, И.О. Фамилия (полностью) автора/авторов, его/их ученая степень, ученое звание, должность, место работы (в именительном падеже) и его адрес (с почтовым индексом), телефон и E-mail автора/авторов, аннотация (70-120 слов), а также ключевые слова.

**ON THE QUESTION OF THE SUBJECT OF DEBT
COLLECTION ACTIVITY IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN**

Vokhidov Ikrom Karimovich

private law applicant

Institute of Philosophy, Political Science and Law Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30

tel.: 918 43 23 35, e-mail: grazhdanskoe.pravo@mail.ru

Annotation

The authors of the article consider issues of defining the subject structure of collection activity in the Republic of Tajikistan. For the first time in civil science, a comprehensive analysis of the subject composition of collection activity is carried out.

The author draws attention to the fact that, due to the lack of provisions in the legislation of the Republic of Tajikistan that regulate the legal status of collection entities, the subjects of this activity include any person who collects or returns overdue amounts in one way or another.

The author concluded that collection activity is a purely professional activity, which is subject to licensing. It is professionalism in this area that can become the key to successful, legal and competitive activities. The subject of collection activity can only be a legal entity of a commercial nature (collection organization), as well as an individual only if he has a certain legal relationship with the collection organization.

Keywords

legal status; collector; debt collection activity; collection services; collection business; subject of collection activity.

6.8. Таджикскоязычная часть статьи. После англоязычной части статьи приводятся на таджикском языке название статьи, И.О. Фамилия автора, место работы и его адрес, идентификационные коды автора (**при наличии**), адрес электронной почты, аннотация (70–120 слов прямым шрифтом), а также ключевые слова.

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 25.12.2025. Подписано в печать 26.12.2025.
Бумага офсетная. Печать офсетная Гарнитура
литературная. Формат 60x84 ¹/₈. Объем 15 п.л.
Тираж 100 экз. Заказ №129.

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан,
г. Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30